

Аннотация: Лев Диакон – один из крупнейших византийских авторов второй половины X века.

В десяти книгах своей «Истории» он описал современные ему события внутренней и в особенности внешнеполитической жизни империи. Его повествование охватывает преимущественно 959 – 976 годы, хотя в ряде экскурсов он сообщает факты, относящиеся к более позднему времени (вплоть до 992 года).

Труд Льва Диакона, близкого к придворным кругам и весьма осведомленного автора, – ценный и интересный источник не только по истории Византийской империи, но и Болгарии и Древней Руси: балканские войны киевского князя Святослава в 968 – 971 годах составляют один из основных сюжетов его сочинения.

Лев Диакон
История

Книга 1

1. Если и имеется какое-либо из благ, приносящих пользу в жизни, то во всяком случае не меньше, а больше всего оказывает нам услуги, является необходимой и полезной история [1]. Она вскрывает разнообразные и многоразличные деяния, которые возникают и естественным порядком, под влиянием времени и обстоятельств, и в особенности по произвольному решению лиц, занимающихся государственными делами [2], и учит людей одно одобрять и ставить себе в качестве образца, другого же гнушаться и избегать, чтобы не осталось в неизвестности и проводилось в жизнь все полезное и ценное и чтобы никто не делал попыток свергнуть себя в ужасные и вредные начинания.

Таким образом, история словно воскрешает или вдыхает новую жизнь в умершее, не позволяя ему погрузиться и исчезнуть в пучине забвения, и признана важнейшей среди всех полезных людям вещей. В мое время произошло много необычайных и чудесных событий: на небе являлись устрашающие видения, случались ужасные землетрясения, разражались бури, проливались неистовые ливни, бушевали войны и по всей вселенной бродили вооруженные полчища, города и страны сходили со своих мест, так что многим казалось, будто наступает перемена жизни и к порогу приближается ожидаемое второе пришествие Бога-спасителя [3]. Я решил не умолчать о полных ужаса и достойных удивления событиях, но поведать о них в назидание потомкам, если провидению не будет угодно уже теперь привести паром жизни к пристани смерти и изменить образ мира сего [4].

Берясь за труд, превышающий мои силы, я хочу, чтобы меня не постигла в усердии моем неудача, хочу приблизиться к величию всего случившегося [5] и подобающим образом о нем рассказать. Постараюсь изложить свою историю по возможности подробно. Я, составитель ее, Лев, сын Василия [6], родина моя – Калоз [7], прекраснейшее селение Азии [8], расположенное у холмов Тмола [9] близ истоков реки Каистра [10], которая, протекая мимо Кельвиана [11], доставляет своим видом усладу зрению и,

разлившись, впадает в залив знаменитого и славного Эфеса [12] . Но приступим к рассказу об общественных делах, стараясь как можно ближе держаться истины, ибо правдивость больше всего приличествует истории. Люди, сведущие в науке, говорят, что риторике присуща сила выражения, поэзии – мифотворчество, истории же – истина [13] .

Я полагаю, что мне не следует касаться событий, происшедших в царствование василевса [14] Константина [15] , прозванного Багрянородным, сына Льва, перед рождением и смертью которого была, говорят, видна на небе комета [16] , предвещавшая его появление на свет и кончину, – об этих событиях достаточно писали другие [17] . Я представляю в своем сочинении, что случилось после его царствования, и опишу то, чему я сам был свидетелем (ведь глазам, как утверждает Геродот, следует больше доверять, чем ушам [18]), и то, о чем я слышал от очевидцев.

2. Когда в ноябре месяце 3 индикта 6467 г. [19] упомянутый василевс Константин покинул жизнь и обрел покои в ином мире [20] , самодержавную власть принял его сын Роман, уже вышедший из юношеских лет [21] и приближавшийся к зрелому возрасту. Это был муж прекрасный лицом, приятный в общении, приветливый, полный всяческих достоинств, добрый и благосклонный ко всем подданным и вообще доблестный во всех отношениях. Но он чрезмерно предавался юношеским страстям и забавам и всех, кто его побуждал к такому [времяпрепровождению], приглашал к царскому столу, чего делать не следовало [22] . Этому василевсу Роману пришлось на ум ниспровергнуть с божьей помощью могущество критских арабов [23] , не в меру возгордившихся и замысливших погубить ромеев. Радуюсь недавно случившемуся с ромейской державой несчастью [24] , они часто разоряли ее приморские области. Я расскажу кратко о бедствии, постигшем ромеев.

Василевс Константин, будучи более не в силах сносить дерзость критян и их внезапные набеги, собрал боеспособное войско, снарядил большое число огненосных триер [25] и отправил их к Криту, надеясь одним ударом овладеть островом. Но из-за трусости и неопытности полководца, жалкого бездельника родом из пафлагонцев [26] , бывшего евнухом при дворе, хотя и украшенного славным достоинством патрикия [27] (имя его было Константин, а прозвище Гонгила [28]), все собранное войско было, за исключением нескольких человек, разбито и уничтожено варварами.

3. Желая возместить ущерб, нанесенный этим поражением, василевс Роман [29] назначил стратигом-автократором [30] для ведения войны против Крита Никифора Фоку [31] , достойнейшего из магистров [32] , командовавшего тогда войсками Востока (ромеи эту должность называют domestikом схол [33]), как человека несокрушимой силы, предприимчивого, деятельного и опытного в военном деле. Этот Никифор, по приказу василевса собрав войска Азии, посадил их на корабли [34] , отправился в плавание и прибыл к Криту с большим числом быстроходных огненосных судов (ромеи именуют их дромонами). Когда наступило время высадки, он на деле показал свою опытность в ведении войны. Он привез с собою на судах сходни, по которым, спустив их на берег [35] , перевел с моря на сушу вооруженных всадников [36] . Пораженные новым для них и удивительным зрелищем, варвары стояли на месте по отрядам, соблюдая неразрывный строй, ожидая приближения ромеев. Расчленив фалангу на три части, стратиг ромеев Никифор велел воинам сомкнуть щиты и выставить копья, приказал вынести вперед знамя с изображением креста и, возгласив боевой клич [37] , двинулся прямо на варваров. Завязалась ужасная битва [38] , стрелы сыпались градом; варвары не смогли устоять против натиска ромейских копий, ряды их расстроились, и они, обратясь в бегство, изо всех сил устремились к

своему укреплению. Ромеи, преследуя их, перебили несметное число. Так успешно окончилось для ромеев их первое нападение и сражение. Когда варвары заперлись, как было сказано, в своей крепости [39], стратиг созвал войска и разбил перед городом критян лагерь [40]; триерам и прочим фортидам [41] он приказал находиться всем вместе в безопасной гавани, охранять подступы с моря и преследовать, сжигая жидким огнем, всякий замеченный варварский корабль, который попытается отплыть [42]. Тщательно все предусмотрев и подготовив, он вверил отряд отборных воинов стратигу Никифору по прозванию Пастила, человеку мужественному, участвовавшему во многих войнах; много раз бывал он пленен агарянами [43] и столько же раз убегал из плена; на лице и на груди его было множество рубцов от ран, полученных на поле брани. Ему-то, бывшему в то время стратигом [фемы] Фракисиев [44], было поручено обойти во главе отряда остров и обследовать его. Никифор Фока наказал ему бодрствовать и трезвиться [45], не предаваться бездействию и праздности [46], чтобы не навлечь на себя беды со стороны неприятелей; обойдя страну и совершив какой-либо славный [подвиг], Пастила [должен был] возможно скорее вернуться в лагерь.

4. Но благо никогда не дается людям в чистом виде, к нему всегда присоединяется зло; успехам сопутствуют неудачи, удовольствиям – огорчения, и невозможно в полной мере насладиться счастьем [47]. Так случилось тогда и с ромеями. Вступив в страну цветущую и во всем изобильную (земля там богата прекрасными плодами и разными соками, пастбищами и скотом), они, вместо того чтобы строго следовать, как это положено, наставлениям стратига, полностью пренебрегли ими, забыли о них, предались праздности и неге. Прятавшиеся в удобных для обороны лесистых горах варвары увидели, что [ромеев] невоздержаны и беспечны, вышли из лесов и ущелий, построились в боевой порядок и напали на них сомкнутым строем. Ромеи, хоть и были совершенно пьяны и нетвердо держались на ногах, все же выступили против варваров и мужественно им сопротивлялись. Стратиг Пастила отважно сражался и сокрушал ряды варваров, но конь его, пораженный в грудь стрелами и копьями, упал и испустил дух. Он быстро соскочил с коня и, отражая некоторое время натиск варваров мечом, многих из них перебил. Истекая кровью, израненный множеством стрел, он пал мертвым на пространстве между сражающимися войсками. Когда он погиб, ромеи обратились в бегство, а преследовавшие их варвары перерезали почти всех, будто жертвенных животных, так что очень немногие из этого отряда вернулись невредимыми в лагерь [48].

Когда Никифор узнал о постигшем ромеев несчастье, он осудил неразумие и беззаботность погибших. Опасаясь превратности и непостоянства судьбы [49], он признал необходимым не мешкать более, не тратить попусту времени и во что бы то ни стало завершить войну, покуда варвары, осмелев, не стали нападать из засад и выступать против них соединенными отрядами.

5. В то время как Никифор Фока все это обдумывал и принимал решение (а он был мужем изобретательным и предприимчивым, из всех известных нам людей наиболее способным задумывать и совершать полезные дела, благоразумным и не склонным к наслаждениям; сверх того он отлично умел использовать время и обстоятельства, обладал непобедимой силой и крепостью тела: говорят, что однажды, когда на него напал один из храбрейших варваров, обычно начинавший бой, Никифор направил в его грудь копье и нанес обеими руками удар такой силы, что оно прошло тело насквозь, пронзив переднюю и заднюю стенки панциря) [50], так вот, ему пришла в голову мысль обойти кругом город и тщательно все осмотреть, чтобы выбрать наиболее подходящее для приступа место. Завершив обход, он

убедился, что будет трудно [не только] ворваться в город, [но] и подойти к нему: с одной стороны надежной преградой служило море, с другой стороны возвышалась ровная и гладкая скала, на которой были воздвигнуты стены, представлявшие собою необычное и удивительное строение. Они были сооружены из земли, перемешанной с плотно свалянными свиными и козьими волосами, ширина стен была такова, что по их гребню во всю длину свободно могли проехать две колесницы; высота их также была вполне достаточной; помимо этого, вокруг стен были вырыты два очень широких и глубоких рва [51] .

Увидев, как мы уже сказали, что город укреплен и совершенно неприступен, Никифор придумал следующее средство. Он выстроил стену на всем протяжении от южного берега до противоположного и запер таким образом город критян у моря. Варвары уже не могли теперь безопасно совершать вылазки на берег, в он получил возможность начинать или не начинать сражение по своему усмотрению. Стена была построена быстро, и Никифор устремился к новой победе, о которой мы сейчас расскажем. Он созвал всех военачальников к своему шатру и громко провозгласил следующее:

6. «Я думаю, что никто из вас не забудет жестокости и зверства потомков рабыни, агарян, которым этот остров достался благодаря злостному попущению судьбы, не забудет и то, как они нападали и уводили в рабство людей и как гибельно отразилось это на ромеях. Разве не превратилось в пустыню почти все морское побережье из-за их разбоя? Не из-за их ли набегов опустела большая часть островов? [52] Вот почему провидение не позволило этим лжецам, этим ненасытным зверям, этим праздным обжорам [53] истребить до конца христианский народ. Воля властителя направила сюда нас, чтобы мы всемерно воздали за причиненные нам страдания. Доказательством сказанному служит недавняя [наша] победа. Мы едва успели завершить плавание и выйти на остров, нас еще мутило от путешествия по морю, а мы уже с помощью Всемогущего [54] обрели большинство варваров мечу, остальных же без труда заперли в городе. Заклинаю вас, соратники, не склоняться к праздности и неге, пусть недавнее наше несчастье послужит вам примером. Если бы отправившиеся с Никифором Пастилой для обозрения страны не пренебрегли моими наставлениями и не предались излишествам и наслаждениям, они не погибли бы столь ужасно. Нарушив мои предписания, они понесли в заслуженную кару за свое неразумие. Остерегаясь бедственной участи товарищей, нам следует быть воздержанными и бдительными, со всем рвением и усердием разведать и выследить притаившихся здесь, подобно зверям, варваров, выгнать их из пещер и берлог и уничтожить. Не станем же тратить время в праздности и пьянстве, но будем ромеями и докажем в сражениях мужество и благородство нашего рода!» [55]

7. Стратиг кончил свою речь, воины приободрились и начали рукоплескать. Обнажив мечи, они выказали готовность повиноваться ему и следовать за ним, куда он пожелает. Но он убедил их не двигаться и сохранять спокойствие до тех пор, пока он, выбрав удобное время, не прикажет им вступить в бой. Отобрав из [всей] армии наиболее храбрых и ловких воинов, он вышел из д. лагеря глубокой ночью, не производя никакого шума, чтобы варвары не заметили его ухода и не причинили беды оставшемуся войску.

Выйдя таким образом из лагеря и пройдя часть страны, он узнал от пленных, что на какой-то возвышенности собирается варварское войско числом около сорока тысяч и что оно намеревается внезапно напасть на ромеев, прогнать их с острова и освободить осажденных в городе критян. Раздобыв эти сведения, стратиг дал шедшему с ним отборному войску день отдыха, а поздним вечером, взяв с собою проводников из местных уроженцев [56] , выступил в поход; он шел весьма быстро при ярком свете полной луны

и, не сбавляя шагу, окружил возвышенность, на которой глубоким сном спали варвары. Затем, приказав трубить в трубы и бить в тимпаны, он стал взбираться на гору. Услышав лязг оружия, раздетые, застигнутые врасплох, устрешенные неожиданным нападением, варвары обратились в бегство. Но спастись было невозможно, так как все склоны горы были заняты ромейской фалангой.

Таким образом, за короткое время состоявшее из сорока тысяч варварское войско стало жертвою ромейских копий и было полностью истреблено [57]. К этому новому трофею полководец присоединил еще и другой трофей: он приказал отрубить, головы у всех убитых и нести их в походных сумках в лагерь; каждому, кто принесет голову, он обещал денежную награду. Все воины с радостью стали выполнять этот приказ, в особенности отряд армян [58]. Они отрезали головы варваров и укладывали их в сумки [59]. Ночью стратиг вернулся в лагерь.

8. На следующий день, как только лучезарное светило поднялось над горизонтом и устремилось к вершине небесного свода, [Никифор] приказал насадить часть варварских голов на копья и расположить рядами на воздвигнутом им валу, другую же часть бросать камнеметами в город. Когда критяне увидели строй копий, утыканных головами, и убедились, что эти головы и другие, что летели по направлению к городу и ударялись о зубцы стен, принадлежали их соотечественникам и родственникам [60], их охватил ужас и безумие: они оцепенели от неожиданного душераздирающего зрелища. Раздавались вопли мужчин и рыдания женщин, и казалось, что город, где все рвали на себе волосы и оплакивали горячо любимых близких, уже взят.

Но они совсем не собирались уступить ромеям и признать себя побежденными [61]: надеясь на неприступность своих укреплений, они старались не терять мужества и в полном вооружении ожидали натиска ромеев, намереваясь дать отпор каждому, кто приблизится к ним. Стратиг же [велел] трубить к сражению и, побуждая войско встретить опасность грудью, двинул его на стены. И вот завязалась битва, во время которой взору предстало множество подвигов силы и отваги; повсюду свистели копья, снежным вихрем проносились стрелы, из метательных орудий беспрестанно летели камни, ударявшиеся о зубцы стен. Необходимость вынудила и варваров сражаться мужественно. Упорно защищаясь, они стреляли со стен из луков, метали секиры [62] и низвергали огромные камни. Они не пренебрегли ни одним средством обороны и причинили [ромеям] не меньше вреда, чем испытали сами. Опасность надвинулась на них вплотную, а надежды на спасение не было, поэтому они напрягли последние силы и отважно сопротивлялись противнику.

9. Ромейский стратиг Никифор убедился в том, что стены города надежно укреплены, совершенно недоступны и неодолимы их нельзя было захватить с одного натиска, так как они были очень высоки и опоясаны двумя рвами, глубина которых равнялась высоте стен); [он видел] также, что варвары сопротивляются отчаянно, сверх всяких сил, и решил не сражаться более с обезумевшими, идущими на верную гибель людьми, прекратить бесплодные попытки овладеть стенами снизу, под градом стрел, не подвергать напрасно уничтожению войско ромеев, а обресть осажденных на голод, до тех пор, пока не будут в достаточном количестве изготовлены «черепахи» и другие осадные орудия [63]. Он отложил сражение, протрубил фалангам воинов сигнал к отступлению и вернулся в лагерь. Свой стан он окружил валом и обвел его надежным рвом, после чего стал упражнять войско и укреплять ежедневными учениями военную опытность фаланг [64]. По его приказу искуснейшие техниты строили осадные машины. При каждом удобном случае он устраивал

нападения и обстрелы; в этом месте [Никифор] со всем войском провел у стен города зиму.

Книга 2

1. Таким образом, ромейский стратиг Никифор, как уже упоминалось, переправил свое войско на остров Крит, вступил в борьбу с тамошними варварами, часть из них сделал добычей меча, а остальных очень скоро и без особых усилий подверг осаде в городе, подле которого он провел зиму [1], ежедневными учениями готовя воинов к предстоящим сражениям. В это время Хамвдан [2], предводитель живущих по соседству с Киликией [3] агарян [4], муж сообразительный и предприимчивый, с юных лет несомненно превосходивший всех соотечественников в военном искусстве, узнал о морской экспедиции ромейского войска против критян и решил, что настало удобное время безнаказанно ворваться в восточные владения ромеев и, не потеряв ни капли крови, разорить их, захватить большие богатства и снискать себе вечную славу [5]. И вот, собрав самых сильных и мужественных арабов и агарян, Хамвдан вступил в ромейские пределы, сжигая и грабя все на своем пути [6].

Узнав о нападении [Хамвдана] и о его наглom, насильственном продвижении, самодержец Роман послал против него Льва Фоку, родного брата Никифора, начальника воинских сил Европы (ромейи именуют эту должность domestik Запада) [7]. Лев был мужем храбрым, доблестным, необычайно разумным, из всех известных нам людей наиболее способным находить правильное решение в затруднительных обстоятельствах; я полагаю, что в сражениях ему сопутствовала некая божественная сила [8], побеждавшая всех его противников и делавшая их покорными.

2. Много битв разразилось во время его начальствования над войском, и ни в одной противник не одержал над ним верх, всегда на его стороне была полная победа. Случилось как-то, что через Истр [9] переправилось скифское войско (народ этот называют гуннами) [10], стратиг Лев не мог вступить с ними в открытый бой – враги похвалялись неисчислимостью своих отрядов, а войско, которое он привел с собою, было незначительно и неспособно к сражению, поэтому он решил не подвергать себя и своих воинов явной опасности, но напасть на скифов скрытно и свершить нечто мужественное и отважное, снискав себе этим громкую славу. И вот, подкравшись незаметно лесом к гуннам, он из засады смотрел их расположение и точно подсчитал число врагов, затем глубокой ночью, разделив фалангу на три части, подступил к скифам, внезапно напал на них и в течение короткого времени учинил такую резню, что лишь немногим из огромного числа неприятелей удалось ускользнуть [11].

Именно этого стратига Льва самодержец Роман переправил в Азию, чтобы он всеми доступными ему средствами воспрепятствовал разбойничьим устремлениям варваров и отразил их дерзкие, бесстыдные набеги. Как только Лев переправился из Европы в Азию, до него стали доходить слухи о наглости и жестокости Хамвдана; он увидел сожженные храмы и деревни, разрушенные укрепления и опустевшие селения, из которых все жители были насильственно уведены в плен. [Полководец] решил не подвергать воинов явной опасности и не выставлять в открытом бою против многочисленных, хорошо вооруженных, одержавших не одну победу, гордых неожиданными

удачами варваров свое малочисленное, плохо подготовленное, напуганное благополучием агарян и каждодневными их успехами войско. Он предпочел устроить засады на ключевых горных склонах, откуда было удобнее следить за продвижением врагов, и, когда они будут проходить по скользким ненадежным тропам, напасть на варваров и стойко с ними сражаться [12].

3. В то время как стратиг Лев все это обдумывал и принимал решение, ему пришло на ум ободрить своих воинов речью, побудив их выступить в случае нужды против варваров и смело действовать в бою. Выйдя вперед и помолчав немного, он стал воодушевлять воинов такими словами: «Соратники! Зная вашу отвагу воинскую доблесть и опытность, общий наш господин и государь послал нас под моим верховным командованием в изнуренную набегами и грабежами Хамвдана, поверженную на колени Азию. Вот почему я склоняю вас не к тому, чтобы вы храбро сражались, – я полагаю, что незачем поощрять речами к мужеству тех, кто с юных лет отличается доблестью и отвагой, – но хочу, чтобы вы побеждали врага [благоразумием и] рассудительностью. Ведь военный успех зависит обычно не столько от силы натиска на противника, сколько от мудрой прозорливости и умения вовремя и с легкостью одержать победу. Вы сами ясно видите многочисленные, несметные ряды врагов, рассыпавшиеся по близлежащим Долинам: о нашем же войске я скажу, что оно бесстрашно и могуче силой и духом, однако никто не может утверждать, будто оно велико и фаланги его готовы к сражению. Поэтому нам как истинным ромеям следует хорошо подумать и посоветаться о том, как найти выход в затруднительных обстоятельствах, как действовать не во вред себе, а на пользу. Не будем же, проявляя отчаянную храбрость, безрассудно устремляться к неизбежной гибели; необузданная отвага сопряжена обычно с опасностью, а рассудительная медлительность может привести к спасению тех, кто к ней прибег».

4. «Исходя из этого, воины, я советую вам не подвергать себя опасности, безудержно устремляясь на варваров, расположившихся на равнине: не лучше ли, устроив засады в неприступных местах, ожидать приближения врагов, а затем уже [всей силой] обрушиться на них и храбро сражаться? Так, я думаю, мы с божьей помощью победим неприятеля и отберем все награбленное им у наших соотечественников. Часто удается уничтожить врага неожиданным нападением: внезапным приступом легко сокрушить бахвальство и спесь. Сохраняя юношескую отвагу и приобретенное в боях благородство, начинайте сражение, когда я подам знак трубами!»

Вот какую речь произнес стратиг [13]. Войско криками и рукоплесканиями выразило свое одобрение, признало его советы наилучшими и изъявило готовность следовать за ним повсюду. Он обложил засадами всю дорогу, проходившую по крутым, отвесным, расщепленным ущельями вершинам и вдоль изрезанных оврагами склонов, обильно поросших деревьями и различными кустарниками. Заранее заняв скрытые места, стратиг ожидал приближения варваров.

Хамвдан же кичился и чванился своими многолюдными отрядами, хвастал и бахвалился обилием добычи и многочисленностью пленных; он все время уклонялся в сторону от дороги, сидя на крупной необыкновенно резвой кобылице, и появлялся то перед войском, то позади него, потрясая копьем, которое он то устремлял в пространство, то, трепещущее, снова притягивал к себе. Когда кончился доступный для лошадей путь, варвары струдились на труднопроходимых, узких, неровных тропинках; их строй рассыпался, и каждый стал как попало взбираться по кручам. Вот тогда-то полководец протрубил сигнал и, подняв из засады своих воинов, устремился на варваров.

5. Все они [до этого момента] держались за рукояти мечей и [теперь], обнажив их, стали налево и направо истреблять вражеское войско, утомленное тяжелым переходом, тогда как сами были исполнены сил. Сам Хамвдан едва не попал в плен к ромеям, но, будучи весьма изобретательным и очень находчивым в трудных обстоятельствах, он отвлек ромеев от преследования тем, что велел рассыпать по дороге золото и серебро, которое в изобилии вез с собою. Ромеи стали подбирать золото, а ему с немногими телохранителями удалось тем временем бежать от опасности. В этом бою ромеи истребили такое число варваров, что и теперь еще повсюду видны там, говорят, груды человеческих костей [14].

Таким образом, стратиг добился с помощью оружия и хитрости победы, уничтожил многолюдное войско варваров и обратил в бегство Хамвдана, сбив с него спесивое чванство, обнажив его постыдное малодушие и трусость. Затем он [приказал] снести в одно место доставшуюся в бою добычу, а также награбленное варварами у ромеев, созвал всех воинов и разделил большую часть между ними [15]. Пленных [варварами жителей] он снабдил всем необходимым на дорогу и отправил по домам, а захваченных в этой войне агарян заковал в цепи и, вознеся благодарственные молитвы провидению, с победным гимном отправился в путь к самодержавному властителю, готовясь к торжественному въезду в Византий [16]. Воины рукоплескали полководцу, заслуженно восхищаясь им, и прославляли мужа, равного которому не породило живущее поколение; видя, что ему всегда сопутствует удача в битвах, они почитали его счастье божественным даром.

Когда Лев достиг Византии и вошел в город с обильной добычей и множеством пленных агарян, самодержец Роман принял его с честью; во время триумфа в театре [17] Лев изумил зрителей огромным числом рабов [18] и [количеством] захваченного добра; государь по достоинству оценил наградами и почестями его ратные подвиги. Так благодаря полководцу Льву, была спасена Азия [19], а побежденный Хамвдан стал беглецом и скитальцем.

6. Родной брат Льва, о котором шла речь, Никифор Фока (следует повторить в главных чертах рассказ о нем и продолжать последовательное изложение нашей истории) подступил к городу критян и провел там зиму, готовя войско к сражению и сооружая осадные машины. Он успешно выполнил все согласно своим намерениям, а когда зимнее положение солнца стало понемногу изменяться к весеннему, вооружил своих воинов, расположил их глубокой фалангой и под звуки труб и шум тимпанов двинулся приступом на город. В то время как стратиг укреплял передние ряды и выстраивал воинов в четырехугольник, из-за [вражеского] вала высунулась, ломаясь и кривляясь, какая-то беспутная девка и стала самым наглым и бесстыдным образом ворожить и распевать заклинания [20]. Среди критян, говорят, в большом ходу прорицания, колдовство, вымогательства у алтаря и суеверия, проникшие к ним давно от манихеев и Моамета [21]. Но наглая девка не только чародейством обнаружила свое распутное бесстыдство: подняв выше дозволенного платье и обнажив тело, она осыпала Проклятиями и насмешками стратига. Тогда один меткий лучник, натянув тетиву, пустил в разнузданную бабенку стрелу. Свалившись с башни на землю, она расшиблась и испустила дух, поплатившись жалкой смертью за дерзость. Сразу завязалась жаркая битва, и критяне некоторое время сопротивлялись; стоя на стенах, они упорно отражали натиск ромеев и многих ранили.

7. Увидев это, стратиг быстро подвел камнеметы и приказал бросать в варваров [камни]. Затем он придвинул к стенам осадную машину (ромеи называют это изобретение «бараном», потому что железо, насаженное на бревно, пробивающее городские стены, действительно напоминает по форме

баранью голову). Под градом тяжелых камней, извергаемых камнеметами, варвары стали поспешно отступать. Когда «баран» уперся в стену и стал наносить по ней сильные удары, множество воинов, вооруженных камнеломными орудиями, спустились в ров и начали подкапывать укрепление, вырубая и выламывая камни, служащие ему основанием. Камень в этом месте оказался, к счастью, песчаным и потому довольно легко уступал и поддавался [усилиям воинов]. Тем временем «баран» не переставал бить по стене и постепенно сокрушал это прочно сложенное, трудноразрушимое сооружение. Посланные в ров воины подрыли часть стены так, что под ней образовалось достаточное углубление и она стала нависать; затем они подперли стену прямыми бревнами, натащили сухого, легковоспламеняющегося дерева, подожгли его и вылезли из подкопа. Пламя разгорелось, подпорки обуглились, и две башни вместе с находившейся между ними частью стены, внезапно растрескавшись, осели и рухнули, обвалившись, на землю [22].

Изумленные неожиданным зрелищем и уstraшенные сверхъестественностью происшедшего, критяне некоторое время уклонялись от сражения. Но вскоре, вспомнив о том, что им грозит пленение и рабство, враги плотно сомкнули строй, с поразительным мужеством встретили устремившуюся через пролом в стене фалангу ромеев и, презирая опасность, с нечеловеческой яростью вступили в бой за свою жизнь. Но в конце концов множество [варваров] пало на поле битвы, новые отряды обрушились на них стыла – и наступление [ромеев] стало непреодолимым; не было больше возможности сопротивляться столь сильному натиску, и враги обратились в бегство, рассыпавшись по узким проходам между домами. Ромеи преследовали их и нещадно истребляли. Те, кто уцелел, избежав гибели в сражении, побросали оружие и стали молить о пощаде. Увидя это, стратиг пришпорил коня, пустил его во весь опор и, примчавшись в город, стал сдерживать ожесточение воинов [23], убеждая их не убивать людей, бросающих оружие, не поступать безжалостно и свирепо с безоружными и беззащитными. Бесчеловечно, увещевал он, губить и уничтожать как врагов сдавшихся и покоровившихся. Этими словами полководец с трудом остановил кровавый порыв своего войска.

8. Взяв, таким образом, город приступом [24], стратиг отобрал для себя лучшую часть военной добычи и поработил самых сильных пленников; все это он сохранил наилучшим образом для предстоящего триумфа, а остальное отдал на разграбление войску. Воины разбрелись по домам и захватили много ценного имущества. Говорят, что в городе критян были собраны огромные, неисчерпаемые богатства, – ведь они долгое время благоденствовали, пользуясь милостивым расположением судьбы и не испытывая никаких бедствий, которые, подобно керам [25], несет с собой переменчивое течение времени. Опустошая пиратскими разбойничьими набегами берега обоих материков, [критяне] накопили неисчислимы сокровища. Так силою ромеев был покорен и захвачен вражеский город.

После того как все ценное было вынесено из города, Никифор приказал разрушить окружавшие его стены и, проломив их во многих местах, вывел свое войско в новые области. Разграбив их, обратив жителей в рабство, он без кровопролития подавил всякое сопротивление и, войдя на крутой высокий холм, находившийся недалеко от разоренного города, приказал всем воинам строить там небольшую крепость. Это место показалось ему безопасным и удобным для укрепления: оба склона холма были отвесны, перерезались глубокими оврагами и орошались неиссякаемыми (ключами, текущими с вершины).

Воздвигнув прочное, неприступное укрепление, Никифор поместил в нем достаточный гарнизон и дал городу имя Теменос [26]; затем замирил он весь остров, населил его, собрав в общины армян [27], ромеев и других

переселенцев. Оставив для охраны острова огненосные суда, он погрузил на корабли добычу и пленных и отплыл [28] в Византии. Самодержец Роман принял его с великими почестями [29], весь город собрался на его триумф в театре, изумляясь обилию и великолепию добычи. Там можно было увидеть груды золота и серебра, варварские монеты из чистого золота, вытканные золотом одежды, пурпурные ковры, всякого рода драгоценную утварь тончайшей работы, сверкающую золотом и камнями; в неисчислимом количестве были там самые разнообразные доспехи: шлемы и мечи, золоченые панцири и копья, щиты и тугие луки; всего этого было такое множество, что казалось, будто река изобилия втекает в город, и всякий находившийся в театре мог бы сказать, что туда снесено все богатство земли варваров. Следом шла собранная в несметном множестве толпа обращенных в рабство варваров.

9. После того как Никифор при восторженном изумлении всего народа справил триумф, самодержец Роман преподнес ему роскошные дары и вручил ему власть над Азией. Будучи, таким образом, вторично удостоен звания доместика, он переправился через Босфор, собрал войско, выстроил его в неприступную, несокрушимую фалангу и вступил в землю агарян. Узнав о наступлении Никифора, варвары сочли невозможным оставаться на месте и устраивать засады либо сражаться в строю: они решили отражать нападения ромеев, укрывшись в крепостях и ведя при всякой возможности перестрелки. Они очень боялись столкнуться лицом к лицу со стойким, непоколебимым мужем. А он, подобно буре, сметал все вокруг, опустошая поля, поработая многолюдные селения. Предав огню и мечу все на своем пути, он устремился против крепостей и с первого приступа овладел многими из них. Те же укрепления, которые имели прочные стены и охранялись множеством воинов, [Никифор] осаждал при помощи машин и вел непримиримую войну, побуждая своих воинов к упорству в сражениях. Всякий ревностно выполнял его приказы – ведь он возбуждал и поощрял храбрость воинов не только словами, но и примером, всегда с удивительным мужеством сражаясь впереди фаланги, идя навстречу опасности и доблестно отражая ее. Взяв и разрушив в короткое время более шестидесяти агарянских крепостей [30], он захватил огромную добычу и увенчал себя такой блистательной победой, какая до него еще никому не доставалась [31]. Воинов, собравших неисчислимые богатства, он вывел из [земли агарян] [32] и распустил по домам [33], а сам поспешил к самодержцу, чтобы получить награду за свои подвиги.

10. Как раз на половине дороги стратига встретило известие о том, что повелитель Роман переселился в иной мир; ошеломленный неожиданной вестью, он не стал продолжать путь и остановился. Говорят, что самодержец Роман ушел из жизни следующим образом. Взяв власть в свои руки, он проявил себя как кроткий, скромный и заботящийся о подданных правитель, но затем какие-то негодяи, рабы брюха и того, что под брюхом, втерлись к нему в доверие и подчинили его своему влиянию, развратили добродетельный нрав юноши, приучили его к роскоши и необузданным наслаждениям, возбудили в нем склонность к противоестественным страстям. И вышло так, что во время постов, предназначенных боговдохновенными людьми для очищения душ и устремления к возвышенному, эти погубители, захватив с собою Романа, отправлялись охотиться на оленей [34], скача по неприступным горам. [Однажды], когда они возвращались оттуда, самодержец был совершенно разбит и едва дышал. Некоторые передают, что у него от неумеренной верховой езды начались смертельные спазмы, большинство же подозревает, что его опоили ядом, принесенным из женской половины дворца. Но, так или иначе. Роман оставил жизнь в цветущем возрасте после трех лет и пяти месяцев самодержавной власти [35].

Вслед за смертью василевса нарекая власть перешла [36] по решению патриарха Полиевкта [37] и синклита [38] к малолетним его сыновьям Василию и Константину, которые находились еще на попечении кормилиц, и к их матери Феофано. Хотя она была из незнатного рода, но превосходила всех женщин своего времени красотой и соразмерностью телосложения, поэтому самодержец Роман и взял ее в жены [39] .

Никифор же – я снова возвращаюсь к нити своего рассказа, – узнав о перемене верховной власти, не мог ни на что решиться, его приводили в сомнение различные мысли. Неопределенность обстоятельств, превратность и непостоянство судьбы не давали Никифору покоя: он сильно подозревал, что здесь не обошлось без влияния Иосифа [40] , питавшего к нему вражду. Этот евнух имел большой вес при дворе василевса и кичился чином паракимомена [41] .

11. Никифор хотел было тотчас же поднять мятеж, но у него не было наготове достаточного числа воинов [42] – ведь войско по его же приказу разошлось по домам, – и он побоялся вступить немедленно в столь трудную борьбу. Поэтому он предпочел повременить с выступлением, решив войти в Византий, отпраздновать триумф и в том случае, если правители поверят ему войско (а ведь он знал, что, кроме него, никто не отважится противостоять натиску варваров), вновь собрать воинов [43] , взвесить все обстоятельства и уверенно вступить в борьбу за верховную власть. Поразмыслив таким образом и приняв решение, Никифор направился в Византию, [где был] восторженно встречен народом и синклитом; во время триумфа он показал всю захваченную добычу, отдал отобранные у варваров богатства в государственную казну и удалился в свой дом на покой.

Иосиф опасался пребывания Никифора в столице, потому что тот, пользуясь благодаря своим победам и доблести в сражениях горячей любовью войска и восхищением народа, мог поднять мятеж против правителей. Именно поэтому он пригласил полководца во дворец, чтобы [теперь, когда] он остался без войска, схватить его, ослепить и отправить в изгнание [44] . Полководец был удивительно проникновен и легко постигал коварные замыслы людей; он разгадал мерзкую хитрость Иосифа и отправился в великую церковь [45] , чтобы посоветоваться с патриархом Полиевктом, мужем, в совершенстве изучившим божественную и мирскую премудрость, с юности выбравшим путь монашества и лишений, превосходившим всех людей откровенностью суждений, которая была дана ему, скопцу, достигшему глубокой старости, не только природою, но также нестяжанием и простым безукоризненно скромным образом жизни.

Придя посоветоваться к Полиевкту, Никифор сказал ему: «Прекрасную награду получаю я за все мои подвиги и труды от того, кто верховодит во дворце: он думает укрыться от великого и всевидящего ока, беспрестанно пытаясь причинить мне смерть, – а ведь я милостью всевышнего расширил ромейские пределы, никогда ничем не погрешил против державы и оказал ей больше благодеяний, нежели кто-либо другой из людей нашего времени, разорив огнем и мечом обширную страну агарян и сравняв с землей столько городов. А я думал прежде, что всякий муж совета благосклонен, справедлив, не питает постоянно и беспричинно злых умыслов».

12. Выслушав эту речь, патриарх возгорелся усердием, отправился вместе с Никифором во дворец, созвал синклит и обратился к нему с такими словами: «Несправедливо поносить и подвергать позору тех, кто не щадил себя для счастья ромейской державы, претерпевал опасности и труды, проявил честность и непритязательность по отношению к соотечественникам; [таких людей надлежит] скорее прославлять и награждать. Если вы верите, что я посоветую вам наилучшее, я сейчас же выскажу свое мнение. Мы – ромеи, и

нами управляют божественные законы, поэтому мы должны в честь праотцев наших беречь детей самодержца Романа, которых мы вместе со всем народом провозгласили самодержцами; мы обязаны воздавать им такие же почести, как их предкам. И так как варварские племена не перестают разорять ромейскую землю, я советую вам этого мужа (он указал на Никифора), отличающегося проницательным умом, доблестного в битвах, одержавшего множество побед, – вы ведь и сами это признаете, почитая его среди прочих людей как бы богоподобным, – назначить автократором-стратигом и вручить ему командование войском Азии, чтобы он предотвращал и сдерживал натиск иноплеменников. При этом следует взять с него клятву, что он не станет злоумышлять против властей и синклита. Самодержец Роман еще при жизни воздал достойному мужу такую честь и определил в завещании, чтобы его как человека благо-мысленного не отстраняли от этого командования».

Таково было мнение, высказанное патриархом, и совет согласился с ним, присоединился к нему и сам паракимомен Иосиф, но отнюдь не по доброй воле, а под сильным давлением синклита [46]. Собравшиеся обязали Никифора страшной клятвой никогда не отвергать власть малолетних государей и не замышлять ничего нечестивого против их правления. В свою очередь [члены синклита] поклялись не смещать и не назначать никого из стоящих у власти на высшие должности без его согласия и управлять государством, сообразуясь с его советами, по общему разумению. Никифор был провозглашен стратигом-автократором Азии, после чего собрание закончилось, и все, выйдя из дворца, разошлись по домам.

Книга 3

1. Когда наступила середина весны и лучезарное светило, постепенно склоняясь на северный край небосвода, направило свою колесницу к созвездию Тельца [1], Никифор выступил из Византия и переправился на противоположный берег в землю Азии. Он прибыл в Каппадокию [2] ([тамшний] народ назывался раньше троглодитами, так как скрывался в пещерах, расщелинах и подземных лабиринтах, имевших вид нор) [3] и, разбив там лагерь, стал повсюду рассылать письма, призывая войско отовсюду направиться к нему. Пока сходилось войско, он обучал бывших при нем военному искусству, возбуждал и укреплял их дух ежедневными упражнениями и часто, приказывая трубить в трубы, бить в тимпаны и бряцать на кимвалах, обучал их круговым движениям и поворотам в полном вооружении, заставлял вскакивать на коней, стрелять из луков в цель и метко бросать копьё. Он не пренебрегал ничем из того, что было изобретено для ведения войны. Таким образом стратиг учил войско [4] и поджидал прибытия остальных воинов, намереваясь вести войну главным образом против Хамвдана и тарсийцев [5].

В это время паракимомен Иосиф, зная изобретательный, рассудительный, отважный и доблестный нрав Никифора, опасался, как бы он, собрав войско, не затеял выступления против него. Сердце его содрогалось, и он порицал себя за неразумие, из-за которого не только не уничтожил воинственного мужа, как бы попавшего живым в его сети, но позволил ему окружить себя такой воинской силой. Он погрузился в глубокое раздумье, лишился покоя и считал свое существование невыносимым. Размышляя, он перебирал множество средств лишить стратига могущества и вот придумал хитрость, давшую ему

надежду избавиться от власти Никифора, которую он ощущал как секиру, повисшую над его затылком [6] .

2. Он призвал к себе Мариана [7] , который был облечен достоинством патрикия и начальствовал над италийскими войсками, но отличался непостоянным и горячим нравом. Вступив с ним в укромном месте в беседу, Иосиф раскрыл свои сокровенные мысли, он сказал: «Если ты, положившись на меня, примешь начальство над Востоком, я в скором времени провозглашу тебя самодержцем и возведу на царский трон». На это Мариан возразил: «Перестань поощрять и подстрекать обезьяну на борьбу против вооруженного великана [8] , перед которым трепещут не только соседние племена и народы, но все, на кого взирает солнце от восхода до заката. Однако если ты, находясь в затруднении и печали, хочешь выслушать мое мнение, то я его тебе сейчас сообщу. Ты ведь знаешь Иоанна, именуемого Цимисхием [9] , мужа тщеславного, чрезмерно честолюбивого и искусного в военном деле, которого воины уважают и почитают вторым после стратига? Вот ему, если желаешь, предложи начальство над войском. Я полагаю, что он как муж необыкновенно сильный и отважный справится с этим; воины последуют за ним, куда бы он их ни повел, а ты добьешься того, чего желаешь. Иначе не думай пошатнуть эту неразрушимую и неколебимую башню».

Воспользовавшись этим советом, Иосиф сместил с должностей и отправил в изгнание всех родственников Никифора и других близких ему людей [10] ; затем он послал скрепленное печатью письмо упомянутому патрикию Иоанну, стратигу фемы Анатоликов [11] , мужу крепкому и храброму, отличавшемуся непреодолимой, непревзойденной силой. Письмо было следующего содержания: «Подозревая Фоку в недоброжелательстве и коварстве, желая пресечь злодейский замысел, который он скрывает в своем сердце, я решил посвятить твою светлость в тайну, чтобы с твоей помощью остановить его необузданные стремления. Со дня на день собирается он произвести переворот и захватить царскую власть. Но я, предупреждая это предательское намерение, немедленно отнимаю у него попечение над войсками и передаю его твоему великолепию [12] . Спустя некоторое время я возведу тебя на самое высокое место в государстве, закуй только поскорее в цепи чванливого, тщеславного Фоку и пришли его к нам».

3. Как только Иоанн получил, распечатал и прочел это письмо, которое, как я уже говорил, сулило ему (если он отстранит Никифора от начальствования и удалит его от войска) командование на Востоке, а впоследствии высшую власть и обладание всей державой, он снялся с того места, где находился, и поспешил к стратигу. Войдя в шатер Никифора и усевшись рядом с ним (он приходился Никифору двоюродным братом со стороны матери), Иоанн сказал: «О благородный, ты спишь глубоким сном, более глубоким, как говорят, чем Эндимион [13] , а управляющий дворцом василевса, почтенный Иосиф, с неистовым и кровожадным усердием готовит тебе гибель; насколько это от него зависит, непобедимый стратиг ромеев уже убит, кровь его уже пролита, и кем? О труды! О битвы! О доблесть! Двуличным человечешкой, в котором нет ничего мужского, женоподобным кастратом, искусственно созданной бабой, не знающей ничего, кроме того, что происходит на женской половине. Проснись же, друг, сделай милость, обрати все наши мысли на то, чтобы не погибнуть, подобно рабу, но совершить нечто благородное и мужественное! Пусть знает Иосиф и всякий, кто окажет ему предпочтение, что они вступают в борьбу не со слабыми, возвращенными в неге женщинами, а с воителями, силы которых неодолимы, перед которыми дрожит в страхе варвар!» С этими словами он вынул письмо, хранившееся у него на груди, и вручил его стратигу.

Прочитав послание Иосифа и вникнув в его убийственный и зловещий смысл, Никифор притих и на мгновение потерял сознание (ему в то время нездоровилось), а затем, придя в себя, обратился к Иоанну: «Скажи, о доблестнейший, что нам теперь придумать?» – «Как! – воскликнул Иоанн, – ты еще думаешь, что предпринять? Ты не просыпаешься, хотя уже слишком поздно, не хочешь стряхнуть этот крепкий сон со своих глаз, но спрашиваешь, что нам, коль скоро мы попали в тиски неминуемой гибели, делать? Мы – предводители столь многочисленного вооруженного войска, преисполненного мужеством духа, пышущего жаром телесной силы; мы должны, я полагаю, решиться на опасную борьбу за верховную власть. Несообразным и невыносимым кажется мне, чтобы жалкий евнух, пробравшийся из пафлагонской пустыни [14] к управлению государством, руководил стратигами ромеев, чтобы он водил их за нос, как рабов! Так следуй же немедля моему совету, если не хочешь, чтобы тебя схватили и обрекли на тяжкие беды».

4. Выслушав этот совет, Никифор обрел бодрость духа, надел на себя вооружение и поспешил вместе с Иоанном и всем бывшим в его распоряжении войском в Кесарию [15], там он расположился лагерем и стал дожидаться остальных воинов. Через несколько дней все войско Азии собралось вокруг него; в один из первых дней июля, на рассвете, когда солнце уже проливалось свои лучи на землю, предводители войска вместе со стратигом Иоанном обнажили мечи [16] и, обступив шатер Никифора, провозгласили его самодержцем и всемогущим василевсом ромеев, пожелав ему править долгие годы. Стратиги и лохаги [17] сделали это по приказанию Иоанна, которому казалось ужасной обидой, что безродный скопец с малолетними детьми помыкает, как ему заблагорассудится, воинственными мужами.

Сначала Никифор отказывался от столь высокой власти, опасаясь той зависти, которую вызывает она к себе, при этом он ссылаясь на смерть супруги [18] и сына Варды, цветущего юноши, у которого на щеках едва успел засверкать золотистый пушок [19]. Не так давно двоюродный брат Варды, юноша по имени Плеве [20], во время игры поранил его копьем веко; Плеве, испугавшись раны, выпустил копье из рук, и оно, ударившись древком о землю, подскочило с такой силой, что насквозь пронзило череп Варды, который тотчас же, не издав ни звука, свалился с коня. Выставляя в качестве предлога смерть жены и сына, Никифор отказывался от власти, уступал эту честь Иоанну Цимисхию и предлагал ему помогать скипетра [21]. Однако его никто не поддержал из войска, да и сам Иоанн воспротивился; единодушно желая ему счастья, все провозгласили Никифора августейшим василевсом ромеев. Наконец и он, мало заботясь о страшных клятвах, которыми он связал себя перед патриархом Полиевктом и синклитом, принял власть и надел красную обувь – высший знак царственного достоинства [22].

Никифор не упускал из виду непостоянства и неопределенности судьбы, не забывал он также и о враждебности и вероломстве Иосифа. Он поспешил опередить злую волю этого человека и упрочить таким путем как можно лучше свое положение. Поэтому он предпочел свою безопасность прежним обязательствам и пренебрег клятвой. Приняв, таким образом, царскую власть, Никифор вышел из шатра, препоясанный мечом и опираясь на копье; став под открытым небом на видном со всех сторон возвышении, он произнес следующее:

5. «Не потому, о соратники, надел я на себя это царское облачение, что стремлюсь к узурпаторству, но принужденный вами, войском. Вы сами тому свидетели: ведь я отказывался от столь тягостной заботы о государстве, а вы заставили меня принять ее на себя против моей воли. Я хочу уверить вас всех, что я решился подвергнуть себя такому испытанию и ради собственной

безопасности, и особенно – из-за любви к вам. Призываю в свидетели всемогущее провидение, что я готов отдать за вас душу, и никакие неудачи не заставят меня изменить мое намерение. Коль скоро вы не допустите, чтобы вероломное безумие и неистово наглая дерзость евнуха достигли своей цели, коль скоро вы, свергнув этого сумасбродного правителя, избрали меня своим государем, я покажу вам на деле, что сумею с божьей помощью так же хорошо управлять, как умел повиноваться. Я расположен к вам, как отец к детям, и советую вам, как любящим сыновьям, не предаваться неге и роскоши, соблюдать воздержанность и бдительность и достойно встретить все, что выпадет нам на долю. Я полагаю, что это дело не решится без пролития крови [23] ; чем труднее достигнуть высоты царской власти, тем острее зависть и вражда между теми, кто к ней стремится. Вам предстоит борьба не с критянами, не со скифами и не с арабами, сраженными вашей доблестью, а со столицей ромеев, куда отовсюду течет изобилие, которую нельзя взять приступом, как какую-нибудь крепость. Море омывает ее и делает недоступной, мощные укрепления опоясывают ее со всех сторон; она переполнена сильными мужами и превосходит всю вселенную обилием золота, драгоценностей и всякого рода богатств. Поэтому вам надлежит, укрепившись в благородной доблести, с которой вы побеждали в сражениях неприятелей, [бороться] сверх своих сил и устремиться теперь с еще большим рвением на врагов. Я убежден, что Всемогущий будет мне содействовать в этой борьбе; ведь договоры и клятвы нарушены не нами, а вероломством Иосифа, который без всякой причины отправил моих родственников в изгнание, а мне, ничего не подозревавшему [24] , уготовил жестокую, бесчеловечную смерть; нарушившими условия следует считать не тех, которые первыми берутся за оружие, но тех, которые, принеся клятву, злоумышляют против сограждан. Так вспомните же о моей славе, благодаря которой вы одержали бесчисленные победы, и если верно то, что вас в былые времена возбуждала природная ваша доблесть, шествуйте непреклонно туда, куда ведет вас провидение и куда я сам прикажу вам идти!»

6. Своей речью, хорошо слышной всем воинам, Никифор вселил в них такую бодрость духа и столь неизъяснимую отвагу, что никакая воинская сила не могла бы, казалось, устоять против их порыва. Ведь войско любило его всей душой, и каждый гордился его славой. Вся жизнь его с самых юных лет прошла в битвах; он внушал ужас своими подвигами в стычках и сражениях и слыл умелым, непобедимым воином не только благодаря своей силе, но и потому, что был необыкновенно умен и не знал равных себе во всякого рода добродетелях.

Без промедления отправился он в одну из кесарийских церквей и, вернувшись оттуда в свой шатер, почтил Иоанна достоинством магистра и провозгласил его domestиком Востока. Затем он разослал по всей ромейской державе указы и распоряжения, назначил стратигов и отправил их к Евксину [25] , по всему побережью, и в Авидос [26] , приказав мчаться как на крыльях. Я думаю, что он предпринял это для того, чтобы занять все морские пути и переправы прежде, чем распространится молва о его провозглашении василевсом.

Таким образом, Никифор полагал, что все свершится согласно его предначертаниям; он надеялся, что судьба не прогневадается на него, что она благосклонно и ласково улыбнется ему [27] , если он заблаговременно укрепит в наиболее удобных местах. Закончив все приготовления, Никифор построил войско плотными, неразрывными рядами, надежно вооружил его и направился из Кесарии к столице. Составив послание к стоявшему у кормила церковной власти Полиевкту, к Иосифу, бывшему тогда дворцовым управляющим, и к синклиту, он отправил его с епископом Евхаитским [28]

Филофеем. Суть этого послания была примерно такова: пусть они примут его как самодержца, а он будет заботиться о детях повелителя Романа и воспитывать их до зрелого возраста; помимо этого, он принесет государству огромную пользу, умножая могущество ромейской державы бранными подвигами; если же они не согласятся на это, то станут раскаиваться в своем неразумии впоследствии, когда дело будет решаться железом и кровью и нельзя будет оправдаться тем, которые предпочли худший исход наилучшему.

7. Иосиф воспринял это письмо так, как если бы оно было послано скифами [29], как будто стрелою или жалом поразило его в самое сердце; он заковал епископа в цепи и отправил его в темницу. Склонив на свою сторону известных горячностью патрикиев Мариана, Пасхалия [30] и Торникиев [31] и вверив им македонскую фалангу [32], он подготовил сильное сопротивление Никифору и преградил ему вход в Византии.

В то время в Византии находился брат Никифора Лев, о военных победах которого упоминалось попутно выше. Видя, что исход предприятия становится сомнительным, он, улучив удобное время, переделался ремесленником, пробрался через подкоп за стену, сел в челнок и отплыл к Никифору, который приблизился уже к Иерийскому дворцу [33] и расставлял там свое войско. В то время и магистр Варда, отец их, достигший глубокой старости, также опасался, [что может погибнуть] от руки Иосифа. Охваченный страхом, он нашел себе защиту в великом храме [34], этот муж всю свою жизнь с самой юности провел в войнах и сражениях и долгие годы был почтен достоинством доместика схол [35].

Мариан [36] и Пасхалий, беззаботные и исполненные пустого хвастовства, передвигались по улицам с отрядами македонян, не переставая вызывать все новые и новые возмущения, так что разъярившийся народ в конце концов прибег к силе и, сразившись с ними в рукопашной схватке, обратил их в явное бегство [37], будто слабых и неопытных в битве мальчишек. Говорят, что в то время как это случилось, какая-то женщина бросила в Мариана с крыши глиняный горшок, наполненный землей, из тех, что употребляют в садах, и угодила ему прямо в висок. Удар оказался настолько сильным, что был проломлен череп и поврежден мозг; на следующий день Мариан умер [38].

Все это придавало смелости евнуху Василию, побочному сыну императора Романа Старшего [39] от скифянки, который и сам во времена самодержца Константина был удостоен звания паракимомена [40]. По причине своего смешанного происхождения [41] Василий был предприимчив и весьма искусен в исполнении своих намерений. К Иосифу он вообще был нерасположен, а в то время относился враждебно. Вооружив своих дворовых, числом свыше трех тысяч, панцирями, защитными поясами, шлемами, щитами, дротиками и мечами, он вместе с народом [42] напал на дома Иосифа и его сообщников. Предав их разграблению, разорению и разрушению, [Василий] поспешил к месту снаряжения кораблей, где при содействии народа и синклита [43] вооружил огненосные суда для отправки к Никифору. Тотчас же погрузившись на эти корабли, Никифор причалил к монастырю Авраамитов [44], который называется также Нерукотворным; оттуда он выслал воинов для захвата царского дворца [45].

Увидев их приближение, Иосиф, охваченный неудержимым страхом, задрожал (ведь вся его охрана перешла уже на сторону Никифора), покинул дворец и прибежал в храм. И вот он, которого еще незадолго перед этим видели надменно вздымавшим брови, стал жалким образом умолять о защите, страшась даже молвы и собственным примером утверждая, что в человеческой судьбе нет ничего постоянного и нерушимого, что все в ней преходяще, тленно и наподобие игральных костей рассыпается в разные стороны, изменяя свое

положение. Когда Иосиф убежал в храм [46], отцу Никифора Варде представилась возможность освободиться и невредимым прийти к сыну.

8. Видя благоприятное стечение обстоятельств, Никифор снял и отбросил в сторону свое обычное платье, облачился в царственное одеяние самодержца и предстал в наиболее подобающем государю виде. Сидя на горячем белом коне, украшенном царской сбруей и пурпурными коврами, он въехал в Золотые ворота [47], восторженно встречаемый и приветствуемый народом и вельможами. Это произошло в шестнадцатый день месяца августа, шестого индикта 6470 г. [48] Вскоре затем Никифор вступил в знаменитейший храм господень и принял достойные почести от причта священнослужителей, а патриарх Полиевкт увенчал его царской диадемой; [Никифору] исполнился в то время пятьдесят один год.

Вот какая у него была наружность [49]. Цвет лица более приближался к темному, чем к светлому; волосы густые и черные; глаза [также] черные, озабоченные размышлением, прятались под мохнатыми бровями; нос не тонкий и не толстый, слегка крючковатый; борода правильной формы, с редкой сединой по бокам. Стан у него был округлый и плотный, грудь и плечи очень широкие, а мужеством и силой он напоминал прославленного Геракла. Разумом, целомудрием и способностью принимать безошибочные решения он превосходил всех людей, рожденных в его время.

Итак, украшенный царственным венцом, он вошел в сопровождении народа и вельмож во дворец и воссел на царский трон. И тогда можно было видеть, как сама судьба радуется и гордится произведенным ею и тем, что все дела человеческие зависят от нее и ничто из земных благ не достается кому бы то ни было без ее участия [50].

После того как Никифор, взойдя на престол, спокойно и уверенно овладел делами правления, он возвел своего отца Варду в достоинство кесаря [51], Иоанну, прозванному Цимисхием, бывшему вместе с ним с самого начала движения, даровал звание доместика Востока и магистра, брата своего Льва сделал куропалатом [52] и магистром, а Василия, который, как уже было сказано, разрушил замыслы Иосифа, удостоил почести проедра [53].

9. Никифор обещал соблюдать обычное для него благоразумное целомудрие-уклоняться от сожителства с женщиной и воздерживаться от употребления мяса [54]. Но люди, которые вели уединенный образ жизни и оказывали влияние на его поведение (он очень уважал монахов), не позволяли ему укрепиться в своем решении, побуждали его вступить в брак [55] и не избегать мясоедения как чего-то недозволенного. Они опасались, как бы он, приобретя склонность к роскоши и разгулу, не погряз в противоестественных наслаждениях, которым обычно необдуманно предается самодержавный и самовластный правитель, когда достигает власти [56]. Наставления монахов убедили [Никифора] оставить обыкновенный для его возраста образ жизни. Он сочетался браком с супругой Романа, прекрасной обликом чистокровной лакедемоняжкой [57] и, перейдя от умеренного стола к более обильному, начал употреблять в пищу мясо. Пошли, однако, слухи о том, что брак Никифора нельзя считать вполне законным, ибо он восприимчик детей самодержца Романа и Феофано от священной купели [58].

С быстротою крыльев достигли эти слухи ушей владыки Полиевкта, и тот всеми силами стремился не допустить правителя к святым оградкам. [Патриарх] был мужем, исполненным усердия в служении Богу; отличаясь всяческими познаниями и непревзойденной добродетелью, не боялся он порицать даже государей. Но василевс отчасти просьбами, отчасти же уверениями, что не он, а отец его Варда был восприимчиком детей августы [59] Феофано при крещении, заставил патриарха переменить свое мнение и

настолько склонил его на свою сторону, что тот с радостью утвердил его брак с августой Феофано [60] .

Когда все свершилось таким образом, согласно с намерением Никифора, он, собрав огромное число царских сокровищ и, отделив обширные участки плодородной земли, изобилующей разнообразными соками и множеством различных плодов, подарил все это своей супруге и василиссе Феофано. Сам же он провел в Константинополе зиму, в течение которой не переставал оказывать благосклонность должностным лицам, устраивая конские состязания, всякого рода зрелища и дружеские пирушки, обычные у самодержцев. Всех поступивших в его подчинение стражей и телохранителей он ежедневно самым усиленным образом наставлял в военном искусстве, учил их умело сгибать лук, отводить стрелу к груди, метко поражать цель, ловко размахивать и вращать во все стороны копьем, уверенным движением вращать в воздухе [61] меч, легко вскакивать на коня. [Никифор стремился к тому], чтобы во время сражений враги не могли превзойти [его телохранителей], – ведь им первым надлежало встретить опасность и выстроиться в боевой порядок.

10. Когда унылую зиму [62] сменила спокойная, приятная весенняя погода, [Никифор] объявил поход против агарян и выступил из Византия [63] . Он провел некоторое время в стране каппадокийцев, [откуда], собрав боеспособное войско, отправился на тарсийцев, гордившихся в то время своей многочисленностью, доблестью и военным искусством; они открыто, с непомерной дерзостью совершали часто неожиданные набеги. Подойдя к городу, Никифор расставил со всех сторон дозоры, соорудил укрепленный лагерь и приступил к осаде. Осажденные агаряне были тогда в изобилии снабжены припасами и надеялись на мощь городских укреплений: стены Тарса были недостижимой вышины и двойным кольцом окружали город. Был там также вырыт очень глубокий ров, выложенный тесаными белыми камнями и составлявший со стенами одно целое. Укреплением служила и река Кидн [64] , которая разделяет город на две части. Эта река, полноводная уже у истоков, холодна и прозрачна на всем своем протяжении; она служит неплохой защитой для Тарса; берега ее соединены внутри города тремя мостами. Когда на тарсийцев обрушивается война, они открывают реке доступ в ров, и уже через час вода в нем выходит из берегов. Вот на что надеялись варвары, когда они насмехались над василевсом, оскорбляли его без всякого страха и, совершая вылазки и нападения, убивали многих ромеев.

Пробыв у стен города достаточно времени и увидев, что его предприятие не имеет успеха, самодержец Никифор отступил. Уклонившись в сторону [от Тарса], он устремился против близлежащих крепостей и взял с первого же приступа Адану [65] , Анаварзу [66] и свыше двадцати подобных им укреплений. Затем он напал на Мопсуэстию [67] , обложил ее со всех сторон и горячо принялся за осаду этой крепости, обстреливая ее со всех сторон из метательных орудий. Жители [Мопсуэстии] оказали отважное сопротивление; они защищались изо всех сил, сбрасывая с башен на ромеев огненосные стрелы и тяжелые камни.

11. Однако василевс был изобретателен и удивительно легко находил выход из затруднительных положений. Обойдя вокруг и обследовав стены, отыскав наиболее удобное место, он привел глубокой ночью к башням воинов и приказал им подкапывать, начиная от берегов протекавшей в том месте реки Пирам [68] , так, чтобы варвары ничего не заметили и столь большие усилия ромеев не пропали. Воины начали рыть, а землю относили и сбрасывали в речной поток. В конце этой работы две башни совместно с

заклученной между ними частью стены повисли без всякой опоры; для того чтобы все строение не обрушилось, его подперли бревнами.

Как только солнечные лучи озарили окрестность, агаряне в белых одеждах высунулись, как обычно, из башен, натянули луки, приготовили другие орудия и стали осыпать бранью государя. Никифор приказал поджечь укрытые внизу подпорки башен, а сам выстроил фаланги и в полном вооружении двинулся на приступ. Подпорки быстро сторели, а затем вся подрытая и висящая часть Стены заколебалась и рухнула на землю, увлекая за собой стоявших на ней агарян. Многие из них разбились и тут же испустили дух, а другие были захвачены в плен ромеями и оплакивали постигшую их судьбу. Когда разрушенная стена открыла достаточно широкий проход, самодержец вступил в Мопсуэстию со всем войском.

Покорив город, Никифор обратил всех оставшихся в живых варваров в рабство, отобрал лучшую часть добычи и отложил ее для царской сокровищницы, запретив войску разграблять город. Когда же с переходом солнца от созвездия Стрельца к созвездию Козерога [69] зимние холода стали оказывать сильное действие, он снялся оттуда и отошел в пределы ромейской державы. Вступив в Каппадокию, [Никифор] одарил надлежащим образом своих воинов и приказал им разойтись по домам. При этом он напомнил им, что они должны привести в порядок оружие, наострить мечи, позаботиться хорошенько о лошадях и с наступлением весны воротиться к нему. Итак, войска его разошлись по домам, а сам император с оставшимися воинами провел зиму в Каппадокии, готовясь к войне.

Книга 4

1. Я рассказал, как василевс Никифор взял Мопсуэстию и овладел расположенными вблизи от нее укреплениями; сам же он провел зиму в Каппадокии, испытывая горе и досаду. Его терзала мысль о том, что он не взял одним приступом Таре, что он был отброшен от стен этого города, как тупая стрела [1], попавшая на крепкий предмет, — не свершив ничего благородного или мужественного. Обидою, прямым бесчестьем и неизгладимым позором представлялось ему то, что он, Никифор Фока, будучи сначала стратигом, а потом назначенный domestikом схол, разрушал и сжигал, обращая в пепел, бесчисленные города, завоевывал цветущие страны, заставлял убежать с поля битвы воинственные племена и устрашал их так, что они не смели противостоять его силе и непреодолимому вооруженному натиску, — теперь, когда его мужеству и разуму покорились ромейская держава, когда он ведет за собою войско, достигающее 400 тысяч [2], сразился столь безуспешно и был отброшен — отброшен не от Вавилона, который Семирамида [3] укрепила семью стенами, не от древнего Рима, который был воздвигнут римской мощью, не от иудейских стен, столь плотных и высоких, что рассказ о них может показаться тем, кто их не видел, лишенной истины басней [4], а от Тарса, небольшого города, расположенного на доступной для конницы равнине, [населенного] и местными уроженцами, и пришельцами. Вот над чем размышлял и что обдумывал [Никифор], беспрестанно сокрушаясь и негодуя. Неужели, думал он, одни только тарсийцы избегнут своей участи, насмехаясь над его мужеством и презирая его военную опытность? Ведь все окрестные жители перебиты в боях, а те, которые уклонились от острия меча, сменили свободу на

рабство... Вот почему он в ожидании [удобного] времени года усиленно готовил к военным действиям находившихся при нем [воинов].

Как только засияла весна [5] и зимняя стужа совершенно растворилась в летней теплоте, к василевсу стали по его приказу стекаться войска. Он превосходно вооружил воинов, число которых превысило 400 тысяч, поднял знамя и вступил на дорогу, ведущую к Тарсу.

2. Во время похода один из легко вооруженных воинов, утомленный трудностью пути (войско проходило в то время по глубочайшему ущелью, зажатому между утесами и обрывами), сбросил с плеч свой щит и оставил его на дороге. Государь, проезжая мимо, увидел этот щит и велел одному из сопровождавших подобрать его. Едва только войско прибыло на привал, как он стал доискиваться, у какого лохага находится в подчинении воин, который прежде сражения, не встретившись еще с опасностью, бросил щит и лишился своего оружия [6]. Виновный не прятался и был немедленно обнаружен. Устремив на него грозный и суровый; взгляд, государь произнес: «Скажи-ка, негодный, если бы на нас сейчас неожиданно напал неприятель, каким оружием ты, бросивший щит на дороге, стал бы обороняться от врагов?» Воин застыл от ужаса и стоял с раскрытым ртом. Василевс приказал лохагу отстегать его, обрешающего себя на смерть, розгами, отрезать ему нос и водить на показ всему лагерю. Но лохаг, то ли охваченный жалостью к этому человеку, то ли смягченный дарами, отпустил его невредимым. На следующий день государь увидел этого воина, позвал к себе лохага и обратился к нему с такими словами: «О упрямый наглец, как посмел ты не выполнить мой приказ? Или ты думаешь, что я меньше тебя забочусь о войске? Ведь я велел наказать того, кто бросил свое оружие, в назидание прочим. Пусть никто не подражает его беззаботности и слабости, не повторяет его проступка, чтобы не оказаться безоружным на поле боя и не погибнуть тотчас же от руки неприятелей!» Затем он жестоко наказал лохага розгами и отрезал ему нос, чтобы все-войско остерегалось впредь небрежного отношения к своему оружию [7].

3. Вскоре [Никифор] подошел к окрестностям Тарса, разбил лагерь и возвел вокруг города укрепление. Он приказал вырвать цветы и срубить деревья, которыми обильно поросли поля и луга, чтобы сражение происходило на открытом месте и чтобы варвары не имели возможности, устраивая в лесистых местах засады, внезапно нападать на ромейское войско. Вся округа лишилась своей природной красоты; она была раньше плодородна, богата пастбищами и украшена разнообразными растениями, плоды которых давали различные соки.

Жители Тарса, гордые прежними своими победами над ромеями, обнаружили вначале свое бесстрашие и горячность: они не смогли удержаться, вышли из города и выстроились сильными, сомкнутыми рядами, выказав себя сверх всякой меры смелыми и дерзкими перед лицом военной опасности. Василевс же вывел из укрепления наиболее стойкую и сильную часть войска и построил фаланги на пространстве между двумя лагерями; впереди он поставил одетых в броню всадников, а сзади [расположил] стрелков и пращников, приказав им оттуда поражать неприятелей. Во главе правого крыла стал он сам, ведя за собой бесчисленное множество всадников; на левом крыле сражался Иоанн, прозванный Цимисхием, возведенный в достоинство дуки [8]. Он был муж горячего нрава и как никто другой выказал себя невероятно смелым и пылким [в бою], несмотря на то, что, подобно баснословному богатырю Тидею [9], был очень небольшого роста; в маленьком его теле таилась храбрость и сила героя. Когда василевс приказал трубить к сражению, показалисьдвигающиеся в превосходном порядке ромейские фаланги, и все поле засияло блеском оружия. Тарсийцы не устояли перед таким натиском; поражаемые градом копий и оружием стрелков и пращников, поставленных позади, они тотчас

обратились в бегство и постыдным образом заперлись в стенах города, потеряв в этой стычке немалую часть своих сограждан. Безудержный страх охватил их, когда они увидели столь многочисленное, искусно наступающее войско; они расположились на городских стенах, укрепив их метательными орудиями, и, оказавшись недосыгаемыми, стойко ожидали вражеского нападения.

4. Самодержец Никифор увидел, что прямо к городу подойти и подступиться невозможно, что овладеть им приступом нельзя, и решил не подвергаться опасности, [отказаться от] безрассудного стремления к битве и обречь [тарсийцев] на голод, который своей жестокой необходимостью поневоле заставит их сдаться. Приняв такое решение, он окружил город надежной охраной. Пока голод еще не истощил до конца тарсийцев, они оборонялись, бросая с башен копья в ромеев; когда же голод изнурил их жалким образом, когда недостаток пищи ослабил их тела, гнетущая печаль охватила город, и жители, покрытые смертной бледностью, ничем не отличавшиеся от призрачных теней, впали в ужасное отчаяние. Ведь бедствие, причиняемое голодом, наиболее губительно и достойно сожаления; тело теряет свою стройность, холод гасит его теплоту, кожа превращается в некое подобие паутины, обтягивающей кости, и постепенно приближается смерть [10].

Когда [тарсийцы] уже не в силах были совладать с нестерпимым голодом и не могли более сражаться со столь большим войском, они заключили мир с василевсом, прекратили сопротивление при условии, что каждому желающему будет дозволено свободно уйти во внутренние области Сирии. [Никифор] согласился с этим условием, и, когда мир был заключен, он приказал им немедленно выйти из города, имея с собою из всего необходимого только одежду [11]. Итак, он овладел городом [12], собрал неисчислимо богатую добычу, разделил ее между воинами, поставил надлежащую охрану и, взяв с собою золотые кресты, украшенные драгоценными камнями, – эти кресты были захвачены тарсийцами в разных битвах, бывших неудачными для ромеев [13], – отправился в столицу. По прибытии он был восторженно принят народом, поместив захваченные кресты в знаменитом божьем храме, он долгое время [14] развлекал народ состязаниями колесниц и другими играми – ведь византийцы более других людей пристрастны к зрелищам.

5. Как раз во время этих развлечений к Никифору явились послы мисян [15]. Они заявили, что их властитель требует обычной дани, за которой они и посланы теперь к василевсу [16]. [Никифор] был спокойного нрава, и его нелегко было вывести из себя, но [речь послов] против ожидания чрезвычайно его рассердила; преисполненный гнева, он воскликнул необычным для него громким голосом: «Горе ромеям, если они, силой оружия обратившие в бегство всех неприятелей, должны, как рабы, платить подати грязному и во всех иных отношениях низкому скифскому племени!» [17] Находясь в затруднении, он обратился к своему отцу Варде, – случилось, что тот, провозглашенный кесарем, был тогда при нем, – и спросил у него, как следует понимать то, что мисяне требуют у ромеев дани: «Неужели ты породил меня рабом и скрывал это от меня? Неужели я, самодержавный государь ромеев, покорюсь нищему, грязному племени и буду платить ему дань?» Он тут же приказал отхлестать послов по щекам и сказал им: «Идите к своему вождю, покрытому шкурами и грызущему сырую кожу, и передайте ему: великий и могучий государь ромеев в скором времени придет в твою страну и сполна отдаст тебе дань, чтобы ты, трижды раб от рождения, научился именовать повелителей ромеев своими господами, а не требовал с них податей, как с невольников».

Сказав так, он приказал им убираться в свою землю, а сам, собрав боеспособное войско, выступил в поход против мисян [18] и с первого же

приступа овладел всеми пограничными с ромеями укреплениями. Осмотрев страну, Никифор убедился в том, что она гориста и покрыта лесами. Говоря поэтическим языком, в стране мисян «беда за бедою восстала» [19] : за лесами и кустами следуют стремнины и скалы, а затем болота и топи; местность эта обильна водою и густыми рощами, заперта со всех сторон непроходимыми горами; она расположена у Гема и Родопа [20] и орошается большими реками. Видя все это, василевс Никифор решил, что не следует вести неподготовленное войско по опасным местам и допустить, чтобы мисяне перебили воинов, как скот [21] . Утверждают, что ромеи часто терпели поражения в теснинах Мисии и подвергались полному уничтожению [22] .

6. Таким образом, он решил не подвергать опасности [своих людей] в непроходимых и опасных местах. Поэтому он отозвал войско и вернулся в Византии. Затем, возведя в достоинство патрикия Калокира [23] , мужа пылкого нрава и во всех отношениях горячего, он отправил его к тавроскифам [24] , которых в просторечии обычно называют росами [25] , с приказанием распределить между ними врученное ему золото, количеством около пятнадцати кентинариев [26] , и привести их в Мисию с тем, чтобы они захватили эту страну [27] .

Итак, Калокир поспешил к тавроскифам: а сам [Никифор] отправился в театр и сел наблюдать за проводимыми конскими ристаниями. [До начала состязаний] он приказал бывшим при нем воинам сойти на арену, разбиться на противостоящие отряды, обнажить мечи и шутя наступать друг на друга, упражняясь таким образом в военном искусстве. Но жители Византия были незнакомы с военным делом. Их ослепил блеск мечей, напугал лязгающий натиск устремившихся друг на друга воинов; пораженные необычным зрелищем, они ринулись из театра и побежали по домам. Вследствие давки и беспорядочного бегства немало их погибло, многие были жалким образом растоптаны и задушены [28] .

Это происшествие послужило началом вражды Византия к василевсу. К этому присоединились и злоупотребления его брата, куропалата Льва, который сменил мужество воина на корыстолюбие горожанина; своей жадностью к деньгам он без всякого милосердия лишал жителей хлеба и других необходимых припасов: покупая хлеб дешево, он продавал его за дорогую цену [29] . В городе стали шептаться: со стороны горожан посыпались обвинения в том, что оба брата обращают бедствие народа себе на пользу и туго набивают мешки общественным добром. Ведь и василевс, утверждая, что ему необходимы большие средства на военные нужды, безжалостно разорял своих подданных и выдумывал новые неслыханные налоги [30] .

Василевсу стало, как говорят, известно от какого-то человека, то ли из тех, что наблюдает небесные светила, то ли из тех, что избрали монашеский безбрачный образ жизни [31] , что он умрет в царском дворце, убитый собственными соотечественниками. Устрашенный этим предсказанием, он построил высокую и крепкую стену, которая соединила оба крыла дворца [32] , обращенные к морю. [Государь] полагал, что этой стеною, видимой еще и теперь, он обезопасил свое жилище.

7. В праздник вознесения Спасителя [33] , когда государь совершал по обычаю шествие за стены [города] к так называемой Пиги (там был построен храм удивительной красоты в честь богородицы [34]), произошло побоище между жителями Византия и армянами [35] , во время которого армяне ранили многих горожан. А к вечеру, когда государь возвращался во дворец, жители Византия открыто поносили его. И одна женщина со своей дочерью дошла до такого безумия, что, наклонившись с крыши дома, бросала в повелителя камни. На следующий день она была схвачена претором [36] и

вместе с дочерью поплатилась за свою вину, став добычей огня в проастии [37] , называемом Анарата [38] .

В то время и мне, пишущему эти строки, довелось, будучи юношей [39] , жить в Византии с целью обучения и приобретения знаний [40] . Я видел, как василевс Никифор шагом проезжал на коне по городу, невозмутимо снося жестокие оскорбления и соблюдая присутствие духа, как будто не происходит ничего необычайного. Меня удивляло спокойствие этого человека, сохранившего бесстрашие и благородство при самых ужасных обстоятельствах [41] . Впрочем, с наступлением ночи мятеж прекратился. Государь нелегко поддавался гневу и вообще был человеком великодушным; поэтому он предал забвению обиды, причиненные ему накануне горожанами, приписав их скорее опьянению [42] , чем движению возмущенного народа.

После этого он послал [43] в Сицилию огненосные триеры, надежно загрузив их балластом, и огромные корабли с воинами и вооружением. Стратигом над флотом он назначил патрикия Никиту [44] , мужа благочестивого и почтенного, хоть и евнуха, а командование конным войском [поручил] своему двоюродному брату Мануилу [45] , также отмеченному достоинством патрикия, мужу горячего нрава, своевольному и подверженному безрассудным порывам. Переплыв Адриатическое море, они достигли Сицилии, сошли с кораблей и выстроились в фалангу. Вначале им так благоприятствовала удача, что они с одного приступа овладели знаменитыми, прославленными Сиракузами и Гимерой [46] , а сверх того без кровопролития заняли Тавромений [47] и Леонтины [48] . Но завистливая судьба не пожелала направить к цели паруса их успеха [49] , с неистовой жестокостью она стала дуть в обратную сторону и погрузила их предприятие в пучину гибели. Нижеследующий рассказ это разъяснит.

8. Сицилийцы не могли сопротивляться силе и непреодолимому мужеству ромеев: покидая города, они укрывались в горных теснинах и собирались в наиболее удобных местах. Ведь остров этот богат горами и лесами, на нем очень легко, если понадобится, возводить на скорую руку укрепления. Поэтому Мануилу следовало охранять занятые города, а также пастбища и проезжие дороги по всей стране, чтобы лишить беглецов корма для животных и других припасов; таким образом, у истощенных голодом сицилийцев было бы только две возможности: либо сдаться ромеям, либо погибнуть от недостатка средств к существованию.

Но пылкому, кипевшему отвагой и храбростью и сверх меры гордому своими прежними победами Мануилу не доставало предприимчивости и опытности – он устремился по опасным путям преследовать беглецов. В одной из теснин фаланга рассыпалась и стала беспорядочно продвигаться по расселинам и утесам: скрывавшиеся в засаде варвары появились внезапно с шумом и ужасными криками и напали на ромеев. Пораженные неожиданностью, они, не видя солнечного света в густой чаще деревьев, обратились в бегство. Обрушившиеся на ромеев варвары убивали их нещадным образом, как обреченных на жертву животных; тогда только прекратили они истребление воинов, когда силы и гнев их иссякли. Там был убит и сам Мануил; тех же из ромеев, которые избежали меча, агаряне захватили в плен живыми. Сокрушив пешее войско, варвары устремились к берегу, где стояли на якорях ромейские корабли, и большинством из них сразу же овладели. Сам патрикий Никита был схвачен и отправлен пленником к катархонту афров [50] . Из такого множества воинов лишь малая часть спаслась и явилась к императору Никифору [51] .

Весть о гибели столь многочисленного войска глубоко задела василевса; он был очень опечален этим неожиданным и бедственным ударом судьбы. Но [Никифор] обладал твердым характером, он умел сохранять присутствие духа

в трудных обстоятельствах; размышляя о непостоянстве людских дел, он мужественно переносил несчастье. И вот позднее он снова снарядил войско против агарян, населявших Сирию [52] .

9. В это самое время, когда летняя пора года переходила в осеннюю, бог сильно потряс землю, так что разрушились дома и целые города [53] . И случилось так, что богатейший город галатов Клавдиополь [54] , разрушенный непреодолимым движением и сотрясением [земли], внезапно превратился в могилу для своих жителей; там же во мгновение ока погибли многие пришельцы из других мест. Причиной такого сотрясения и движения являются, согласно выдумкам ученых, некие дыхания и испарения, скрытые в недрах земли; узость выходов не дает им возможности сразу вырваться наружу, и они образуют бурные вихри. Эти вихри наполняют пустоты земли, кружатся и носятся с огромной силой, сотрясая все, что находится над ними и вокруг них, до тех пор, пока не прорываются сквозь преграду, выходя на поверхность и растворяясь в сродном им воздухе. Но так объяснило это явление пустословие эллинов. Я же полагаю вслед за божественным Давидом, что столь сильное сотрясение возникает от промысла Божьего, который неусыпно следит за нашими уклонениями от божественного завета; он хочет, чтобы люди, страшась этого бедствия, отвращались от порочных дел и обращались к достохвальным [55] .

Клавдиополь, таким образом, разрушенный до основания и уничтоженный землетрясением, испил полную чашу гнева Господня. В том же году, в середине лета, как раз в то время, когда солнце приближалось к созвездию Рака [56] , на Византии и соседние земли обрушился такой ливень, какого никогда прежде еще не бывало. Начавшись к концу дня, в пятницу [57] , это бедствие продолжалось до девятого часа; дождь выпал такой силы, что не видно было, как обычно, капель, лились сплошные потоки воды, как из труб. Не было ни одного храма либо богатого дома, не заполненного водой, которая текла сверху, сквозь крышу, хоть жители усердно отчерпывали ее на улицу. Сколько ни выливали они, столько же наливалось снова, и никак нельзя было помочь беде. Три часа подряд лился дождь, и видны были разлившиеся по улицам города реки, в которых погибали уносимые водой животные. Люди горько рыдали и вопили, боясь, что на них снова обрушился потоп, подобный уже бывшему, знаменитому, но сострадательное, человеколюбивое провидение пронзило тучу радугой [58] , рассеяло ее сиянием постылый дождь и привело природу к прежней соразмерности. Вслед за тем снова выпал дождь, но мутный, как бы смешанный с золой, похожей на печную сажу, и теплый для всякого, кто ощущал его на своей коже [59] .

10. Василевс Никифор (рассказ снова возвращается к тому месту, откуда он пошел по другому следу), набрав ромейское войско, поспешил к городу Антиохии [60] в Сирии и разбил там лагерь. У [жителей] Антиохии были в избытке необходимые припасы, и они горделиво и высокомерно сразу же отвергли всякую возможность примирения, а [Никифор] не хотел разрушать город стенобитными орудиями, так как был уверен, что в скором времени принудит его к сдаче своими победами и осадными хитростями. Поэтому он, пробыв у стен Антиохии недолгое время [61] и в немалой степени устроив ее жителей образцовым строем своего войска [62] , ушел оттуда и отправился в счастливую страну, центр земли [63] , называемую также Палестиной, которая, как гласит Священное писание, течет молоком и медом; справа от него оставалась Киликия и [другие] приморские области. Заняв Эдессу [64] , [Никифор] вошел в храм святых исповедников, помолился богу и дал отдых войску. До него дошли слухи, что в этой крепости хранится отпечатанное на черепице изображение Спасителя.

Рассказывают, что это изображение запечатлелось [на черепице] следующим образом. Апостол Фаддей был послан Спасителем с изображением Богочеловека к топарху [65] Эдессы Авгару [66], чтобы избавить его от продолжительной болезни. У стен города лежали черепицы, и Фаддей, проходя мимо, спрятал среди них полотно [67], на котором Христос непостижимым образом напечатлел свой лик; он намеревался взять его оттуда на следующий день. На протяжении всей ночи черепицы сияли чудесным светом. Утром Фаддей взял полотно и пошел своей дорогой, а на черепице, к которой полотно прикасалось, отпечатался совершенно точно богочеловеческий образ Спасителя. Варвары подобрали черепицу и с восторженным почитанием хранили ее в крепости. Заняв город, император Никифор взял священную черепицу и, благоговейно уложив ее в изготовленный из золота и драгоценных камней ларец, отдал на сохранение в храм богородицы, находившийся при дворце [68].

Затем он занял крепость Мемпетце [69], перешел лежавшие на пути Ливанские горы и приблизился к Триполи [70]. Он увидел, что этот город укреплен и взять его труднее, чем другие, а кроме того, запаздывали задержанные противными ветрами корабли. Поэтому он прошел мимо и решил осадить крепость Арку [71], в которой были собраны неисчислимые богатства. Опоясав ее тремя рядами укрепления, он приступил к сильнейшей осаде и, разрушив башни стенобитными орудиями, целых девять дней опустошал город, вывозя несметные сокровища. Единым натиском овладел он и многими другими крепостями.

11. Между тем как василевс вершил это в Сирии, во время зимнего солнцестояния произошло такое солнечное затмение, какого прежде еще не бывало, кроме случившегося тогда, когда Господь страдал из-за греховного безумия иудеев, пригвоздивших творца вселенной ко кресту. Вот как протекало это затмение. В двадцать второй день декабря, в четвертом часу дня [72], при спокойной погоде тьма покрыла землю, и на небе выступили во всем блеске звезды. И виден был лишенный блеска и сияния диск солнца – только край его слабо светился, как бы окруженный узкой лентой. Постепенно солнце выдвинулось из-за луны, которая, как было видно, заслоняла солнце, став перпендикулярно к нему, и снова распростерло свои лучи, наполняя светом землю. Устрашенные этим новым и необычным зрелищем, люди, как подобает, обратились с мольбами к богу. В то время я сам находился в Византии, проходя курс энциклопедического образования [73]. Но следует вернуться к нити нашего повествования и возобновить рассказ о василевсе.

Взяв без труда [ряд] неприятельских крепостей, он подошел со всем войском к Антиохии, разбил у ее стен лагерь, собрал стратигов и лохагов, стал на возвышенном месте под открытым небом и обратился к ним с речью: «Соратники, волею провидения и благодаря своей опытности, соединенной с мужеством, мы, как вы знаете, против всякого ожидания захватили лежащие за этим городом крепости. Горячо благодарю вас за то, что, полагаясь на меня, вашего предводителя, вы не склонились перед многочисленными гнетущими трудностями, обычными на войне, и сражались с таким воодушевлением и с такой разумной отвагой, что ни одна из крепостей, на которые мы устремились, не устояла перед вашей доблестью и не осталась незахваченной. Я знаю, воины, как вы жаждете ниспровергнуть этот город, с какой неукротимой страстностью стремитесь вы разрушить и опустошить его огнем. Но я буду опечален, если город, который занимает третье место во вселенной [74] по красоте и величине стен (вы ведь видите, какой высоты они достигают!), по многочисленности жителей и по удивительной отделке домов, будет превращен в развалины, как жалкая крепость. Мне кажется, что

неразумно расточать силы ромейского войска на разрушение этого города, уничтожая и разоряя уже завоеванное нами. Я сказал бы, что наиболее предусмотрительный полководец тот, который своими нападениями на страну и длительным пребыванием в ней обессиливает ее и губит; а того, кто совершает набеги и, тут же возвращаясь домой, разоряет и истощает свое отечество, я не премину назвать безрассудным и в высшей степени злонамеренным. Такой полководец подобен осмеянным в притче собакам, которые должны отгонять от овечьего стада волков и охранять его от напастей, но не только не исполняют этого, а сами хуже волков терзают и разрывают на части [овец] [75]. Итак, если вы согласны со мной и доверяете мне, нам надлежит тотчас же укрепить вот этот с виду надежный и обтекаемый водою холм, расположить на нем по отряду конницы и пехоты, а затем ежедневными вылазками, набегами, расхищением съестных припасов смирить антиохийцев, поставить их в затруднительное положение и принудить против воли покориться ромеям».

Закончив речь, василевс взвалил на плечи камень (в такого рода делах он был прост и скромн), взшел на холм и приказал всему войску последовать его примеру. И через три дня на холме появилось мощное вполне надежное укрепление. Он оставил в этой крепости отряд в пятьсот всадников и тысячу пехотинцев [76], снабдил их достаточным количеством фуража и приказал совершать ежедневные набеги на Антиохию, предавая мечу и разграблению все на своем пути. Сам же он снялся оттуда и отправился в столицу, где, торжественно встреченный горожанами, пребывал [некоторое время] [77].

Книга 5

1. Таким образом, как я уже рассказал, василевс Никифор прошел всю Сирию до приморских ее областей, победил на своем пути всех противников, сделав их добычей мисян [1] разрушил множество городов, воздвиг и вооружил в три дня мощную крепость на самых выгодных подступах к Великой Антиохии и вернулся в Византии. Оттуда он отправил посольство к правителю карфагенян [2], передав ему в дар меч мерзкого, нечестивого Моамеда, который стал его добычей в одной из захваченных крепостей Палестины. Взамен он потребовал возвратить патрикия Никиту, который, как уже говорилось выше, был захвачен в плен во время поражения ромеев в Сицилии и отослан к этому катархонту афров. Никифор угрожал в письме, что того ожидает непримиримая война, разорение и опустошение всей его страны ромейским войском, если он не поспешит отпустить патрикия, не освободит его немедленно от оков и не отправит к нему.

Итак, испуганный этими вестями, словно иными, согласно пословице, скифскими повелениями, карфагенянин отправил в дар василевсу Никифору и патрикия Никиту и тех, которые были взяты в плен вместе с ним [3], и всех других ромеев из разных мест, которых он содержал закованными в темницах, – столь велик был его страх, когда он услышал о сухопутных и морских походах василевса. Несокрушимость этого мужа, непревзойденная в боях, непобедимая сила, благодаря которой он быстро, без всякого худа, как будто по Божьей воле, побеждал любого неприятеля, страшила и приводила в изумление все народы, и они стремились к тому, чтобы он был им не врагом, а другом и господином [4]. Итак, патрикий Никита и другие ромейские пленники, освобожденные из оков и тюрем, вернулись в Византии.

Василевс Никифор был очень рад; он отметил этот день празднеством и возгласил благодарственные молитвы Богу за спасение соплеменников.

Тем временем, пока император совершал все это в Сирии и в Византии, патрикий Калокир, посланный к тавроскифам по его царскому приказу, прибыл в Скифию, завязал дружбу с катархонтом тавров [5], совратил его дарами и очаровал льстивыми речами – ведь все скифское племя необычайно корыстолюбиво, в высшей степени алчно, падко и на подкупы, и на обещания [6]. Калокир [7] уговорил [его] собрать сильное войско и выступить против мисян с тем, чтобы после победы над ними подчинить и удержать страну для собственного пребывания, а ему помочь против ромеев в борьбе за овладение престолом и ромейской державой [8]. [За это Калокир] обещал ему огромные, несказанные богатства из царской сокровищницы.

2. Выслушав слова Калокира, Сфендослав [9] (таким именем он назывался у тавров) не в силах был сдержать своих устремлений; возбужденный надеждой получить богатство, видя себя во сне владельцем страны мисян, он, будучи мужем горячим и дерзким, да к тому же отважным и деятельным, поднял на войну все молодое поколение тавров. Набрав, таким образом, войско, состоявшее, кроме обоза, из шестидесяти тысяч [10] цветущих здоровьем мужей, он вместе с патрикием Калокиром, с которым соединился узами побратимства [11], выступил против мисян [12].

Узнав, что [Сфендослав] уже подплывает к Истру и готовится к высадке на берег, мисяне собрали и выставили против него фалангу в тридцать тысяч вооруженных мужей. Но тавры стремительно выпрыгнули из челнов, выставили вперед щиты, обнажили мечи и стали направо и налево поражать мисян. Те не вытерпели первого же натиска, обратились в бегство и постыдным образом заперлись в безопасной крепости своей Дористоле [13]. Тогда, говорят, предводителя мисян Петра [14], мужа боголюбивого и благочестивого, сильно огорченного неожиданным бегством его войска, постиг эпилептический припадок, и спустя недолгое время он переселился в иной мир.

Но это произошло в Мисии позднее. А самодержец ромеев Никифор, который вообще был на протяжении всей своей жизни деятелен, бдителен и предусмотрителен, никогда не становился рабом наслаждений и о котором никто не мог сказать, что видел его хотя бы в юности предававшимся разврату, узнав о происходящем у тавров, занялся в одно и то же время множеством дел [15]. Он снаряжал пешее войско, вооружал отряды, [приучал] конницу к глубинным построениям, одел всадников полностью в железо [16], изготовлял метательные орудия и расставлял их на башнях городской стены. Затем он выковал тяжелую железную цепь и протянул ее на огромных столбах, расставленных в Босфоре, прикрепив одним концом к башне, которую обычно называли Кентинарий, а другим к башне Каstellий, находящейся на противоположном берегу [17]. Будучи наиболее предприимчивым и предусмотрительным из всех известных нам людей, он считал, что невыгодно было бы начинать войну против обоих народов [18]. Ему показалось, что полезно склонить один из этих народов на свою сторону. Он решил, что таким образом легко будет одержать верх над другим и быстрее его победить.

3. Так как Никифор не надеялся более договориться с таврами и знал, что нелегко будет подчинить своей воле окончательно уклонившегося от истинного пути патрикия Калокира, который вышел из-под его власти и возымел большое влияние на Сфендослава, он предпочел отправить посольство к единоверцам мисянам [19], назначив послами патрикия Никифора, прозванного Эротиком [20], и проедра Евхаитского Филофея [21]. [Никифор] напомнил мисянам об их вере (ведь мисяне без всяких отклонений исповедуют христианскую религию [22]) и попросил у них девиц царского

рода [23] , чтобы выдать их замуж за сыновей василевса Романа [24] , укрепив посредством родства неразрывный мир и дружбу между ромеями и мисянами.

Мисяне с радостью приняли посольство [25] , посадили девиц царской крови на повозки (женщины у мисян обычно разъезжают на повозках [26]) и отправили их к василевсу Никифору, умоляя его как можно скорее прийти к ним на помощь, отвратить повисшую над их головами секиру тавров и обезвредить ее. И если бы [Никифор] пошел защищать мисян, он одержал бы победу над таврами, как и над другими племенами, против которых он выступал с ромейским войском, но небольшой толчок может поколебать [судьбу] человека; она, я бы сказал, висит на тонкой нити [27] и часто обращается в противоположное. Справедливо полагают некоторые, что какой-то гнев божества и людская зависть противостоят знаменитейшим и сильнейшим мужам, вводя их в заблуждение, сокрушают и обращают в ничто. То же самое случилось тогда и с василевсом Никифором, хотя все совершалось согласно его желанию и достиг он большего, нежели кто-либо из тех, которые правили до него. Я утверждаю, что Всемогущий с удивительной предусмотрительностью обращает благополучие людей в противную сторону, тем самым напоминая им, что они смертны, недолговечны и не должны возноситься выше положенного [28] . Ведь были уже люди, которые, достигнув успеха и отличившись в битвах, оскорбляли провидение тем, что осмеливались провозглашать себя богами. Примерами могут служить сыновья Алоэя от и Эфиальт, которые, согласно мифу, пытались взойти на небо [29] , Навуходносор Вавилонский, воздвигший сам себе статую, а также сын Филиппа Александр, повелевший, чтобы его называли сыном Аммона [30] . Итак, деяния людей по справедливости непрочны и превратны [31] . Это испытали тогда и ромеи, которые вскоре лишились такого предводителя, какого прежде не было в ромейской державе. Если бы рок со смертью [Никифора] не обернул судьбу ромеев вспять, то ничто не помешало бы им при его жизни расширить границы своего владычества на востоке до Индии, а на западе до самых пределов обитаемого мира [32] . Но возвратимся снова к тому месту, где мы уклонились от нити повествования.

4. Итак, мисяне простирали с мольбой руки, заклиная императора прийти к ним на помощь. Но пока он готовился к походу, пришло известие о взятии Великой Антиохии [33] ; она была взята в точном соответствии с приказами, которые были даны оставленному для ее покорения войску [34] . Вследствие ежедневных набегов [Антиохия] была обессилена и испытывала крайний недостаток всего необходимого. Тогда, рассказывают, патрикий и стратопедарх [35] Петр [36] , который, хотя и евнух, был, однако, мужем деятельным и весьма храбрым, пришел туда с войском, пройдя через всю Сирию, и отрядил своего таксиарха [37] Михаила, по прозванию Вурца [38] , для обозрения города. [Михаил] с несколькими отборными воинами подошел вплотную к крепости, высмотрел удобное место в стене, вернулся назад в лагерь, соорудил лестницы, соответствующие высоте башен, и погрузил их на вьючных животных. В середине ночи он с отрядом смельчаков снова подкрался к стенам Антиохии; приставив лестницы к стене, они бесшумно взобрались по ним и пронзили мечами спавших глубоким сном стражей-агарян. Овладев таким образом стенами, ромеи спустились с башен и подожгли город со всех четырех сторон. Антиохийцев, пораженных неожиданной [бедой], охватило страшное отчаяние: они вопили и рыдали, не зная, что предпринять. Наконец они решились положиться на свое мужество и отважно сражаться вплотную с противником, пока совсем не рассветет, но стратопедарх Петр предупредил их намерение. Он вступил с войском через ворота, которые ему открыли проникшие туда прежде ромеи. Антиохийцы не осмелились даже встретиться

лицом к лицу с такой силой; побросав оружие, они стали молить о пощаде. Стратопедарх обратил их в рабство, потушил пожар, отобрал себе лучшую часть добычи, овладел всем городом и поставил охрану на уязвимых участках стены.

5. Таким образом была взята и опустошена ромеями великая и славная Антиохия. Когда до василевса дошла весть об этом, он обрадовался и воздал благодарственные молитвы Богу [39]. Говорят, что во время происшедшего тогда празднества в честь сонма бесплотных сил [40] к императору подошел какой-то монах из отшельников, вручил ему письмо и внезапно скрылся из виду. Он развернул его и прочел; вот каково было содержание письма: «Провидение открыло мне, червь, что ты, государь, переселишься из этой жизни на третий месяц по прошествии сентября». Несмотря на длительные поиски, василевс не нашел монаха.

С тех пор василевс впал в уныние и печаль. Он решил никогда более не отдыхать на своем ложе, а спал на шкуре барса и пурпурном войлоке, расстелив их на полу [41], укрывал же он свое тело плащом своего дяди монаха Михаила по прозванию Малеина [42]. Он спал таким образом до наступления одного из праздников господних, когда намерен был причаститься непорочных христовых тайн. В те же дни переселился из этой жизни кесарь Варда, отец василевса Никифора, проживший на свете более девяноста лет, созревший и состарившийся в многочисленных сражениях, увенчанный благодаря славным воинским подвигам множеством побед. Оплакав, как подобает, смерть отца, государь проводил его тело от дворца до самого дома, стоявшего в южной части города, на крутой дороге, ведущей к морю, где простирается гавань Софии [43], и уложил здесь в гробницу.

Спустя несколько дней, когда скорбь василевса по отцу несколько улеглась, василисса Феофано, воспользовавшись удобным случаем, пришла к нему одна и с большой силой убеждения неотступно просила, заклинала и слезно молила [44] о прощении магистра Иоанна, прозванного Цимисхием [45]. Приводя при этом следующие законные основания, она говорила: «Во всех своих решениях ты, государь, соблюдаешь меру и достоинство, тебя считают воплощением справедливости и непревзойденным образцом целомудрия; почему же ты оставляешь без внимания столь благородного и доблестного мужа, отличающегося славными подвигами и непобедимостью в битвах? Почему ты допускаешь, чтобы он валялся в грязи наслаждений и вел жизнь изгнанника [46] и бездельника? Ведь он в расцвете лет и полон сил, к тому же он – двоюродный брат твоего величия и ведет свое происхождение от блистательного рода. Вели ему, если тебе угодно, как можно скорее приехать к нам из деревни, в которой он теперь живет, и вступить в супружескую связь с девицей из благородных. Ведь ту, с которой он был соединен брачным законом, сразила, как ты знаешь, жестокая, разлагающая члены смерть. Послушай же меня, государь, последуй моему верному совету. Не допускай, чтобы дерзкие языки насмеялись и издевались над мужем, происходящим из твоего рода и восхваляемым всеми за его ратные подвиги!»

6. Вот какие речи пустила в ход Феофано и, как всегда, очаровала василевса, сверх меры преклонявшегося перед ее красотой и чрезвычайно к ней благосклонного. Она убедила его тотчас же вызвать Иоанна и вернуть его в Византию. Приехав в столицу, Иоанн предстал перед василевсом и, получив дозволение бывать во дворце каждый день [47], сейчас же удалился домой, но потом беспрестанно являлся в царский дворец.

Будучи человеком горячим, смелым и удивительно склонным к необыкновенным, дерзким предприятиям, он нашел средство проникать в покои августы через подготовленные ею тайные входы, чтобы вести с ней переговоры о свержении василевса Никифора с престола. Для этого он

посылал к ней от времени до времени сильных и опытных в ратных делах мужей, которых она укрывала у себя в темной каморке. Когда их злодейское сообществе было уже чревато бедствием [48] и ужасным преступлением, готовясь породить страшное беззаконие, они, собравшись на обычную свою сходку, решили устранить василевса Никифора от власти. Придя затем к себе домой, Иоанн позвал Михаила, по прозванию Вурца, и Льва Педиасима [49]. Запершись в его покоях, они обсудили убийство василевса Никифора.

В то время наступил десятый день декабря. Говорят, что вечером, во время молитвы, один из клириков царского дворца вручил Никифору записку, в которой сообщалось следующее: «Да будет тебе известно, государь, что этой ночью тебя ожидает жестокая смерть. Для того чтобы убедиться в этом, прикажи осмотреть женские покои; там спрятаны вооруженные люди, которые собираются тебя умертвить». Прочтя это письмо, василевс приказал [50] главному постельничему Михаилу [51] произвести тщательные поиски этих людей; но Михаил, то ли опасаясь августы, то ли вследствие медлительности или из-за того, что повредился в уме, не заглянул в каморку и оставил необнаруженной засевшую там шайку убийц.

С наступлением ночи к Никифору, как обычно, пришла василисса и завела разговор о недавно прибывших из Мисии невестах [52]. «Я пойду позабочусь о них, – сказала она, – а потом приду к тебе. Пусть спальня будет отперта, не надо ее запирать; когда я вернусь, я сама ее запру» [53]. С этими словами она вышла. Государь же в продолжение целой смены ночной стражи возносил обычные молитвы к Богу и размышлял о Священном писании. Но природа взяла свое, и он заснул на полу, на шкуре барса и на пурпурном войлоке, перед святыми иконами богочеловеческого лика Христа, Богоматери и божественного предтечи и провозвестника.

7. Тем временем спрятанные у августы пособники Иоанна, вооружившись мечами, вышли из каморки и ожидали его появления, глядя вниз с открытой площадки, расположенной в верхней части дворца [54]. Часы показывали уже пятый час ночи, ледяной северный ветер волновал воздушную среду; падал густой снег. Наконец Иоанн с сообщниками, проплыв вдоль берега на лодке, высадился в том месте, где стоит каменное изображение льва, наступающего быка (это место в народе называли Вуколеоном). Свистом подал он знак своим прислужникам, склонившимся к нему навстречу с верхней площадки, – так заранее было договорено между злодеями. Затем они привязали веревку к корзине и втащили в ней наверх по одному сначала всех заговорщиков, а потом и самого Иоанна [55].

Пробравшись таким образом сверх всякого человеческого ожидания [во дворец], они обнажили мечи и ворвались в спальню василевса. Приблизившись к ложу и увидев, что оно пусто, что на нем никто не спит [56], они оцепенели от ужаса и хотели броситься в море. Но один из слуг женской половины, бесстыдный человечиска, который был их проводником, указал им на спящего императора. Они окружили его и стали бить и пинать ногами. Никифор проснулся и опер голову на локоть; тогда Лев, по прозванию Валант [57], поразил его сильным ударом меча. Испытывая сильную боль от раны (меч проник до бровей и ресниц и рассек кость, но не задел мозга), василевс, обгагранный обильно лившейся кровью, закричал громким голосом: «Богородица, помоги мне!» [58] Иоанн же, усевшись на царскую постель, приказал притащить его к себе.

Никифор так ослабел от удара мечом, отнявшего у [императора] огромную его силу, что не мог даже стоять на коленях и, сползши на пол, распростерся там. Когда его приволокли [к Иоанну], тот спросил с угрозой в голосе: «Скажи-ка, безрассудный и злобный тиран, не я ли возвел тебя на ромейский престол? Не мне ли ты обязан верховной властью? Как же ты,

охваченный завистью и безумием, забыл о таком благодеянии и не поколебался отнять у меня, оказавшего тебе громадные услуги, верховное начальство над войском? Ты послал меня, как будто бы я скиталец презренный [59], в деревню, проводить в бездействии время с земледельцами, меня, мужа столь доблестного и более .тебя храброго, меня, перед которым дрожит неприятельский стан и от рук которого никто теперь тебя не спасет. Говори же, если ты можешь еще что-либо сказать в свое оправдание».

8. Никто не приходил на помощь к василевсу, и он, уже испуская дух, продолжал просить заступничества у Богородицы. Иоанн схватил его за бороду и безжалостно терзал ее, а заговорщики так яростно и бесчеловечно били его рукоятками мечей по щекам, что зубы расшатались и стали выпадать из челюстей. Когда они пресытились уже мучениями Никифора, Иоанн толкнул его ногой в грудь, взмахнул мечом и рассек ему надвое череп. Он приказал и другим наносить удары [Никифору], и они безжалостно расправлялись с ним, а один ударил его акуфием в спину и пронзил до самой груди. Это длинное железное оружие очень похоже на клюв цапли; отличие заключается лишь в том, что природа снабдила цаплю прямым клювом, а акуфий слегка изогнут и сильно заострен на конце [60].

Вот какую кончину обрел самодержец Никифор, всего проживший на свете пятьдесят семь лет и царствовавший шесть полных лет и четыре месяца [61]. Мужеством и силой тела он без сомнения превосходил всех людей его поколения, в воинских делах отличался необыкновенной изобретательностью и опытностью, был непоколебим среди всякого рода трудностей и не был подвержен обольщениям телесных удовольствий. В делах гражданского управления он был милостив и великодушен, и никогда не было более справедливого судьи и непреклонного законодателя. Он был суров и неумолим в молитвах и всенощных бдениях во имя Бога, невозмутим духом во время песнопений и нисколько не подвержен тщеславию. Однако многие считали недостатком его желание, чтобы все безукоризненно следовали добродетели и не уклонялись от высшей справедливости. За отступления от этих правил он строго наказывал и потому казался неумолимым и жестоким для уклоняющихся от законов и был ненавистен тем, кто желал вести беспечную жизнь. Я утверждаю, что если бы завистливая и карающая судьба, разгневавшись на успехи этого мужа, не лишила его так скоро жизни, ромейская держава достигла бы такого величия, какого она в другое время не достигала. Ведь провидение, презирающее грубый и заносчивый дух человека, укрощает его, подавляет, обращает в ничто и непостижимыми, ему одному известными судьбами направляет челн нашей жизни к полезному.

9. Совершив свое преступное и богопротивное дело, Иоанн вошел в великолепный дворцовый зал, называемый Хрисотриклином [62], надел на ноги пурпурную обувь, воссел на василевсов трон и стал размышлять о том, как захватить государственную власть и устранить возможное сопротивление родственников василевса. Тем временем воины из охраны Никифора, слишком поздно узнав о его убийстве и надеясь, что он еще жив, бросились на помощь и изо всех сил старались проломить железные ворота. Но Иоанн приказал вынести голову Никифора и показать ее через отверстие его телохранителям. И вот некто по имени Аципофеодор, подойдя [к телу Никифора], отрубил голову и показал ее бунтующим [воинам]. Это страшное и невероятное зрелище подействовало на них: они выпустили мечи из рук, запели на другой лад и в один голос провозгласили Иоанна василевсом ромеев.

Труп Никифора целый день валялся на снегу под открытым небом; это было в субботу одиннадцатого декабря; только поздним вечером Иоанн приказал

предать его подобающему погребению. Тело уложили в наскоро сколоченный деревянный ящик и в полночь тайно отнесли в храм Святых апостолов; там его поместили в одну из царских гробниц [63], в той же усыпальнице, где покоится тело божественного и прославленного Константина [64]. Но злодеи поплатились за свое преступление; неусыпное правосудие отомстило им впоследствии: у всех, кто приложил руку к убийству василевса, было отнято имущество и, очутившись в крайней нищете, они, подлые, подло и жизнь свою закончили. Мне представляется, однако, что я уже достаточно сказал о подвигах василевса Никифора, о его жизни и гибели. Я полагаю, что те, кто слишком долго останавливается на этом предмете и чрезмерно распространяется о нем, страдают пороком любопытных сверх меры людей, которые выходят за границы описываемого и не обходят вниманием никакой мелочи. Итак, мне кажется, что пора прекратить рассказ о [Никифоре] и его деяниях и вписать по возможности деяния Иоанна, которого прозвали Цимисхием (это армянское слово в переводе на греческий язык означает «туфелька» [65]; такое прозвище было дано Иоанну, потому что он был малого роста), – пусть же не исчезают в пучине забвения дела полезные и достойные памяти.

Книга 6

1. Таким образом, после уже описанного мною убийства императора Никифора, бразды правления берет в свои руки Иоанн, по прозвищу Цимисхий. Уже в начале четвертой ночной стражи, на рассвете в субботу одиннадцатого декабря тринадцатого индикта шесть тысяч четыреста семьдесят восьмого года [1] по улицам города разъезжал отряд избранных воинов, провозглашая Иоанна и сыновей прежде царствовавшего Романа самодержцами ромеев [2].

В небольшом удалении от воинов следовал Василий Ноф [3], сын императора Романа Старшего от скифянки, украшенный достоинством проедра. Никифор первый из августейших правителей ввел такое звание, чтобы почтить этого человека, который, хотя и был скопцом, отличался предприимчивостью, изобретательностью и умением применяться к различным обстоятельствам. Он участвовал в заговоре Иоанна и был очень к нему расположен. Сначала он притворялся больным, а потом и в самом деле занемог и слег в постель; узнав о ночном убийстве Никифора, он с отрядом отважных юношей пошел за упомянутыми воинами, провозглашая Иоанна августейшим императором ромеев. Затем он вернулся во дворец и стал заниматься с Иоанном государственными делами, получив от него звание паракимомена.

Посовещавшись о принятии мер к собственной выгоде, они тут же разослали по всему городу указы и предписания, в которых под страхом отсечения головы запрещалось поднимать мятеж или совершать ограбления. Весть об этом внушила немалый страх византийцам, и никто не посмел в нарушение приказа произвести возмущение. Во время такого рода переворотов встречаются праздные из народа и неимущие, которые грабят добро и разрушают дома, а иногда и убивают соотечественников. Так было и во время провозглашения императором Никифора, но указ Иоанна предотвратил и подавил эти безрассудные устремления площадной черни [4].

2. Во время этих событий родной брат Никифора, куропалат Лев, спал у себя дома. При известии об убиении брата ему следовало раздаться на улицах

свои огромные золотые сокровища, привлечь таким путем на свою сторону горожан и призвать их также к отмщению тиранам [5]. Если бы он решился на это, ему удалось бы немедленно и без пролития крови лишить Иоанна власти – ведь люди, занимавшие государственные должности, получили их от Никифора, а в Византии находилось преданное ему значительное войско. Все они присоединились бы к [куропалату Льву], если бы он отважился поднять мятеж и горячо принялся за дело. Но он помутился разумом от большого горя и даже не подумал об этом; предоставив все судьбе и силе обстоятельств, он поспешил в прославленный храм Премудрости божьей.

Что же касается Иоанна, то он, прежде чем солнце распространило всю мощь своего сияния над землей, назначил на высшие государственные должности своих приверженцев. Он отстранил претора, друнгария флота [6], [друнгария] виглы [7], называемого ночным эпархом [8], которые были сторонниками Никифора, и приказал им вместе с их родственниками жить в своих сельских поместьях. Брата же императора Никифора, куропалата Льва, с сыном его, патрикием Никифором, он заверил в том, что их жизни не угрожает опасность, и отослал их в город Митимну, расположенный на острове Лесбосе [9]. Затем он сместил всех топархов областей [10] и поставил вместо них своих близких. Тогда же он отстранил от должности и отправил в Амасию [11] и [второго] сына куропалата Льва, патрикия Варду, который был возведен [Никифором] в достоинство дуки и находился в Халдии [12]. Таким образом, он сделал все возможное для того, чтобы пребывать в полной безопасности и спокойно заниматься делами, устранив от управления государством всех подозрительных людей; затем Цимисхий поселился во дворце. Когда он вступил на императорский престол, ему шел сорок пятый год.

3. Что касается наружности Иоанна, то она была такова. Лицо белое, здорового цвета, волосы белокурые, надо лбом жидкие, глаза голубые, взгляд острый, нос тонкий, соразмерный, борода сверху рыжая и слишком суженная по сторонам, а внизу правильной формы и не подстриженная. Он был малого роста, но с широкой грудью и спиной; в нем таилась гигантская сила, руки обладали ловкостью и непреодолимой мощью; геройская душа [13] его была бесстрашна, непобедима и отличалась поразительной для такого маленького тела отвагой. Он один без боязни напал на целый отряд и, перебив множество [врагов], с быстротой птицы возвращался к своему войску, целый и невредимый. В прыганье, игре в мяч, метании копья и стрельбе из лука он превосходил всех своих сверстников. Говорят, что он выстраивал в ряд четырех скакунов и, птицей мелькнув над тремя из них, садился на последнего. Он так метко направлял дротик в цель, что тот пролетал через отверстие величиной с кольцо; в этом он превосходил даже прославленного Гомером островитянина [14], стрелы которого проходили через проушины в секирах. Он клал кожаный мяч на дно стеклянной чаши и, пришпорив коня, проносился на полном скаку, ударяя по нему рукоятью копья так, что мяч подпрыгивал и устремлялся в воздух, чаша же оставалась совершенно целой и не двигалась с места. Он всех превосходил щедростью и богатством даров: всякий, кто просил у него чего-либо, никогда не уходил обманутым в своих надеждах. Он был человеколюбив и ко всем обращался с открытым сердцем и лаской, расточая, подобно пророку, елей [15] благотворительности; если бы паракимомен Василий не обуздывал его ненасытное стремление оказывать благодеяния согражданам, он очень скоро исчерпал бы всю императорскую казну на раздачу бедным. Но недостаток Иоанна состоял в том, что он сверх меры напивался на пирах и был жаден к телесным наслаждениям [16].

4. Таким образом Иоанн, сверх всяких ожиданий, за семь дней устроил все дела управления и укрепил свою власть. Ведь обычно при больших переворотах возникают мятежи и беспорядки, а тогда, после убийства императора Никифора, народ по неизвестной мне причине молчал и соблюдал полное спокойствие; никто из телохранителей не получил даже пощечины. [Затем Иоанн] отправился в великий храм Премудрости божьей, чтобы патриарх, как положено, увенчал его императорской диадемой. Согласно обычаю, всякий вступающий на ромейский престол приближается к амвону храма, и тот, кто облечен в то время саном иерарха, благославляет его и возлагает на его голову царский венец [17]. Патриарший трон занимал тогда Полиевкт. Это был муж святой и, несмотря на свой престарелый возраст, пламенный духом. Он объявил, что не дозволит государю войти в храм, пока тот не изгонит из дворца августу и не назовет убийцу императора, кем бы таковой ни оказался; кроме того, он потребовал вернуть синоду изданную Никифором в нарушение справедливости грамоту. Дело в том, что Никифор, то ли намереваясь устранить допускаемые, по его мнению, некоторыми иерархами нарушения священных обрядов, то ли желая подчинить даже то в религии, над чем ему властвовать не полагалось, заставил иерархов составить указ, согласно которому ничего нельзя было предпринимать в церковных делах без его воли [18].

Полиевкт предложил государю выполнить все [это]: в противном случае он не позволит ему вступить в святой храм. [Иоанн] Принял условия: он удалил августу из дворца и сослал ее на остров, называемый Прота [19], вернул синоду грамоту Никифора [20] и указал на Льва Валанта, утверждая, что он один и никто другой собственноручно умертвил императора. Только тогда Полиевкт допустил Иоанна в святой храм и венчал его, после чего тот вернулся в царские палаты, приветствуемый войском и народом [21].

5. Установив известное спокойствие: и мир, Иоанн разделил все, чем владел раньше, на две части. Состояние его было велико: оно слагалось из того, что он унаследовал от своих предков (ведь он происходил от славнейшего рода, принадлежа по отцу к благороднейшим на Востоке [22], а по матери приходясь родственником императору Никифору), а также из императорских даров, которые переходили к нему в качестве щедрых трофеев во время войн. Одну часть {своих владений Иоанн} приказал распределить между окрестными и соседними земледельцами, а другую часть предназначил для больницы прокаженных, расположенной на другом берегу от Византия, с тем чтобы пристроить новые здания к прежним домам страдающих священной болезнью [23]. Он сделал так, что большое число больных могло пользоваться лечением, навещал [их], подходил к прокаженным, раздавал им золото и, хотя был человеком изнеженным и брезгливым, не гнушался врачевать, насколько это было возможно, их покрытые язвами и разрушенные недугом члены. Он испытывал такое сочувствие и жалость к страданиям плоти, что, встречая больных, забывал об императорском достоинстве и о гордости, рождаемой пурпурным одеянием.

Фему Армениаки он освободил от налога, потому что был оттуда родом. Когда наступило время выплаты роги, которую синклит, знать и видные люди получает из рук императора, он, движимый великодушием и жадной славой, бесплатно увеличил рогу всем, достойным награды [24].

6. В это время овдовела, потеряв иерарха, взятая еще императором Никифором великая Антиохия на Оронте, ибо прежний ее катархонт, агарянин [25], пронзил копьем грудь благочестивого апостольского мужа, патриарха Христорора [26], ставя ему в вину почитание Спасителя Христа. Заботясь о восстановлении брачных уз [27], император Иоанн принялся со всем рвением подыскивать мужа, достойного антиохийской иерархии. Размышляя и

раздумывая об этом деле, он вспомнил о Теодоре из Колонии, который с детства вел отшельническую, лишенную тревожных и тяжелых трудов жизнь и тяжкими трудами укрощал свою плоть. Железные вериги, которыми он истязал свое тело, покрывал он власяным рубищем и до тех пор не снимал его, пока оно совершенно не истлело и не обращалось в прах. Говорят, будто именно этот монах предсказал сначала Никифору, а затем Иоанну императорскую власть. Тогда он находился в Византии, и Иоанн привел его к Полиевкту. Тот вместе с бывшими в городе епископами испытал знания мужа и, найдя, что он не слишком силен в светской учености, но зато чрезвычайно опытен в священной нашей премудрости, помазал его патриархом Антиохии [28].

Сам Полиевкт прожил лишь несколько дней после рукоположения Феодора [29]; он ушел из жизни, оставив церкви, как памятник, образ добродетели, божественной к человеческой мудрости и знаний, к которым он был весьма привержен. После того как Полиевкт, управлявший патриархией около тринадцати лет, переделился в царство блаженного покоя, Иоанн был озабочен тем, чтобы возвести на иерархический трон мужа, превосходящего всех добродетелями и безупречным поведением. С этой целью он созвал во дворец на следующий день епископов и синклит и обратился к ним с такой речью:

7. «Я признаю лишь одну наивысшую и главенствующую силу, которая вызвала из небытия к бытию все благолепие видимого и невидимого мира. Мне известны, однако, две власти в сей жизни, в насущном земном пространстве: священство и царство [30]; одной из них создатель поручил заботиться о душах, а другой – управлять телами людей, с тем чтобы ни одна из сторон не пострадала, но оставались они цельными и невредимыми. И теперь, когда глава церкви отдал долг природе, надлежит всевидящему оку, которое распознает дела человеческие еще до того, как они задуманы, определить для священной должности среди всех людей наиболее достойного мужа. И вот я возвожу [31] на церковный престол человека, издавна мною испытанного и прославленного всяческими добродетелями, которому Бог даровал способность предвидеть будущее: пусть не проводит сей человек свою жизнь в тени. Его божественное пророчество предрекло мне многое из будущего, которое и свершилось в свое время».

Произнеся сии слова, император вывел на середину отшельника Василия, который с детства избрал монашеский образ жизни и беспрестанно выказывал подвиги тяжкого труда своего на вершинах Олимпа [32]. Иоанн повелел ему идти в патриарший дворец [33], а на следующий день (как раз отмечалось то воскресенье, когда святые отцы укрепили православную веру в почитании божественных икон [34]) Василий принял помазание на первосвященство и был провозглашен вселенским патриархом [35].

8. Многими тревогами был волнуем дух императора Иоанна; перед ним лежали три пути, и он не знал, какой из них избрать, чтобы не уклониться от верного направления. Недостаток съестных припасов и повсюду распространившийся голод уже третий год пожирала ромейскую державу; угрожало ничего хорошего не предвещавшее нашествие росов [36]; карфагеняне и арабы намеревались напасть на только что покоренную ромеями сирийскую Антиохию [37]. Что касается непреодолимого зла – голода, то [Иоанн] быстрым подвозом припасов из всех гаваней предусмотрительно пресек влияние этого бедствия. Нашествие агарян он остановил при помощи восточного войска под начальством патрикия Николая [38], который, будучи придворным евнухом государя, приобрел многими стараниями опытность в военном деле.

А с катархонтом войска росов, Сфендославом, он решил вести переговоры. И вот [Иоанн] отрядил к нему послов с требованием, чтобы он, получив

обещанную императором Никифором за набег на мисян награду [39] , удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору [40] , покинув Мисию, которая принадлежит ромеям [41] и издавна считается частью Македонии [42] . Ибо говорят, что мисяне, отселившись от северных котрагов [43] , хазаров [44] и хунавов [45] , покинули родные места и, бродя по Европе, захватили во времена правившего тогда ромеями Константина, называемого Погонатом [46] , эту [область] и поселились в ней; по имени своего родоначальника [47] Булгара страну стали именовать Булгарией [48] .

9. Существует о них еще и другая история, примерно следующего содержания. Когда Леонтий [49] отрезал нос императору ромеев Юстиниану [50] и сослал его в Херсон [51] , тот, изловчившись, бежал оттуда к Меотиде [52] и склонил на свою сторону народ мисян [53] , пообещав им большую награду, если они вернут ему власть. [Мисяне] последовали за [Юстинианом] и, когда он снова вступил на престол, получили от него область в той части Македонии, которую обтекает Истр [54] . Они переселились туда и, будучи всегда воинственно настроенными, вторгались в пределы Фракии, наносили большой ущерб ромеям и уводили людей в рабство. Однако и ромеи выступали против них [55] , а так как [мисяне] не могли устоять против отваги [ромеев], они скрывались в лесных засадах и побеждали их в неудобных для сражения местах. С того времени произошло много битв, в которых погибли доблестные полководцы, и древний император Никифор [56] тоже был убит мисянами, только Константин Копроним [57] победил мисян, а вслед за ним – его внук Константин, сын императрицы Ирины [58] , и уже в наше время император Иоанн покорил их города. История не сохранила упоминаний о ком-либо ином из ромеев, победившем мисян на их земле [59] . Но довольно [писать] о них.

10. Сфендослав очень гордился своими победами над мисянами; он уже прочно овладел их страной [60] и весь проникся варварской наглостью и спесью. Объятых ужасом испуганных мисян он умерщвлял с врожденной жестокостью: говорят, что, с бою взяв Филиппополь [61] , он со свойственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей [62] и тем самым смирил и [обуздал] всякое сопротивление и обеспечил покорность. Ромейским послам [Сфендослав] ответил надменно и дерзко: «Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию [63] , а иначе пусть и не надеются на заключение мира с тавроскифами».

Император Иоанн, получив такой ответ от скифа, снова отправил к нему послов, поручив им передать следующее: «Мы верим в то, что провидение управляет вселенной, и исповедуем все христианские законы; поэтому мы считаем, что не должны сами разрушать доставшийся нам от отцов неоскверненным и благодаря споспешествованию Бога непоколебимый мир [64] . Вот почему мы настоятельно убеждаем и советуем вам, как друзьям, тотчас же, без промедления и отговорок, покинуть страну, которая вам отнюдь не принадлежит. Знайте, что если вы не последуете сему доброму совету, то не мы, а вы окажетесь нарушителями заключенного в давние времена мира. Пусть наш ответ не покажется вам дерзким; мы уповаем на бессмертного Бога – Христа: если вы сами не уйдете из страны, то мы изгоним вас из нее против вашей воли. Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря [65] , который, презрев клятвенный договор [66] приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов [67] , а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды [68] .

Не упоминаю я уж о его [дальнейшей] жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев [69], он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое. Я думаю, что и ты не вернешься в свое отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя, – ты найдешь погибель здесь со всем своим войском, и ни один факелonosец [70] не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи».

Это послание рассердило Сфендослава, и он, охваченный варварским бешенством и безумием, послал такой ответ: «Я не вижу никакой необходимости для императора ромеев спешить к нам; пусть он не изнуряет свои силы на путешествие в сию страну – мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия [71] и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих [72], а мужи крови [73], которые оружием побеждают врага. Зря он по неразумию своему принимает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых страшат всякими пугалами».

11. Получив известие об этих безумных речах, император решил незамедлительно со всем усердием готовиться к войне, дабы предупредить нашествие [Сфендослава] и преградить ему доступ к столице. Он тут же набрал отряд из храбрых и отважных мужей, назвал их «бессмертными» [74] и приказал находиться при нем. Затем он [повелел] магистру Варде, прозванному Склиром [75], родному брату покойной жены его Марии [76], мужу предприимчивому и необыкновенно храброму, а также патрикию Петру, которого император Никифор за присущее ему мужество и за славные воинские подвиги назначил стратопедархом (рассказывают, что во время набега скифов на Фракию, когда Петру, несмотря на то что он был скопцом, случилось выступить со своим отрядом против них в битве, в промежуток между рядами выехал на коне вождь скифов, муж огромного роста, надежно защищенный панцирем, и, потрясая длинным копьем, стал вызывать желающего выступить против него; тогда Петр, преисполненный сверх ожиданий храбрости и отваги, мощно развернулся и с такой силой направил обеими руками копье в грудь скифа, что острие пронзило тело насквозь и вышло из спины; не смогла защитить великана кольчужная броня, и он, не издав ни звука, распростерся на земле, а скифы, пораженные необычным, удивительным зрелищем, обратились в бегство [77]), – вот этим-то [двум] военачальникам император и приказал собрать войско и отправиться в близлежащие и пограничные с Мисией земли. Они получили повеление провести там зиму [78], упражняя воинов и объезжая страну, чтобы она не потерпела никакого вреда от скифских набегов. Было также предписано посылать по бивуакам и [занятым] врагами областям переодетых в скифское платье, владеющих обоими языками людей [79], чтобы они узнавали о намерениях неприятеля и сообщали о них затем императору. Получив такие приказания от государя, [военачальники] вступают в Европу.

12. Узнав о походе [ромеев], тавроскифы отделили от своего войска одну часть, присоединили к ней большое число гуннов [80] и мисян и отправили их против ромеев [81]. Как только магистр Варда, который всегда был мужем доблестным и решительным, а в то время особенно пламенел гневом и страстной отвагой, узнал о нападении врагов, он собрал вокруг себя отряд отборных воинов и спешно выступил на битву; позвав Иоанна Алакаса [82], он послал его в разведку с поручением осмотреть [войско] скифов, разузнать их численность, место, на котором они расположились, а также чем они заняты. Все эти сведения [Иоанн] должен был как можно скорее прислать ему, чтобы он мог подготовить и выстроить воинов для сражения.

Иоанн с отборными всадниками быстро прискакал к [лагерю] скифов; на следующий день он отрядил [воина] к магистру, убеждая его прибыть со всем войском, так как скифы расположились недалеко, очень близко. Услышав это известие, [Варда] разделил фалангу на три части и одной из них приказал следовать прямо за ним в центре, а двум другим – скрыться в стороне, в лесах, и выскочить из засады, как только они услышат трубный звук, призывающий к бою [83]. Отдав эти распоряжения лохагам, он устремился прямо на скифов. Завязалась горячая битва, вражеское войско значительно превосходило своим числом [войско ромеев] – у них было больше тридцати тысяч, а у магистра, считая вместе с теми, которые расположились в засаде, не более десяти тысяч [84]. Уже шло сражение, и с обеих сторон гибли храбрейшие воины, И тут, говорят, какой-то скиф, кичась своей силой и могучестью тела, вырвался вперед из окружавшей его фаланги всадников, подскочил к Варде и ударил его мечом по шлему. Но удар был неудачным: лезвие меча, ударившись о твердь шлема, согнулось и соскользнуло в сторону. Тогда патрикий Константин [85], брат Варды, юноша, у которого едва пробивался пушок на подбородке, но который был огромного роста и непобедимой, непреодолимой силы, извлек меч и набросился на скифа. Тот утрастился натиска Константина и уклонился от удара, откинувшись на круп лошади. Удар пришелся по шее коня, и голова его отлетела в сторону; скиф же рухнул вместе с конем на землю и был заколот Константином.

13. Так как [успех] битвы склонялся то в пользу одного, то в пользу другого войска и непостоянство счастья переходило бесперечь с одной стороны на другую, Варда приказал трубить военный сбор и часто бить в тимпаны. По сему знаку поднялась спрятанная в засаде фаланга и устремилась на скифов с тыла [86]: охваченные страхом, они стали склоняться к бегству. Однако в то время, когда отступление еще только началось, какой-то знатный скиф, превосходивший прочих воинов большим ростом и блеском доспехов, двигаясь по пространству между двумя войсками, стал возбуждать в своих соратниках мужество. К нему подскочил Варда Склир и так ударил его по голове, что меч проник до пояса; шлем не мог защитить скифа, панцирь не выдержал силы руки и разящего действия меча. Тот свалился на землю, разрубленный надвое; ромеи приободрились и огласили воздух радостными криками. Скифы пришли в ужас от этого поразительного, сверхъестественного удара; они завопили, сломали свой строй и обратились в бегство. До позднего вечера ромеи преследовали их и беспощадно истребляли. Говорят, что в этой битве было убито пятьдесят пять ромеев, много было ранено и еще больше пало коней, а скифов погибло более двадцати тысяч [87]. Вот как закончилось это сражение между скифами и ромеями [88].

А император Иоанн торопил азиатские войска с переправой через Геллеспонт в Европу [89]. Он приказал им провести зиму в областях Фракии и Македонии, ежедневно упражняясь во владении оружием, чтобы не оказаться неспособными к предстоящим боям и не быть разбитыми неприятелем. [Он повелел им], чтобы они дожидались весны [90], – когда же весна рассеет зимнее ненастье и лик земли окончательно прояснится, он сам прибудет к ним, ведя за собой войска свои, и со всеми силами обрушится на тавроскифов.

1. Пока государь Иоанн был занят подготовкой [к войне] с росами, дука Варда, сын куропалата Льва и племянник императора Никифора, тайно склонившись к перевороту, убежал из Амасии, куда он был сослан. Помощниками его в этом деле были братья, патрикии Феодор, Варда и Никифор; по Парсакуте [1], месту своего рождения, они были прозваны Парсакутинами [2]; дуке Варде они приходились двоюродными братьями. В глухую ночь Варда тайком покинул Амасию и, все время меняя заранее подготовленных лошадей, прибыл в Кесарию Каппадокийскую. Пробыв там несколько дней, он собрал вокруг себя множество отчаянных, склонных примкнуть к восстанию людей, ведь каждый день стекались к нему сородичи и находящиеся с ним в общении лица [3], ибо тогда было в обычае проявлять чрезмерную радость во время переворотов [4], – людей прельщали надежды на призрачную славу, почетные звания и раздачи денег. Апостасии [5] придавали мощь, со всем рвением собирая воинов, упомянутые уже Парсакутины и Симеон, земледелец, промышлявший возделыванием винограда и прозванный ввиду этого Ампелом [6]; человек низкого, незнатного происхождения, он мужеством и силой рук своих не уступал никому из прославленных могуществом и доблестью мужей.

Когда Варда увидел, что вокруг него собралось довольно большое ополчение, которое может образовать несокрушимый строй и сражаться лицом к лицу с неприятелем, он сбросил черную обувь и тут же надел красную; мятежники открыто объявили его императором ромеев. Он обещал оделить всех деньгами, раздавал почетные звания, утверждал таксиархов, стратигов и другие военные должности, которые государь всегда щедро предлагает своим приближенным. К мятежу был причастен и куропалат Лев, отец Варды, который находился в заключении на острове Лесбосе. Через Стефана, епископа Авидоса, он обещал македонцам [7] деньги и почести, убеждая их принять его, когда он убежит с острова, восстать против Иоанна и помочь ему свергнуть его с престола.

2. Известие об этом мятеже, как и следовало ожидать, взволновало императора; он немедленно удалил епископа Стефана из Авидоса и предал его на суд в дикастирию [8]. Когда Стефан был уличен в преступлении и были раскрыты все его замыслы, [император] отправил дело в синод епископов, чтобы [Стефана] лишили священнического сана. А Льва – куропалата и сына его Никифора, которые по решению судей были приговорены к смерти, император, движимый человеколюбием, не велел казнить; он ослепил их обоих [9] и сослал на остров Лесбос. Вот как кончилась попытка куропалата Льва переправиться в Европу: сам он был подвергнут страшной каре, а многие друзья его, принимавшие участие в заговоре, направленном на свержение императора, лишились богатств и домов.

Что же касается Варды, то он, однажды склонившись к тирании, неотступно придерживался этого намерения; он гордился множеством людей, собравшихся вокруг него, чванился своими фалангами и мечтал о том, что вот-вот завладеет императорским тронem. Продвигаясь по Азии, он уничтожал огнем жилища непокорных и делал их добычей мисян. Государь написал ему следующее: «Мы узнали о мятеже, который начался недавно на Востоке, и считаем, что это не столько дело твоего разумения, сколько следствие безумия и варварского нрава твоих сообщников. Всем существом их овладело внезапное помешательство, и они не побоялись подвергнуть себя большой опасности; ведь им известно, что затеявшим мятеж и дерзко поднявшим руку на самих ромейских самодержцев не будет никакого оправдания и пощады, когда они будут побеждены в битве, выданы нам и подвергнуты наказанию. Но мы страшимся осквернить землю кровью сограждан. Если мы выступим с

оружием против мятежников, то они – да поможет нам в том Бог! – погибнут жалким образом. Кто будет настолько тверд, чтобы сопротивляться силе нашего натиска, кто не проникнется тотчас же ужасом и не обратится в бегство? Итак, мы советуем вам предпочесть спасение гибели и, пока еще возможно снисхождение, бросить оружие, склонившись перед нашим императорским могуществом, которое – Бог свидетель – оставляет безнаказанной столь великую вашу дерзость и дарует вам прощение и помилование. Все владения ваши сохранятся в целостности и неприкосновенности. Мы советуем вам очнуться, наконец, от губительного опьянения и незамедлительно воспользоваться предлагаемым нами спасением. Если же вы будете продолжать тщетные попытки добиться тирании, то вы пожалуете о своем безрассудстве тогда, когда вас осудят по закону и предадут смертной казни».

3. Получив это послание, Варда Фока не счел императора достойным письменного ответа, но разразился руганью, обозвал его нечестивым злодеем, гнусным убийцей своих родственников и потребовал, чтобы он отрекся от узурпированной власти. «Не ему, – сказал [Фока], – а мне принадлежит верховная власть; я могу гордиться тем, что дед мой был кесарем, а дядя – императором. Он не побоялся всевидящего ока правосудия и заколол [государя], как жертву, на разостланной среди пола постели, а отца моего и любимого брата подверг страшным мукам и по какому-то неясному и недоказанному обвинению лишил их сладчайшего света. Справедливость побуждает меня отомстить за все это: я всемерно воздам ему за кровь близких, за то, что он замыслил погубить славный, доблестный род».

Узнав об этих безумных словах и уверившись в том, что [Фока] вместе со следующими за ним сообщниками неизлечимо болен жестоким и бесчеловечным стремлением к грабегам и убийствам, император Иоанн решил не медлить и не придаваться более беспечности, не допускать того, чтобы сборище мятежника, воспользовавшись его бездеятельностью, разрушало города и укреплялось в своем неистовстве; он вознамерился, когда представится возможность, дать бой, используя все силы, и отразить разбойников. Он вызвал к себе Варду, прозванного Склиром, мужа необыкновенно храброго и предприимчивого, бывшего магистром и начальником войск Фракии, храбро отразившего яростный натиск росов на ромеев. Сестра его Мария, достигшая великой славы своей красотой и целомудрием, была женою Иоанна, но незадолго перед тем ее сразила жестокая смерть. Вызвав к себе Варду, поскольку он недавно одержал уже описанную мною победу над скифами и обратил их в бегство, император Иоанн назначил его стратилатом [10] похода против мятежников и отправил в Азию. Он приказал ему, насколько возможно, не осквернять землю кровью соотечественников, если не будет на то крайней необходимости, привлекать к себе сообщников изменника обещаниями почестей, раздачею денег и уверениями в полном прощении. Он вручил ему скрепленные золотыми императорскими печатями грамоты, в которых были обозначены достоинства таксиархов, стратигов и патрикиев. Этими [грамотами] он приказал награждать тех, которые откажутся от своих заблуждений, отрекутся от самовластного тирана и склонятся к покорности императору.

Перейдя Босфор и достигнув Дорилея [11], стратилат Склир созвал туда войско, выстроил его в фалангу и стал проводить с ним ежедневные упражнения. Когда он увидел, что к нему собралось достаточное число воинов для того, чтобы при случае сразиться в открытом бою с врагами, он послал дуге Варде, который приходился ему свояком (сестра Фоки [12] была женой брата Склира, патрикия Константина), следующее письмо [13].

4. «Сомнительное и крайне опасное дело ты затеял, дерзко восстав против властителей, замыслив губительную тиранию, подняв оружие против соотечественников и осквернив здания священных храмов разбоем неистовых мятежников. Ты жестоко обманулся, патрикий, разбудив спящего льва, непобедимого самодержца. Ты ведь знаешь, что когда он появляется в битвах, одна только слава его имени обращает в бегство многочисленные войска. Как же мог ты поддаться уговорам бесчестных людей и попасть в такую западню? Послушай же, если хочешь, меня, как свойственника и друга, желающего тебе добра: отступись от злой тирании и, вымолив прощение вины, спаси свою жизнь. Я сам тебе обещаю, что не только ты не испытаешь жестокости властителя или кого-либо другого, но и безрассудство находящегося под твоим начальством отряда останется безнаказанным. Не вооружай против себя царского гнева, беспощадного к тем, которые не желают быть благоразумными. Одумайся наконец, не отвергая последней надежды, и, пока еще возможно милосердие, прими то, что ты будешь, горько оплакивая свою судьбу и упрекая себя в неразумии, просить впоследствии, но не получишь».

Постигнув содержание письма, Варда Фока ответил так: «Прекрасная, чудодейственная сила наставления мне известна – я сам читал книги древних [14], – но думаю, что это наставление может помочь лишь тогда, когда этому способствуют обстоятельства. А перед лицом чрезвычайной опасности, когда беды достигают крайней степени, наставление, как мне кажется, не имеет никакого значения. Когда я вспоминаю о том, сколько бедствий причинил бесчестный злодей Иоанн моему роду, как безжалостно он убил спящего льва – императора, моего дядю и своего благодетеля, как он без причины отправил меня в ссылку и без всякой вины жестоким, нечеловеческим образом ослепил моего отца и брата, – жизнь становится мне не в жизнь. Итак, не склоняй меня понапрасну к тому, чтобы я вручил свою жизнь в руки оскверненного злодеяниями врага. Ты меня никак не убедишь; я докажу, что я настоящий муж и, препоясавшись мечом, буду биться за погибших [членов] моего рода. Когда судьба колеблется между двумя крайностями, то одна из них во всяком случае неизбежна: либо я достигну царственного величия и сполна отомщу убийцам, либо доблестно стерплю свой жребий, приняв смерть от гнусного, бесчестного тирана».

5. Получив это письмо и убедившись в том, что никакими советами нельзя воздействовать на человека, которого дерзость ввергла в безумие, Варда Склир разбил войско на отряды и подразделения и пошел на Дипотам [15]. Прибыв туда, он тотчас же послал в лагерь Варды Фоки переодетых нищими [16] лазутчиков, чтобы те объявили начальникам войска, что император обещает простить их дерзкий замысел, и сверх того сообщили, что если они не порвут с мятежником и не примирятся с государем, то стратилат не преминет выступить против них со всем войском и обойдется с ними, как с врагами. Услышав это и сообразив, что для них выгоднее предпочесть предлагаемые императором почести напрасной борьбе за сомнительную удачу, они с наступлением ночи покинули сообщество Фоки и перебежали к стратилату. Главными среди них были патрикий Андралест [17], двоюродный брат Фоки, и Симеон Амвел.

Узнав о том, что они внезапно отступились от него и бежали, Варда, как и следовало ожидать, вознегодовал. Он стал умолять оставшихся, призывая в свидетели и хранители их клятвы Бога, не предавать его, сражаться изо всех сил и содействовать ему, столь ужасно пострадавшему. Склир, – говорил он, – не устоит против них в открытом бою, если они будут нападать, отбросив малодушие и нерешительность. Так он упрашивал и

заклинал их, но они тем не менее покидали тайком лагерь и перебежали к стратилату Склиру [18] .

Передают, что глубокой ночью, сломленный бегством сообщников, потерявший сон и охваченный печалью, Фока возносил мольбы к Богу, возглашая стих Давида: «Суди, Господи, обижающих меня» [19] . Вдруг ушей его достиг прозвучавший в воздухе голос, запрещающий ему продолжать пение псалма, потому что стратилат Варда уже произнес против него те же слова. После того как он услышал этот голос трижды, изумленный чудесным пророчицанием, охваченный ужасом. Фока поднялся с ложа и стал дожидаться рассвета [20] .

6. Когда уже полностью рассвело, он вскочил на коня и, объезжая войско, остановил взгляд на своей обуви. Тут он увидел нечто странное – сапоги показались ему не красными, а совершенно черными. Он стал расспрашивать своих людей, как это они ошиблись и вместо царской обуви подали ему обыкновенную. Те отвечали, что сапоги пурпурные и посоветовали ему присмотреться к ним получше. Он снова бросил взгляд на них и увидел, что они красные, какими были прежде. Фока понял, что и это второе чудесное предзнаменование не сулит ему добра. Он видел также, что войско не согласно с ним и выходит из повиновения, и решил любым способом спасти свою жизнь .

Итак, Фока с тремястами наиболее близких к нему, отлично вооруженных воинов выступил в полночь тайком из лагеря и пошел по дороге, ведущей в крепость Тиранов [21] , именуемую Антигус. Эту крепость он, боясь превратности судьбы, уже давно укрепил, снабдил хлебом и другими съестными припасами. Место, где распалось войско Варды Фоки, издавна называется Вардаэтой [22] .

Как только стратилат Варда [Склир] узнал о бегстве Фоки, он с несколькими отборными всадниками пустился в погоню; ему не удалось настигнуть Фоку, и тот спасся в крепости. Но всех захваченных в плен сообщников Фоки он ослепил – таково было приказание [самого] императора. Говорят, что место, где страдальцы претерпели такое несчастье, называется Тифловивария [23] . Меня удивляет, что древние, как бы движимые вдохновением, давали местам подходящие и соответствующие будущим событиям названия. Ведь, когда был безжалостно ослеплен Лев Фока, дядя отца Варды [24] , то место, где была совершена эта кара, называли Оилеон, что звучит на деревенский лад – Голлеон [25] . Так что места казней издавна приобретают такого рода названия. Быть может, не будет лишним рассказать здесь попутно, как был ослеплен Лев.

7. Когда император Лев [26] , заболев тяжелым недугом, переселился из этой жизни и вслед за ним последовал брат его Александр [27] , то престол ромейский, перешедший к малолетнему сыну Льва Константину [28] и к августейшей Зое [29] , заколебался. Этим воспользовался вождь мисян Симеон [30] , муж отважный и Яростный в битве, уже давно неукротимо пылавший желанием пойти войною на ромеев. Не переставая разорять Македонию и Фракию, он, одержимый природным и вообще присущим скифам безумием, повелел ромеям провозгласить его своим самодержцем [31] . Ромеи же, не стерпев открытой наглости и заносчивости скифа, решили двинуться против него с оружием. Итак, они назначили начальником войска и объявили domestikом схол Льва Фоку, который в то время выделялся среди других военачальников своей храбростью и победами, а командование огненосными кораблями поручили Роману (назначенный на эту должность называется друнгарием морского флота). Они были посланы против мисян с тем, чтобы один напал на них с суши, а другой с моря. Передают, что, совершив переход и достигнув Мисии, Лев яростно устремился в бой и

перебил бесчисленное множество врагов. Вследствие этого Симеон очутился в крайнем затруднении: он не знал, что ему делать, как укрыться от столь смелого и непобедимого мужа. Все мисяне уже изнемогли в битве и обратились в бегство, но тут один из телохранителей Льва принес ему, как говорят, известие, что друнгарий Роман распустил паруса, повернулся кормом к ветру и отплыл в Византии, намереваясь захватить власть. Это ужасное известие поразило [Льва], он сломал строй, обратился спиной к мисянам и поспешил в столицу, надеясь, что ему удастся опередить приплытие Романа и самому завладеть властью над ромеями [32].

Увидев это беспричинное, странное бегство ромеев. Симеон якобы заподозрил вначале хитрость, подумав, что мисян ожидает гибель, если они станут их преследовать; однако затем, убедившись в том, что они бегут изо всех сил, устремился вслед за ними и немилосердно истребил бесчисленное их множество. И теперь еще видны кучи костей у Анхиала, где было тогда бесславно перерезано бегущее войско ромеев [33]. Что же касается Льва, то он не прибыл вовремя в Византии и обманулся в своих надеждах:

Роман успел захватить царский дворец и был провозглашен василеопатором [34]. Тогда Лев переправился через Авидос в Азию и разжег апостасию; он причинил множество бед Роману и государству, устраивая набеги, перехватывая ежегодные налоги и подчиняя себе тех, кто ему сопротивлялся. Но когда с течением времени разбойничья шайка [Льва] рассеялась, его коварные замыслы повернулись против него самого – он обратился в бегство, был схвачен и безжалостно ослеплен [35].

8. Так обстояло дело [с мятежом Льва]. Что же касается [Варды] Фоки, то он спешил тогда в крепость и находился позади своего войска. Вдруг какой-то самоуверенный смельчак [36] из преследовавших подскакал к нему на коне, разразился угрозами, замахнулся мечом и хотел его ударить. Фока стал его просить, чтобы он удалился, сжалившись над его бедственным положением. «Ты ведь смертен, – сказал он ему, – ты должен иметь в виду изменчивость и ненадежность судьбы: не следует тебе усугублять страдания злополучного мужа; достаточно бедствий его окружают, они привели к такому несчастью, что на бывшего начальника ромейского войска смотрят теперь, как на беглеца». Но тот не обращал внимания на эти слова и придвигался все ближе, намереваясь поразить [Фоку]. Тогда Варда схватил висевшую у него сбоку палицу и, внезапно повернувшись, обрушил ее на шлем нападающего: палица, пройдя сквозь шлем, раздробила череп, и смельчак, не издав ни звука, упал на землю. Таким образом, Фока невредимым достиг крепости.

Варда [Склир], стратилат и магистр, осадил крепость и стал убеждать Варду Фоку испросить милость у властителя и немедленно покинуть укрепление. Фока был совершенно беспомощен и испытывал крайнюю нужду; поэтому, он, хорошенько поразмыслив и взвесив все обстоятельства, решил положиться на судьбу и подчиниться властителям, если будет дарована пощада ему и его близким. Он потребовал уверения в том, что ему не сделают ничего худого. Склир дал ему такое обещание, и он тотчас же вышел из крепости вместе с женою и детьми. [Склир] принял их, приставил к ним охрану, не причинив им никакого вреда, и доложил о заключенном условии императору, спрашивая, как надлежит ему поступить. Император Иоанн приказал постричь Варду Фоку в монахи и сослать вместе с женой и детьми на остров Хиос, а Склиру набрать воинов, переправиться через Геллеспонт в Европу и провести зиму в расположенных там зимних укреплениях. [Император писал, что] с наступлением весны [37] он сам со своей гвардией выступит против скифов, так как не может более сносить их необузданную наглость.

9. Я уже рассказал, что стратилат Варда [Склир] был послан императором против только что возникшего мятежа Варды Фоки из Европы в Азию. Узнав об этом, [скифы] совершали внезапные набеги, беспощадно разоряли и опустошали Македонию, причиняя тем самым ромеям огромный вред. Магистр Иоанн, по прозванию Куркуас [38], которому было доверено находившееся там войско, предавался сверх меры бездействию и пьянству, проявляя неопытность и неумелость в управлении делами; поэтому помыслы росов и исполнились своевольной дерзостью. Государь не выносил их надменной наглости и явных обид, ему наносимых; он поспешил сразиться с ними в открытом бою, чтобы всеми силами поражать и оттеснять их. Для этого он приказал снарядить огненосные триеры и отправил на продовольственных судах в Адрианополь [39] много хлеба и корма для вьючных животных, а также достаточное количество оружия для войска, чтобы ромеи во время сражения не испытывали ни в чем недостатка.

Пока шли эти приготовления, Иоанн женился на дочери императора Константина Багрянородного Феодоре, которая не слишком выделялась красотой и стройностью, но целомудрием и всякого рода добродетелями, без сомнения, превосходила всех женщин. Торжество бракосочетания состоялось в ноябре месяце, на втором году правления Иоанна [40]. Народ был охвачен несказанной радостью, потому что государь мягко и справедливо управлял подданными. Особенно удивляло в Иоанне то, что он, будучи от природы исполнен величия и высокомерия, проявлял благосклонность и снисходительность к подданным и щедро оделял нуждающихся. Так он провел тогда в Византии зиму, увеселял народ дружественным угощением и состязаниями в театре. Ожидая весны, он ежедневно обучал находившееся при нем войско умению передвигаться в полном вооружении во всех направлениях и упражнял его в различных военных приемах, придуманных самыми доблестными мужами для сражений.

Книга 8

1. Как только ясная весна сменила мрачную зиму, император тотчас поднял крестное знамя и стал спешить [с походом] против тавроскифов. Прямо из дворца он отправился помолиться Богу во всеми почитаемый храм Христа Спасителя, находящийся в Халке [1]. Увидев, что место для молящихся очень узко, ибо там едва могут поместиться пятнадцать человек, а вход извилист, неудобен и походит на витой лабиринт или убежище, [Иоанн] тотчас же приказал перестроить храм от самого основания, расширить и сделать более светлым. Он сам обозначил очертания стен; некое вдохновение внушило ему это усердие и распорядительность, и храм достиг такой красоты и величия, которые присущи ему теперь. [Выступив] оттуда, он пришел в знаменитый святой храм божественной Премудрости и стал молиться о ниспослании ангела, который бы двигался впереди войска и руководил походом; затем при пении гимнов он направился в славный храм богородицы, расположенный во Влахернах [2]. Вознеся надлежащим образом мольбы к Богу, он поднялся в находившийся там дворец [3], чтобы посмотреть на огненосные триеры. Они колыхались, расставленные рядами, в заливе Босфора [4], там, где удобная и надежная пристань для грузовых кораблей простирается, плавно изгибаясь, до моста и реки, которая за мостом впадает в море [5].

Полюбовавшись искусным плаванием кораблей в боевом строю и показательным сражением между ними (было их вместе с ладьями и челнами, которые теперь в народе называются галейми и монериями [6], более трехсот), император награждал гребцов и воинов деньгами и послал их на Истр для охраны речного пути, – чтобы скифы не могли уплыть на родину и на Киммерийский Боспор в том случае, если они будут обращены в бегство. Говорят, что Истр – одна из рек, вытекающих из Эдема, и что название ее Фисон. Начинаясь на востоке, она, по неизъяснимой мудрости Создателя, скрывается под землей, а затем бьет ключом из Кельтских гор, описывает извилистую линию по Европе и впадает, разделяясь на пять устьев, в Понт, называемый Евксинским. Некоторые же считают, что Фисон – река, пересекающая Индийскую землю; обычно эту реку называют Гангом; близ нее добывают камень смарагд [7].

2. Таким образом, корабли достигли Истра. Тем временем самодержец [Иоанн] выступил из Византии и прибыл со всем войском в Адрианополь. Рассказывают, что этот город заложил, остановившись в своих странствиях после убийства собственной матери Клитемнестры, сын Агамемнона Орест, поэтому ранее он назывался Орестиадой [8]. Впоследствии император Адриан, ведя войну со скифами [9], был восхищен [прекрасным] расположением города; он укрепил его прочными стенами и назвал Адрианополем [10]. Прибыв туда, император Иоанн узнал от лазутчиков, что ведущие в Мисию непроходимые, узкие тропы, называемые клисурами [11], потому что они как бы заперты со всех сторон, не охраняются скифами. Собрав лохагов и таксиархов, он произнес следующую речь: «Я думал, соратники, что скифы, уже давно ожидая нашего прихода, не пожалели усилий для ограждения изгородями и валами наиболее опасных, узких и трудно проходимых мест на тропах, чтобы нам нелегко было продвигаться вперед. Но так как их обмануло приближение святой пасхи [12], они не преградили дороги, не закрыли нам пути, полагая, что мы не откажемся от блестящих одежд, от торжественных шествий, пиршеств и зрелищ, которыми знаменуют дни великого праздника, ради тяжелых невзгод войны [13]. Мне кажется, что мы поступим наилучшим образом, если сейчас же воспользуемся благоприятным случаем, вооружимся и как можно скорее переправимся по узкой дороге, куда тавроскифы не узнали о нашем прибытии и не навязали бой в горных проходах. Если мы, опередив [скифов], пройдем опасные места и неожиданно нападём на них, то, я думаю, – да поможет нам Бог! – с первого же приступа овладеем городом Преславой [14], столицей мисян, а затем, двинувшись [вперед], легко обуздаем безумие росов».

3. Такова была речь императора. Стратигам и таксиархам слова его показались неуместными и чрезмерно смелыми, а предложение провести ромейское войско по ущельям и крутым теснинам в чужую [страну] – легкомысленной, опрометчивой дерзостью, доходящей до безумия. Они довольно долго молчали, и разгневанный император заговорил снова: «Я и сам знаю, что неосторожность и своевольная дерзость в сражениях приводят обычно к величайшей опасности и непоправимой беде: ведь я [всю жизнь] с самой юности провел в битвах, одержал, как вы знаете, много побед и достиг большой славы. Но если счастье наше поставлено на лезвие бритвы [15] и [судьба] не дает нам возможности поступать по своему разумению, нам следует действовать решительно и как можно лучше использовать обстоятельства. Я думаю, что вы, умудренные большим опытом превратностей и непостоянства военных успехов, согласитесь со мной. Итак, если вы верите в то, что я советую наилучшее, то, пока скифы еще бездействуют и не догадываются о нашем приходе, воспользуемся удобным случаем. Победа ожидает нас после того, как мы пройдем через горные проходы. Но если они

обнаружат наше намерение перейти теснины, и выстроят там свое войско против нас, дело не кончится добром, нас будет тогда ожидать ужасное бедствие, положение наше станет безвыходным. Приободритесь же духом, вспомните, что вы ромеи [16], которые своим оружием обращали прежде в бегство любого врага! Следуйте за мной как можно быстрее и покажите на деле свою отвагу!»

4. Сказав так, Иоанн, прекрасно вооруженный, вскочил на быстрого благородного коня, вскинул на плечо длинное копье и двинулся в путь. Впереди него двигалась фаланга воинов, сплошь закрытых панцирями и называвшихся «бессмертными», а сзади – около пятнадцати тысяч отборнейших гоплитов и тринадцать тысяч всадников [17]. Заботу об остальном войске император поручил проедру Василию; оно медленно двигалось позади вместе с обозом, везя осадные и другие машины. Когда они вопреки всякому ожиданию прошли опасные гористые места, император прервал напряженный марш, дал отдых всему пешему и конному войску, расположив его на неприступном холме, с одной стороны которого протекала река, обещавшая изобилие воды.

Когда настал рассвет следующего дня, он поднял войско, выстроил его в глубокие фаланги и, приказав беспрестанно трубить военный клич, стучать в кимвалы и бить в тимпаны [18], выступил на Преславу. Поднялся невообразимый шум: эхом отдавался в соседних горах гул тимпанов, звенело оружие, ржали кони и [громко] кричали люди, подбадривая друг друга, как всегда бывает перед битвой. Тавроскифы, увидев приближение умело продвигающегося войска, были поражены неожиданностью [19]; их охватил страх, и они почувствовали себя беспомощными. Но все же они поспешно схватились за оружие, покрыли плечи щитами (щиты у них прочны и для большей безопасности достигают ног [20]), выстроились в грозный боевой порядок, выступили на ровное поле перед городом и, рыча наподобие зверей, испуская странные, непонятные возгласы, бросились на ромеев. Ромеи столкнулись с ними и храбро сражались, совершая удивительные подвиги: однако ни та, ни другая сторона не могла взять верх. Тогда государь приказывает «бессмертным» стремительно напасть на левое крыло скифов; «бессмертные», выставив вперед копья и сильно прищпорив коней, бросились на врагов. Скифы [всегда] сражаются в пешем строю; они не привыкли воевать на конях и не упражняются в этом деле [21]. Поэтому они не выдержали натиска ромейских копий, обратились в бегство и запёрлись в стенах города. Ромеи преследовали их и беспощадно убивали. Рассказывают, будто во время этого наступления [ромеев] погибло восемь тысяч пятьсот скифов [22].

5. Оставшиеся в живых спрятались в крепости и, яростно сопротивляясь, метали сверху со стен копья и стрелы. Говорят, что в Преславе находился и патрикий Калокир, который, как я уже сообщил в свое время, двинул войско росов на мисян. Узнав о прибытии императора (а это невозможно было скрыть, так как золотые императорские знаки сияли чудесным блеском), он глубокой ночью тайно бежал из города и явился к Сфендославу [23], который со всем своим войском находился у Дористола, ныне называемого Дристроу: вот таким образом убежал Калокир.

Надвигающаяся ночь вынудила ромеев прекратить сражение. Но вот наступило утро следующего дня, называемого Великим четвергом [24], потому что в этот день, готовясь идти на муки, Спаситель наш после Тайной вечери давал ученикам свои спасительные наставления. Как раз в это время прибыло остальное войско с осадными машинами, и император Иоанн свернул лагерь, расставил фаланги в несокрушимый боевой порядок и с пением победного гимна устремился на стены, намереваясь первым же приступом взять город. Росы же, подбадриваемые своим военачальником Сфенкелом [25], который

был у скифов третьим по достоинству после Сфендослава, их верховного катархонта, оборонялись за зубцами стен и изо всех сил отражали натиск ромеев, бросая сверху дротики, стрелы и камни. Ромеи же стреляли снизу вверх из камнеметных орудий, забрасывали осажденных тучами камней, стрелами и дротиками, отражали их удары, [теснили], не давали им возможности выглянуть из-за зубчатых стен без вреда для себя. Наконец, император громким голосом отдал приказание приставить к стенам лестницы и возглас его прибавил сил осаждавшим. Все, на кого падал взгляд государя, сражались храбро, надеясь получить достойную награду за свои подвиги.

6. Когда ромеи бросились на приступ и придвинули к стенам [26] лестницы, по одной из них стал взбираться какой-то смелый юноша с едва пробивающимся рыжеватым пушком на подбородке, выходец из фемы Анатолики, по имени Феодосии, а по прозванию Месоникт [27]. Правой рукой он вытащил меч, в левой держал щит, которым прикрывал голову от скифских ударов сверху. Достигнув гребня стены, [юноша обрушился на] скифа, который выглянул из-за зубцов и хотел столкнуть его копьем вниз; он рассек шею врага, и голова его вместе со шлемом покатила по земле за стеной. Ромеи приветствовали этот необыкновенный подвиг восторженными криками, и многие из них, соревнуясь в храбрости с первым взошедшим [на стену], устремились вверх по лестницам.

Между тем Месоникт, взойдя на стену, овладел ее верхней частью и, поворачиваясь во все стороны, убил огромное число оборонявшихся скифов, сбрасывая их со стены. Вскоре уже многие [ромеев] взобрались в разных местах на стены и изо всех сил истребляли врагов. Тогда скифы покинули укрепление и постыдно столпились в окруженном прочной оградой царском дворце, где хранились сокровища мисян; один из входов они оставили открытым.

Тем временем многие ромеи, находившиеся по ту сторону стен, сорвали петли на воротах, сбили засовы и проникли внутрь города [28], перебив бесчисленное множество скифов [29]. Тогда, говорят, был схвачен и приведен к государю вместе с женой и двумя малолетними детьми царь мисян Борис [30], у которого едва лишь пробивалась рыжая борода. Приняв его, император воздал ему почести, назвал владыкой булгар [31] и заверил, что он явился отомстить за мисян, претерпевших ужасные бедствия от скифов.

7. Ромеи все разом ворвались в город и рассыпались по узким улицам, убивали врагов и грабили их добро. Так они достигли царского дворца, в котором сгрудилась лучшая часть войска росов. Но скифы, находившиеся во дворце, яростно сопротивлялись проникшим через ворота ромеям и убили около полутораста храбрейших воинов. Узнав об этой неудаче, император прискакал во весь опор ко дворцу и приказал своей гвардии всеми силами наступать на врага, но, увидев, что из этого не выйдет ничего хорошего (ведь тавроскифы легко поражали множество воинов, встречая их в узком проходе), он остановил безрассудное устремление ромеев и распорядился со всех сторон бросать во дворец через стены [32] огонь. Когда разгорелось сильное пламя, сжигавшее все на своем пути, росы, числом свыше семи тысяч, вышли из помещения, выстроились на открытом месте у дворца и приготовились отразить наступление [ромеев].

Император послал против них магистра Варду Склира с надежным отрядом. Окружив скифов фалангой храбрейших воинов, Склир вступил в бой. Завязалось сражение, и росы отчаянно сопротивлялись, не показывая врагам спины; однако ромеи [победили] своим мужеством и военной опытностью и всех их перекололи. В этой битве погибло также множество мисян, сражавшихся на стороне врагов против ромеев, виновников нападения на них скифов [33]. Сфенкелу с немногими удалось спастись бегством. Он ушел к

Сфендославу, но вскоре был убит, о чем я расскажу ниже. Так в течение двух дней был завоеван и стал владением ромеев город Преслава.

8. Император Иоанн по обычаю одарил войско, дал ему отдых и отпраздновал на том же месте святое воскресенье Спасителя. Отобрав несколько пленных тавроскифов, [Иоанн] послал их к Сфендославу с сообщением о взятии города и гибели соратников. Он поручил им также [передать Сфендославу], чтобы тот без промедления выбрал одно из двух: либо сложить оружие, сдаться победителям и, испросив прощение за свою дерзость, сейчас же удалиться из страны мисян, либо, если он этого не желает сделать и склоняется к врожденному своеволию, защищаться всеми силами от идущего на него ромейского войска. Вот так он велел передать Сфендославу, сам же провел в городе несколько дней и восстановил разрушение в стенах, а затем, оставив сильный отряд и назвав город по своему имени Иоаннополем [34], пошел со всем войском на Дористол.

Этот город заложил и довел до теперешней красоты и величия прославленный среди государей Константин [35], после того как он, увидев на небе крестное знамение в виде созвездия [36], победил проявлявших к нему вражду и яростно наступавших скифов [37]. По пути [Иоанн] взял город, называемый Плискувой [38], Динию [39] и многие другие города, которые отвергли власть скифов и переходили на сторону ромеев [40].

Сфендослав, узнав о поражении у Преславы, испытывал огорчение и досаду. Он считал это плохим предзнаменованием для будущего, но, одержимый скифским безумием и кичась своими победами над мисянами, надеялся легко победить и войско ромеев.

9. Сфендослав видел, что мисяне отказываются от союза с ним и переходят на сторону императора. Поняв по зрелом размышлении, что, если мисяне склонятся к ромеям, дела его закончатся плохо, он созвал около трехсот наиболее родовитых и влиятельных из их числа и с бесчеловечной дикостью расправился с ними – всех их он обезглавил, а многих других заключил в оковы и бросил в тюрьму. Затем, собрав все войско тавроскифов, – около шестидесяти тысяч [41], он выступил против ромеев.

В то время как государь медленно продвигался по направлению к войску росов, от их фаланги отделилось несколько одержимых отчаянной дерзостью храбрецов, которые, устроив засаду, совершили внезапное нападение и убили некоторых воинов из передового отряда ромеев. Увидев их трупы, разбросанные вдоль дороги, император отпустил поводья и остановил коня. Гибель соотечественников привела его в негодование, и он приказал выследить совершивших это [злодеяние]. Телохранители [Иоанна], тщательно обыскав окрестные леса и кустарники, схватили этих разбойников и связанными привели к императору. Он тотчас же приказал их умертвить, и [телохранители], без промедления обнажив мечи, изрубили всех их до одного на куски.

Тогда войска подошли к пространству, лежащему перед Дористолом, который принято называть также Дристрой [42]. Тавроскифы плотно сомкнули щиты и копья, придав своим рядам вид стены, и ожидали противника на поле битвы. Император выстроил против них ромеев, расположив одетых в панцири всадников по бокам, а лучников и пращников позади, и, приказав им безостановочно стрелять, повел фалангу в бой [43].

10. Воины сошлись в рукопашную, завязалась яростная битва, и в первых схватках обе стороны долго сражались с одинаковым успехом. Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях, считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потерпят постыдное поражение от ромеев, и дрались, напрягая все силы. Ромеев же одолевали стыд и злоба [при мысли о том], что они, побеждавшие оружием и мужеством

всех противников, отступят как неопытные в битвах новички и потеряют в короткое время свою великую славу, потерпев поражение от народа, сражающегося в пешем строю и вовсе не умеющего ездить верхом. Побуждаемые такими мыслями, [оба] войска сражались с непревзойденной храбростью; росы, которыми руководило их врожденное зверство и бешенство, в яростном порыве устремлялись, ревя как одержимые, на ромеев, а ромеи наступали, используя свой опыт и военное искусство.

Много [воинов] пало с обеих сторон, бой шел с переменным успехом, и до самого вечера нельзя было определить, на чью сторону склоняется победа. Но когда светило стало клониться к западу, император бросил на [скифов] всю конницу во весь опор; громким голосом призвал он воинов показать на деле природную ромейскую доблесть и вселил в них бодрость духа. Они устремились с необыкновенной силой, трубачи протрубили к сражению, и могучий клич раздался над ромейскими рядами. Скифы, не выдержав такого натиска, обратились в бегство и были оттеснены за стены; они потеряли в этом бою многих своих [воинов]. А ромеи запели победные гимны и прославляли императора. Он раздавал им награды и устраивал пиры, усиливая их рвение в битвах.

Книга 9

1. Как только рассвело, император стал укреплять лагерь мощным валом [1], действуя так. Неподалеку от Дористола возвышается посреди равнины небольшой холм. Разместив войско на этом холме, [Иоанн] приказал рыть вокруг него ров [2], а землю выносить на прилегающую к лагерю сторону, чтобы получилась высокая насыпь. Затем [он приказал] воткнуть на вершине [насыпи] копья и повесить на них соединенные между собою щиты. Таким образом, лагерь был огражден рвом и валом, и враги никак не могли проникнуть внутрь – устремившись ко рву, они бы остановились. Так разбивают обычно ромеи свой стан во вражеской стране.

Укрепив таким образом лагерь, [Иоанн] на следующий день выстроил войско и двинул его к [городской] стене. Показываясь из-за башен [3], скифы метали на ромейскую фалангу стрелы, камни и все, что можно было выпустить из метательных орудий. [Ромеи] же защищались от скифов, стреляя снизу из луков и пращей. Сражение не пошло дальше этой перестрелки, и ромеи удалились в лагерь, чтобы поесть, а скифы к концу дня выехали из города верхом – они впервые появились тогда на конях. Они всегда прежде шли в бой в пешем строю, а ездить верхом и сражаться с врагами [на лошадях] не умели. Ромеи тотчас вооружились, вскочили на коней, схватили копья (они пользуются в битвах очень длинными копьями [4]) и стремительно, грозной лавиной понеслись на врагов. Ромейские копья поражали [скифов], не умевших управлять лошадьми при помощи поводыев. Они обратились в бегство и укрылись за стенами.

2. Тем временем показались плывущие по Истру огненосные триеры и продовольственные суда ромеев. При виде их ромеи несказанно обрадовались, а скифов охватил ужас, потому что они боялись, что против них будет обращен жидкий огонь. Ведь они Уже слышали от стариков из своего народа, что этим самым «мидийским огнем» [5] ромеи превратили в пепел на Евксинском [море] огромный флот [6] Ингора, отца Сфендослава. Потому они быстро собрали свои челны и подвели их к городской стене в том месте, где

протекающий Истр огибает одну из сторон Дористола. Но огненосные суда подстерегали скифов со всех сторон, чтобы они не могли ускользнуть на ладьях в свою землю.

На следующий день тавроскифы вышли из города и построились на равнине, защищенные кольчугами [7] и доходившими до самых ног щитами. Вышли из лагеря и ромеи, также надежно прикрытые доспехами. Обе стороны храбро сражались, попеременно тесня друг друга, и было неясно, кто победит. Но вот один [из воинов], вырвавшись из фаланги ромеев, сразил Сфенкела, (почитавшегося у тавроскифов третьим после Сфендослава), доблестного, огромного ростом мужа, отважно сражавшегося в этом бою. Пораженные его гибелью, тавроскифы стали шаг за шагом отступать с равнины, устремляясь к городу. Тогда и Феодор, прозванный Лалаконом [8], муж непобедимый, устрашающий отвагой и телесной мощью, убил железной булавой множество врагов. Сила его руки была так велика, что удар булавы расплющивал не только шлем, но и покрытую шлемом голову. Таким образом, скифы, показав спину, [снова] укрылись в городе. Император же велел трубить сбор, созвал ромеев в лагерь и, увеселяя их подарками и пирами, побуждал храбро сражаться в [предстоящих] битвах.

3. Еще продолжались, таким образом, бои [9], и исход событий оставался неопределенным. В это время брат императора Никифора, куропалат Лев, который, как я уже упоминал, находился вместе со своим сыном Никифором под стражей в Митимне, на [острове] Лесбосе, прельстил золотом охрану и решился на мятеж. Глаза [у Льва] были невредимы – человек, которому было поручено его ослепить, сжег ему ресницы, но оставил неповрежденными и нетронутыми зрачки. То ли по приказу императора поступил он так (подозревают и это, потому что после того, как дело раскрылось, он остался безнаказанным), то ли из жалости [ко Льву], постигнутому такой бедой. Итак, взойдя на лодку, куропалат тайно приплыл к берегу напротив Византия и укрылся в монастыре, который назывался Пирамидом [10]. Оттуда он через надежного человека известил друзей и близких о своем прибытии. Они обещали помочь ему всеми средствами собрать большое число вооруженных мужей и достать ключи, чтобы он легко мог проникнуть в царский дворец. Заговорщики сейчас же принялись за дело и вознамерились без всякого промедления осуществить то, что обещали. Подкупив одного из дворцовых ключарей, они уговорили его изготовить и передать им восковые отпечатки ключей. Тот без всякого возражения сделал и отдал [заговорщикам] восковые формы, а они наняли ремесленника, который тотчас же выковал у них в доме ключи.

4. Так как все шло, как им казалось, согласно их замыслам, заговорщики предложили куропалату переправиться через Босфор и прибыть в Византии. Глубокой ночью взошел Лев на корабль, пристал к крепости, проник через калитку, находившуюся под храмом святого Фоки [11], в город и уже возмечтал, что обладает верховной властью. Но судьба поглумилась, насмехаясь, над надеждами человека, не имеющими прочных оснований, – они обращаются в свою противоположность и ведут к ужасному скоплению бедствий. Вместо великолепной порфиры, золотого скипетра и тирании, которой Лев, несмотря на неблагоприятные предзнаменования, домогался, судьба готовила ему мучительное ослепление, дальнюю ссылку и потерю всего имущества.

В то время как Лев находился в доме одного из своих подручных в районе Сфоракия [12] и ожидал прихода заговорщиков, оттуда вышел кто-то из его приспешников, направился к своему родственнику, заведовавшему царской ткацкой мастерской, рассказал ему о том, что куропалат находится в городе, сообщил о заговоре и стал просить, чтобы он со всей корпорацией

ткацкой мастерской [13] оказал им содействие. Тот обещал немедленно прийти к ним на помощь, поднялся и вышел, будто бы для того, чтобы позвать своих людей. Придя к патрикию и друнгарю морских сил Льву [14], которому император поручил управлять Византием, он рассказал ему обо всем: что куропалат убежал из ссылки, что он находится в городе, в доме одного из жителей, и что он вот-вот захватит в руки государственную власть.

Это неожиданное известие поразило друнгария, но он был тверд в опасностях и предприимчив, когда нужно было найти надлежащее решение в затруднительных обстоятельствах. Поэтому он скоро укрепился духом, собрал свой отряд и тотчас же прибыл к дому, в котором находился куропалат. Убедившись в том, что заговор раскрыт и все его намерения ясны, он ускользнул вместе с сыном Никифором через боковую дверь, прибежал в великий святой храм и превратился из гордого, спесивого тирана в жалкого молителя. Там его и схватили люди друнгария, посадили вместе с сыном Никифором в челн и отвезли на остров, который называется Калоним [15]. Потом прибыл из Мисии императорский приказ, согласно которому их обоих ослепили [16], а имущество отобрали в казну [17].

5. Вот какой печальный и гибельный исход имело стремление куропалата Льва к тирании. Что же касается росов (ибо рассказ снова возвращается [к тому месту], от которого он отклонился), то они построились и вышли на равнину, стремясь всеми силами поджечь военные машины ромеев. Они не могли выдержать действия снарядов, которые со свистом проносились над ними: каждый день от ударов камней, выбрасываемых [машинами], погибало множество скифов. Эти машины охранял родственник государя, магистр Иоанн Куркуас. Заметив дерзкую вылазку врагов, [Куркуас], несмотря на то, что у него сильно болела голова и что его клонило ко сну от вина (дело было после завтрака), вскочил на коня и в сопровождении избранных воинов бросился к ним навстречу. [На бегу] конь оступился в яму и сбросил магистра. Скифы увидели великолепное вооружение, прекрасно отделанные бляхи на конской сбруе и другие украшения – они были покрыты немалым слоем золота – и подумали, что это сам император. Тесно окружив [магистра], они зверским образом изрубили его вместе с доспехами своими мечами и секирами, насадили голову на копье, водрузили ее на башне и стали потешаться над ромеями [крича], что они закололи их императора, как жертвенное животное. Магистр Иоанн стал добычей варварского неистовства и понес, таким образом, кару за [преступления], совершенные им против святых храмов, – ведь говорят, что он разграбил в Мисии много [церквей] и обратил в свое частное имущество их утварь и священные сосуды [18].

6. Ободренные такой победой, росы вышли на следующий день из города и построились к бою на открытом месте. Ромеи также выстроились в глубокую фалангу и двинулись им навстречу.

Был между скифами Икмор, храбрый муж гигантского роста, [первый] после Сфендослава предводитель войска, которого [скифы] почитали по достоинству вторым среди них. Окруженный отрядом приближенных к нему воинов, он яростно устремился против ромеев и поразил многих из них. Увидев это, один из телохранителей императора, сын архига критян Анемас [19], воспламенился доблестью духа, вытащил висевший у него на боку меч, проскакал на коне в разные стороны и, пришпорив его, бросился на Икмора, настиг его и ударил [мечом] в шею – голова скифа, отрубленная вместе с правой рукой, скатилась на землю. Как только [Икмор] погиб [20], скифы подняли крик, смешанный со стоном, а ромеи устремились на них. Скифы не выдержали натиска противника; сильно удрученные гибелью своего предводителя, они забросили щиты за спины и стали отступать к городу, а

ромееи преследовали их и убивали [21] . И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны [22] , скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли [23] , заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин [24] . Совершив эту кровавую жертву, они задушили [25] [несколько] грудных младенцев [26] и петухов [27] , топя их в водах Истра. Говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому [28] обряду жертвы и совершают возлияния по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса [29] и Замолксиса [30] , то ли у соратников Ахилла. Ведь Арриан пишет в своем «Описании морского берега» [31] , что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион [32] , лежащего у Меотидского озера. Изгнанный скифами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в Фессалии [33] . Явными доказательствами [скифского происхождения Ахилла] служат покрое его накидки, скрепленной застежкой [34] , привычка сражаться пешим [35] , белокурые волосы, светло-синие глаза, сумасбродная раздражительность и жестокость [36] , над которыми издевался Агамемнон, порицая его следующими словами: Распря единая, брань и убийство тебе лишь приятны [37] . Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновение разрешать споры убийством и кровопролитием [38] . О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос» [39] . Но довольно о жертвоприношениях тавров.

7. На другой день [40] на рассвете Сфендослав созвал совет знати, который на их языке носит название «комент» [41] . Когда они собрались вокруг него, Сфендослав спросил у них, как поступить. Одни высказали мнение, что следует поздней ночью погрузиться на корабли и попытаться тайком ускользнуть, потому что невозможно сражаться с покрытыми железными доспехами всадниками, потеряв лучших бойцов, которые были опорой войска и укрепляли мужество воинов. Другие возражали, утверждая, что нужно помириться с ромеями, взяв с них клятву, и сохранить таким путем оставшееся войско. [Они говорили, что] ведь нелегко будет скрыть бегство, потому что огненосные суда, стерегущие с обеих сторон проходы у берегов Истра, немедленно сожгут все [их корабли], как только они попытаются появиться на реке [42] .

Тогда Сфендослав глубоко вздохнул и воскликнул с горечью: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабошавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, [которое завещали] нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; [мы должны] либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, [достойные] доблестных мужей!» [43] Вот какое мнение высказал Сфендослав.

8. О тавроскифах рассказывают еще и то, что они вплоть до нынешних времен [44] никогда не сдаются врагам даже побежденные, – когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе Мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась

такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть. Вот какое убеждение владеет ими [45].

А тогда, выслушав речь своего повелителя, [росы] с радостью, согласились вступить в опасную борьбу за свое спасение и [приняли решение] мужественно противостоять могуществу ромеев. На следующий день (шел шестой день недели, двадцать четвертый [46] – месяца июля) к заходу солнца все войско тавроскифов вышло из города; они решили сражаться изо всех сил, построились в мощную фалангу [47] и выставили вперед копья. Император со своей стороны выстроил ромеев и вывел их из укрепления. Вот уже завязалась битва, и скифы с силой напали на ромеев, пронзали их копьями, ранили стрелами коней и валили на землю всадников. Видя, с какой неистовой яростью бросался Сфендослав на ромеев и воодушевлял к бою ряды своих, Анемас, который прославился накануне убиением Икмора, вырвался на коне вперед (делать это вошло у него в обычай, и таким путем он уже поразил множество скифов), опустив поводья, устремился на [предводителя росов] и, ударив его мечом по ключице, поверг вниз головою наземь, но не убил. [Сфендослава] спасла кольчужная рубаха и щит, которыми он вооружился, опасаясь ромейских копий. Анемас же был окружен рядами скифов, конь его пал, сраженный тучей копий; он перебил многих из них, но погиб и сам – муж, которого никто из сверстников не мог превзойти воинскими подвигами.

9. Гибель Анемаса воодушевила росов, и они с дикими, пронзительными воплями начали теснить ромеев. Те стали поспешно поворачивать назад, уклоняясь от чудовищного натиска скифов. Тогда император, увидевший, что фаланга ромеев отступает, убоился, чтобы они, уstraшенные небывалым нападением скифов, не попали в крайнюю беду; он созвал приближенных к себе воинов, изо всех сил сжал копье и сам помчался на врагов. Забили тимпаны и заиграли военный призыв трубы; стыдясь того, что сам государь идет в бой, ромеи повернули лошадей и с силой устремились на скифов. Но вдруг разразился ураган вперемежку с дождем:

устремившись с неба, он заслонил неприятелей; к тому же поднялась пыль, которая забила им глаза. И говорят, что перед ромеями появился какой-то всадник на белом коне; став во главе войска и побуждая его наступать на скифов, он чудодейственно рассекал и расстраивал их ряды. Никто не видал его, как рассказывают, в расположении войска ни до битвы, ни после нее, хотя император разыскивал его, чтобы достойно одарить и отблагодарить за то, что он свершил. Но поиски были безуспешны. Впоследствии распространилось твердое убеждение, что это был великомученик Феодор [48], которого государь молил и за себя, и за все войско быть соратником, покровителем и спасителем в битвах. Говорят, что накануне сражения вечером произошло следующее. В Византии одной девице, посвятившей себя Богу, явилась во сне богородица, которую сопровождали огненные воины. Она сказала им: «Позовите мне мученика Феодора» – сейчас же к ней подвели храброго и смелого вооруженного мужа. Богородица обратилась к нему со словами: «Твой Иоанн в Дористоле, о досточтимый Феодор, сражается со скифами и находится в крайнем затруднении; поторопись его выручить – если промедлишь, ему не избежать опасности». Тот ответил, что готов повиноваться матери своего Господа и Бога, и, сказав это, сразу же удалился. Тут же и сон отлетел от глаз девицы. Вот каким образом сбылось сновидение этой девушки.

10. Последовав за святым мужем, ромеи вступили в бой с врагами. Завязалась горячая битва, и скифы не выдержали натиска конной фаланги. Окруженные магистром Вардой, по прозванию Склир, который со множеством [воинов] обошел их с тыла [49], они обратились в бегство. [Ромеи]

преследовали их до самой стены, и они бесславно погибали. Сам Сфендослав, израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен; его спасло лишь наступление ночи. Говорят, что в этой битве полегло пятнадцать тысяч пятьсот [50] скифов, [на поле сражения] подобрали двадцать тысяч щитов и очень много мечей [51]. Среди ромеев убитых было триста пятьдесят, но раненых было немало. Вот какую победу одержали ромеи в этом сражении.

Всю ночь провел Сфендослав в гневе и печали, сожалея о гибели своего войска. Но видя, что ничего уже нельзя предпринять против несокрушимого всеоружия [ромеев], он счел долгом разумного полководца не падать духом под тяжестью неблагоприятных обстоятельств и приложить все усилия для спасения своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете послов к императору Иоанну и стал просить мира на следующих условиях [52]. Тавроскифы уступят ромеям Дористол, освободят пленных, уйдут из Мисии и возвратятся на родину, а ромеи дадут им возможность отплыть, не нападут на них по дороге с огненосными кораблями (они очень боялись «мидийского огня», который мог даже и камни обращать в пепел), а кроме того, снабдят их продовольствием и будут считать своими друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в Византии [53], как было установлено прежде.

11. Император почитал мир гораздо больше войны, потому что-знал, что мир сохраняет народы, а война, напротив, губит их. Поэтому он с радостью принял эти условия [росов] [54], заключил с ними союз и соглашение и дал им хлеба – по два медимна [55] на каждого. Говорят, что из шестидесятитысячного войска росов. хлеб получили только двадцать две тысячи человек, избежавшие смерти, а остальные тридцать восемь тысяч погибли от оружия' ромеев [56]. После утверждения мирного договора Сфендослав попросил у императора позволения встретиться с ним для беседы. государь не уклонился и, покрытый вызолоченными доспехами, – подъехал верхом к берегу Истра, ведя за собою многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников. Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них [57]. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми, бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос [58] – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды, его приближенных только чистотой [59]. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал [60]. Так закончилась война ромеев со скифами.

12. Сфендослав оставил Дористол, вернул согласно договору пленных и отплыл с оставшимися соратниками, направив свой путь на родину. По пути им устроили засаду пацинаки – многочисленное кочевое племя, которое пожирает вшей [61], возит с собою жилища и большую часть жизни проводит в повозках [62]. Они перебили почти всех [росов], убили вместе с прочими Сфендослава, так что лишь немногие из огромного войска росов вернулись невредимыми в родные места.

Таким образом, император Иоанн, как явствует из предыдущего рассказа, всего в четыре месяца победил полчища росов и возвратил ромеям Мисию. Он переименовал Дористол в Феодорополь в честь Стратилата мученика Феодора

[63] и, оставив там надежную охрану [64], вернулся с большими трофеями в Византий. Встретив императора перед стенами, горожане преподнесли ему венцы и скипетры, отделанные золотом и драгоценными камнями. Они привезли с собою и украшенную золотом колесницу, запряженную белыми лошадьми; они просили [Иоанна] взойти на нее, чтобы отпраздновать полагающийся в таких случаях триумф. Иоанн принял венцы и скипетры, богато одарил за них горожан, но взойти на колесницу не пожелал. Устлав золотое сиденье колесницы пурпурными мисийскими одеждами и венками, он водрузил на нем вывезенное из Мисии изображение богородицы, заключающей в свои объятия богочеловеческий Логос [65]. Сам он следовал на резвом коне сзади, увенчав голову диадемой, с венками и скипетрами в руках.

Таким образом проехал Иоанн, совершая свой триумф посреди города, украшенного повсюду пурпурными одеяниями, осененного наподобие брачного чертога ветвями лавра и златоткаными покрывалами. Он вступил в великий храм божественной Премудрости и, воздав благодарственные молитвы, посвятил Богу первую долю добычи – роскошный мисийский венец, а затем последовал в императорский дворец, ввел туда царя мисян Бориса и приказал ему сложить с себя знаки царского достоинства. Они состояли из тиары, отороченной пурпуром, вышитой золотом и жемчугом, а также из багряницы и красных полусапог [66]. Затем он возвел Бориса в сан магистра [67]. Вот каким образом император Иоанн в очень короткое время сверх всяких ожиданий одержал столь великую победу, сломил и поверг ниц своей воинской опытностью, мудрой доблестью и отвагой высокомерное бахвальство росов и подчинил ромеям Мисию [68]. Вернувшись в Византию, он провел там зиму, награждая по обычаю подданных дарами и развлекая обильными угощениями.

Книга 10

1. Когда наступило лето [1] и по всей земле установилась ясная погода, император выступил из Византии в поход против населяющих внутреннюю Сирию агарян. Пройдя всю сухую часть пути, он переправился через Евфрат. Это величайшая из рек, пересекающих Азию, одна из тех, которые вытекают из Эдема, что известно нам из Священного писания [2]. В то время некий писарь по имени Никита, муж, достигший вершин учености и мудрости, находившийся в расцвете лет, следовал на свою беду за государем в этом походе, несмотря на то что отец просил его не делать этого, а остаться дома, лелеять старость своего родителя и всеми силами угождать ему, преступившему уже порог преклонных лет и приблизившемуся к закату жизни. Он пренебрег против долга своего увещанием отца, не принял во внимание его наставлений и отправился в лагерь в чем был [3]. При переправе через реку водоворот увлек его на глубокое место, он соскользнул с коня и, унесенный течением, жалким образом захлебнулся в Евфрате, претерпев кару за свое ослушание [4].

А государь со всем своим воинством быстро продвигался по Сирии, и никто из врагов не выступал против него; устрешенные молвой о его наступлении, все они заперлись в своих крепостях и городках. Таким образом, Иоанн напал на укрепленный и славный город Эмет [5]; он принял сдачу города, взял с них огромный выкуп и тотчас же поспешил оттуда по направлению к Миефаркиму [6]. Это замечательный, славный город, превосходящий богатствами и стадами все другие поселения в тех местах. Он и этот город

принудил к сдаче и, взяв с его жителей прекрасные многочисленные дары, состоящие из золота, серебра и расшитых золотом тканей, направился к Нисибису [7], где великий Иаков, стоявший у кормила епископии, сдержал некогда натиск персов, подошедших к городу с большим войском, – он напустил на них рой мух и комаров, тотчас же обратил их в бегство и таким образом победил врагов [8]. Император нашел город пустым: жители, напуганные вторжением ромейского войска, покинули его и убежали в глубь страны.

2. Пройдя и подчинив ромеям соседнюю область, [Иоанн] поспешил к Экбатанам [9], где установлена власть агарян [10]. Там было несметное количество серебра, золота и всяких иных богатств; Иоанн намеревался внезапным ударом овладеть городом. Говорят, что в Экбатанах больше золота и сокровищ, чем во всех других городах, находящихся под солнцем. Причина этому та, что экбатанцы обогащаются за счет многих стран, а сами до сего времени не испытали ни одного вражеского нашествия. Но недостаток воды и необходимых припасов удержали Иоанна от нападений на город. В тех местах простирается пустыня, именуемая Карманитидой [11]; в ней нет источников, и ничего не произрастает, она суха, безводна: путь по ней неровен и труднопроходим. Поэтому он вернулся в Византию, везя с собою полученные от агарян дары – на триста мириад серебра и золота. С торжеством провез он по площади золото, серебро, серские ткани [12] и ароматические вещества и прочие дары, взятые у агарян, горожане смотрели и дивились их множеству, восторженно встречали его, провожали приветственными кликами во дворец и прославляли его победы.

Тем временем епископы [13] из зависти оклеветали перед императором патриарха Василия, будто он обещает верховную власть какому-то из могущественных лиц и что в управлении церковью он не соблюдает установления божественных канонов. Патриарх был вызван в императорский дикастирий. Но так как он не явился, а настаивал, чтобы был созван вселенский собор, на котором он опровергнет [выдвинутые против него] обвинения (богословные предписания святых отцов требуют, чтобы для низложения патриарха созывался вселенский собор), то император сослал его в построенный им же монастырь, расположенный на Скамандре [14]. А был он мужем как бы бесплотным, изможденным; с младых ногтей предавался он подвигам отшельничества, носил зимою и летом одну и ту же одежду, не снимал ее, покуда она не истлеет и не станет негодной к употреблению; он не вкушал никакой еды и питья, кроме воды и сока древесных плодов. Говорят, что во все время своего подвижничества он спал не на ложе, а на полу. Единственным недостатком его считали то, что он слишком много стремился разузнать об образе жизни и нравственности людей, слишком много хотел разведать и совершенно попусту собирал сведения.

3. После того как Василий был приговорен к ссылке, кормило патриаршества взял в свои руки Антоний [15], муж, который с юности принял монашество в Студийском монастыре [16] и вел апостольский образ жизни. Он не носил ничего, кроме того, что нужно для покрытия тела, хотя вельможи и сами государи щедро награждали его за присущую ему добродетель. Не только [эти дары], но и все, что он получал сообразно своему сану (ибо прежде был он почтен саном синкела [17]), он раздавал бедным, подражая в милосердии Богу, а божественной и мирской ученостью будучи богат более других. В глубокой старости лицо и осанка его сияли чудодейственной прелестью. Всякий изнеженный и исполненный суетной гордыни человек, придя к нему, сразу же убеждался в том, что жизнь – тень и сон [18], и удалялся укрепившимся в благоразумной умеренности, а всякий, кто влачил жизнь, полную непоправимых бедствий, от которых не чаял избавиться, учился у

него не унывать в скорбях и прибегать к тому, кто может уберечь от бед, и искать там спасения [19]. Таким, если говорить о главном, был по образу жизни и речам Антоний, муж божественный и ангелоподобный [20].

В это время по всему ромейскому государству бродили два брата-близнеца, родом из Каппадокии. Странное и удивительное представляли они зрелище; я сам, составитель этой [истории], часто видел их в Азии [21]. Члены этих близнецов были невредимы и соразмерны, по бокам они срослись от подмышек до бедер, так что тела их составляли одно целое. Соприкасающимися руками они обнимали друг друга за шеи, а в свободных руках держали палки, на которые опирались во время ходьбы. Им было по тридцати лет, и они были хорошо сложены, полны сил и имели цветущий вид. В дальних путешествиях они передвигались на муле, сидя по-женски в седельном кресле. Нрава они были необыкновенно мягкого и кроткого. Но довольно об этих близнецах.

4. Когда снова засияла весна [22], император Иоанн собрал ромейские силы, надежно вооружил их, выступил из столицы и прошел через Палестину, счастливую страну, текущую, как говорят пророки, молоком и медом [23]. Он подступил к укреплению, называемому по-сирийски Мемпеце [24], подчинил его войной и всякими хитростями и взял как дар небес найденные там сандалии Спасителя Христа, а также волосы святого Предтечи и провозвестника. [25] Сандалии он поместил как драгоценное сокровище в знаменитом храме богоматери, воздвигнутом в императорском дворце [26], а волосы – в храме Спасителя, который был основан самим [Цимисхием]. Выступив оттуда, он подошел к сильной, неприступной крепости Апамее [27]. В несколько дней он взял и подчинил эту крепость, а затем направился с войском к Дамаску. Жители Дамаска встретили императора у ворот этого торгового города с богатыми дарами в руках, надеясь успокоить его гнев и склонить к милости [28]. [Иоанн] обязал их платить установленные подати и покорил ромейской власти, а затем выступил оттуда, пересек Ливан (этот длинный утесистый горный хребет простирается в тех местах, отделяя Палестину от Финикии) и, пройдя по самому хребту, взял внезапным приступом сильно укрепленный город Ворзо [29]. Выступив оттуда, он спустился в Финикию, захватил крепость Валанек [30] и осадил Верит [31]. Найдя в Верите изображение распятия Христа, он, забрав его оттуда, отправил в построенный им храм Спасителя.

5. Говорят, что с этой божественной иконой произошло необыкновенное чудо [32]. Некий муж, исповедовавший христианское вероучение и проживавший в одном из домов Верита, водворил в этом доме упомянутую икону и почитал ее. Спустя некоторое время он будто бы переселился в другой дом, а об иконе как бы по воле божественного провидения забыл и оставил ее в прежнем жилище. Это помещение занял какой-то иудей с намерением в нем поселиться; на следующий день он угощал там некоторых своих единоверцев. Войдя в дом и увидев на стене изображение Спасителя, распятого на кресте, иудеи якобы начали осыпать хозяина проклятиями за то, что он отступил от их веры и стал исповедовать христианство. Тот клятвенно заверял их, что он до того времени не замечал этой иконы. Тогда нечестивцы ему сказали: «Ежели ты не признаешь христианской веры, то докажи это на деле – возьми копьё и пронзи на изображении бок назаря точно так же, как наши предки пронзили его, распятого на кресте!» Иудей схватил в руки копьё и, воспламенившись гневом и испытывая сильное желание уверить гостей в своей правоте и снять без промедления нависшее над ним обвинение, проткнул на иконе бок. Как только копьё задело икону, потекла в обилии кровь, смешанная с водой [33]. Это страшное зрелище привело бесчестных иудеев в оцепенение. Когда распространилась молва о случившемся, христиане вторглись в дом еврея, схватили святое распятие Спасителя, еще сочащееся

божественной кровью, поместили его в священном храме и стали воздавать ему величественное служение. Взяв оттуда этот богочеловеческий образ, император, как я уже говорил, отправил его в Византии.

6. С боем захватив Валанею и Верит, [Иоанн] подошел к Триполису [34]. Этим городом император не мог овладеть сразу, потому что он расположен на крутом холме и огражден со стороны материка прочными стенами; с другой стороны он омывается морем, имеет пристань и безопасную, укрытую от непогоды гавань. Отступив оттуда, [Иоанн] пошел вдоль берега и стал занимать по пути прибрежные местечки.

В это же время, в начале месяца августа, появилась хвостатая звезда [35] – нечто божественное, небывалое и превышающее человеческое разумение. Ничего похожего не видели в наш век, и никогда прежде не случалось, чтобы подобное явление длилось столько дней подряд. Появившись на северо-востоке, комета поднималась в форме гигантского кипариса на огромную высоту, затем постепенно уменьшалась в размерах и склонялась к югу, пылая сальным огнем и распространяя ослепительные, яркие лучи. Люди смотрели на нее, преисполнившись страха и ужаса. Появившись, как я сказал, в начале августа, комета была видна целых восемьдесят дней, восходя в середине ночи и светясь до самого утра. Видя это непостижимое чудо, император спрашивал у изучающих небесные светила, что может означать такое странное явление. Эти люди неправильно истолковали появление кометы, не так, как требовало их искусство, а согласно желаниям государя: они пообещали ему победу над врагами и долгие дни жизни. Ложное предсказание дали логофет и магистр Симеон и проедр Никомидии Стефан [36], мужи наиболее знаменитые из тогдашних мудрецов. Однако появление кометы предвещало не то, что предсказали эти мужи в угоду императору, а пагубные мятежи, вторжения иноплеменников и гражданские войны, бегство [населения из] городов и областей, голод и мор, страшные землетрясения и почти полное уничтожение ромейской державы – все то, что мы узнали по дальнейшему ходу событий.

7. После переселения императора Иоанна из этой жизни [37] магистр Варда, по прозванию Склир [38], обуреваемый жадой власти и алчностью, обольстил и одурачил многочисленную и легковерную толпу, замыслив опасный мятеж против правителей [39]. Четыре года передвигался он по Азии, опустошая огнем целые области, уничтожая города, прогоняя и яростно истребляя выступавшее против него ромейское войско. Первое поражение потерпело воинство ромеев под начальством патрикия и стратопедарха Петра [40], когда произошла битва в граничащей с землей армян Лапарской долине [41], где и сам патрикий Петр, пораженный копьем, упал с коня и прямо посреди строя испустил дух; погибло вместе с ним и множество воинов.

Второе поражение [ромеев потерпели] под начальством магистра Варды Фоки [42], который, получив от правителей достоинство доместика схол, выступил против Склира в Панкалию – это удобная для передвижения верхом долина недалеко от Амория [43]. В этой битве Фока был поражен древком копья в голову, упал с лошади и распростерся на земле. Он был бы схвачен врагами и бесславно убит, но неприятели не знали его в лицо и не обратили на него внимания, как на одного из многих, а наступившая ночь спасла полководца. Склир же, гордясь и кичась такими победами стал считать себя неотразимым и непобедимым [44]. После этого он взял приступом Никею [45], Авидос и Атталию [46], подчинил себе все владения ромеев в Азии [47], захватил множество триер, стал господствовать на море и причинил большой вред купцам и даже самой столице, не давая возможности приплывать, как прежде, судам с хлебом. Это длилось до тех пор, пока правители не выслали тайно из Византия огненосные корабли.

Начальствовавший над ними магистр Варда Парсакутин [48] неожиданно пристал к Авидосу, зажег корабли тирана, перебил находившихся там воинов и овладел крепостью. Вслед за тем Фока набрал многочисленный отряд воинов [49], напал на Склира, победил его и заставил бежать в Экбатаны [50], к агарянам.

8. Когда грабительская шайка Варды Склира была полностью рассеяна, император Василий [51] собрал войско и выступил против мисян. Это дикое, жестокое племя помышляло только об убийствах; оно наносило вред ромейскому государству, немилосердно опустошая Македонию и уничтожая всех людей цветущего возраста [52]. Поэтому [Василий], побуждаемый более горячностью, чем благоразумием [53], торопился одним ударом покорить [Мисию]. Но из-за Неправедности судьбы он обманулся в своих надеждах.

Совершив путь по узким, крутым тропам и приблизившись к городу Сардике, который скифы обычно именуют Тралицей [54], [Василий] разбил вблизи него лагерь и двадцать дней осаждал город. Но он не имел в этом деле успеха, так как войско склонилось из-за непригодности стратиггов к беззаботности и лени. Сначала, когда ромеи вышли из лагеря в поисках зеленой травы и сена, мисяне напали на них из засады, учинили страшное побоище и увели множество вьючных животных и лошадей. Затем произошло следующее: осадные орудия и другие машины ввиду неумелости тех, кто их подводил к стенам, не действовали и были сожжены врагами; кроме того, воины чрезмерным потреблением израсходовали взятые с собою припасы и стали испытывать нужду во всем необходимом; поэтому император, собрав снаряжение, направился со всем войском в Византии. После целого дня пути он расположился лагерем в лесной чаще и дал воинам отдых. Еще не прошло время первой ночной стражи, как вдруг с восточной части неба устремилась на лагерь довольно большая звезда; озарив шатры ярким светом, она упала на западе у самого рва и, рассыпавшись множеством искр, погасла.

Падение этой звезды предвещало истребление войска. Всякий раз, когда происходит подобное падение звезды, предвидится полное уничтожение всего, там находящегося. Это убедительно подтверждает звезда, упавшая на троянское войско как раз тогда, когда Пандар направлял стрелу в Менелая [55], — ведь в тот же самый день фаланга троянцев была обращена ахейцами в постыдное бегство. Всякий, следуя за указаниями истории, обнаружит, что и во время ромейских войн часто бывали подобные случаи, когда войско гибло на том же месте, где появлялось знамение. Да и сами мы видели, как такая же [звезда] упала на дом проедра Василия, и спустя недолгое время после этого он ушел из жизни, а состояние его было предано разграблению и расхищению [56]. Но достаточно о появлении звезды.

На следующий день войско проходило по лесистому, изрытому пещерами ущелью; едва пройдя его, оно попало в изобилующее расселинами, трудно проходимое место; там на ромеев напали мисяне, перебили большую часть воинов, захватили шатер императора, казну и весь обоз. Был там и я, рассказывающий с горечью об этом; на беду мою я сопровождал правителя, неся службу дьякона [57]. Едва не поскользнулись стопы мои [58], и я стал бы добычей скифского меча, если бы не избавило меня от этой опасности некое божественное попечение, внушившее мне быстро погнать коня, взобраться по склону ущелья, покуда он не занят врагами, и поспешно достичь вершины горы. Остатки войска с трудом нашли спасение в бегстве по непроходимым горам от преследовавших мисян и вернулись, потеряв почти всю конницу и обоз, в ромейские пределы [59].

9. Еще не успели опомниться от этой беды, как магистр Варда Фока поднял мятеж [60] против правителей, подчинил себе войско ромеев, находившееся в Азии, занял все морские пристани и города, кроме Авидоса, привел

множество кораблей и загородил ими Геллеспонтский пролив, не давая грузовым судам прохода к столице, и высадил на берег у Авидоса большое войско под начальством магистра Льва Мелиссина [61] для охраны своих триер и для осады этого города. Затем он возвел перед Византием сильное укрепление на Хрисопольском холме [62] и направил туда немалое конное и пешее войско, начальником которого назначил своего брата, патрикия Никифора, а также патрикия Калокира, по прозванию Дельфин [63]. Но император Василий, переправившись с большими силами через Босфор [64], победил их в бою и захватил в плен; брата Фоки Никифора он заковал в цепи и заключил в темницу, а Калокира Дельфина там же, на Хрисопольском холме, на том самом месте, где был разбит его шатер, посадил на кол. Варда Фока, узнав о гибели войска у Хрисополя и о том, что брат его пленен и заключен в тюрьму, а Дельфин посажен на кол, собрал все свои силы и, придя в Авидос, пытался захватить тамошнюю крепость и переправиться в Европу, чтобы покорить ее себе.

Узнав, что тиран подошел к Авидосу [65], император Василий собрал находившееся при нем войско, вооружил огненосные корабли и выступил против него. Перейдя Геллеспонт, он раскинул на равнине перед Авидосом царский шатер и, ежедневно наставляя и упражняя фалангу, размышлял о том, как подступиться к мятежнику. И вот однажды ночью он, разбив войско на отряды, двинулся по морскому берегу на врагов; к рассвету, не переставая их истреблять, он сжег все неприятельские триеры. Варда Фока, пораженный внезапным приближением и нападением императора, вышел из укрепления навстречу ему: сражаясь в пространстве между двумя войсками, он внезапно свалился с лошади, и ему отсекали голову [66]. Гигантское тело его погребли в Авидосе, а надетую на копье голову доставили в столицу, с торжеством пронеся по улицам, и отправили затем к мятежникам в Азию. Так прекратилось это возмущение и наступило глубокое спокойствие [67].

10. И на другие тягчайшие беды указывал восход появившейся тогда звезды [68], а также напугавшие всех огненные столбы [69], которые показались затем поздней ночью в северной части неба; ведь они знаменовали взятие тавроскифами Херсона [70] и завоевание мисьями Веррии [71]. И сверх того, звезда появлялась на западе при заходе солнца, восходя по вечерам, она не имела какого-либо постоянного места на небе. Распространяя яркие, видные на далеком расстоянии лучи, она часто передвигалась, показываясь то севернее, то южнее, а иногда за время одного и того же восхождения меняла свое положение на небе, производя внезапные, быстрые движения. Люди, смотревшие на комету, удивлялись, страшились и полагали, что ее странные перемещения не приведут к добру. И случилось как раз то, чего ожидал народ. Вечером того дня, когда обычно праздновалась память великомученика Димитрия [72], страшное землетрясение, какому равного не бывало в те времена, опрокинуло башни Византия, повалило множество домов, которые стали могилами для их обитателей, соседние с Византием селения разрушило до основания и причинило смерть многим деревенским жителям. Помимо этого, оно разрушило и сбросило на землю купол и западный свод великой церкви; император Василий восстановил эти разрушения потом в шесть лет [73]. И крайне бедственный голод, болезни, засухи, наводнения и бурные порывы губительных ветров [случились тогда]. Именно в то время в районе Евтропия [74] был сокрушен напором воды столп, и стоявший на нем монах [75] страшным образом захлебнулся в морских волнах. И неплодородие земли и все обрушившиеся бедствия свершились после падения звезды. Но это в свое время разъяснит история по порядку [76].

11. Между тем император Иоанн, выйдя из Сирии (я возвращаюсь к тому месту, от которого отступил в сторону), шел по направлению к Византию, по

пути он увидел угнетаемые проедром и паракимоменом Василием Лонгиаду [77] и Дризу [78] , благодатные, цветущие области, которые ромейское войско отвоевало ранее для империи ценой обильного пота и крови. Как и следовало ожидать, император испытал печаль и досаду; он порицал корыстолюбивую жестокость [проедра]. Опасаясь гнева повелителя, Василий не мог возражать ему открыто, но втайне посмеялся над его словами; видя, что впал в немилость, [проедр] замыслил устранить его каким-либо образом [79] . Когда император прибыл в равнину Атроады [80] , прилегающую к Олимпу [81] , он остановился в доме патрикия Романа [82] , украшенного достоинством севастофора [83] . Там, говорят, какой-то евнух из слуг, то ли сам нерасположенный к императору, то ли прельщенный и совращенный обещаниями даров [84] со стороны тех, которые из зависти к хорошему стремятся к переворотам (об этой второй причине больше говорят, чем о первой, и больше ей верят), подал императору отравленный напиток, а тот, ничего не подозревая, выпил яд как полезное для здоровья питье [85] . На следующий день члены его одеревенели и всем телом овладела слабость, а искусство врачей оказалось пустым и тщетным – они не могли распознать признаки этого внезапного заболевания [86] .

Почувствовав, что вдруг иссякла его гигантская сила, император поспешил вернуться в Византии: он торопился в построенный им самим храм Спасителя, желая, чтобы как можно скорее был закончен готовящийся для его тела гроб. Продвигаясь весьма быстро, он прибыл в Византии уже обессиленный, с затрудненным, прерывистым дыханием и был великолепно принят горожанами. Едва вступив в императорский дворец, он слег в постель, пожираемый ядом. Сознывая, что ему не поправиться от такого бедствия, ибо ужасная отравка безжалостно сжигала его внутренности, он стал щедро черпать из царской казны и раздавать беднякам, а особенно прокаженным и тем, тела которых изъедены священной болезнью [87] (он с большим состраданием относился к ним, чем к прочим несчастным). Позвав проедра Адрианопольского Николая [88] , мужа почтенного и святого, он открыл ему все грехи своей жизни. Проливая ручьи слез, он смывал в их потоке мерзости и грязь прегрешений и взывал к богородице, моля ее стать его заступницей [89] в день суда, когда перед сыном ее и Богом будут взвешены на непогрешимых весах все деяния, смертных. Исповедовавшись таким образом, государь, не сомневаясь разумом и горя душой, ушел из этой жизни и перешел к покою иного мира десятого января, четвертого индикта, шесть тысяч четыреста восемьдесят пятого года [90] , похоронен он был в храме Спасителя при Халке, который он сам пышно воздвиг от самого основания. Такой конец жизни обрел император Иоанн, муж небольшого роста, но геройской силы, который в боях был доблестен и непобедим, в опасностях же храбр и бесстрашен. Прожил он всего пятьдесят один год, а государственную власть удерживал в своих руках шесть лет и тридцать дней [91] .

1. Представление об истории как о самой полезной для общества науке – «учительнице жизни» характерно и для античности. Господствующей теорией исторического процесса была Полибиева цикличность. Естественно, что если явления повторяются, то людям необходимо извлекать уроки из истории. Лев Диакон Заимствовал последовательность первой главы из исторического сочинения Агафия «О царствовании Юстиниана» (5). Агафий, историк VI в., в свою очередь, опирался здесь на Диодора Сицилийского (Кэмерон. 1970, 58).

2. Введение Льва Диакона отличается от введения Агафия попыткой выделить движущие силы исторического процесса. Агафий в своем зачине делает упор

на том удовольствии, которое доставляет читателю историк; у Льва об этом ни слова.

3. Общий пессимистический тон введения Льва Диакона, вероятно, отразил настроения византийского общества. Подобное мироощущение было свойственно самому императору Василию II, в правление которого писал Лев. Новелла от 4 апреля 988 г. пронизана таким же пессимизмом: «До настоящего дня никакой, даже самомалейшей удачи мы не встретили в нашей жизни, но, напротив, не осталось такого вида несчастья, которого мы не испытали бы» (Ц.-Л. III, 303-304). Введение Льва созвучно концу его «Истории». Возможно, причиной ожидания конца света был каббалистический расчет: приближавшийся 992 год был 6500 г. от сотворения мира. Христос родился в 5500 г., а согласно Новому завету (2 Петра. III, 8), «Божий день» равнялся тысяче человеческих лет. См.: Васильев. 1942.

4. Парафраз Нового завета: 1 Коринф. VII, 31.

5. Почти дословно из введения к «Истории» Агафия (8).

6. Подражание Агафию (8-9), который таким же образом представил себя читателям. Агафием же такая форма самохарактеристики заимствована из, стихотворных эпитафий (Кэмерон. 1970, 2).

7. Калоз – совр. Гёлёз, Келез (Рэмси. 1890, 105; Томашек. 1891, 91-92).

8. Лев в данном случае использует текст Гомера (Ил. II, 461). В X в. провинции с названием «Азия» не существовало. Имеется в виду Фракисийская фема, занимавшая юго-западную часть Малой Азии и образованная в 741 г.

9. Тмол (совр. Боз-Даг) – горный хребет на западе Малой Азии (Ил. II, 886; XX, 385).

10. Каистр – река, упоминаемая Гомером (Ил. II, 461), совр. Кучук-Мендерес.

11. Кельвианские поля простирались вдоль среднего течения Каистра. По Страбону (XIII, 13), «Кильбианская равнина» лежала в Лидии (ср. Томашек. 1891, 91).

12. Эфес – крупный город в устье реки Каистра (Страбон. XIV, I, 21), столица Фракисийской фемы, совр. Аясулуг (Томашек. 1891, 32-34).

13. Правдивость как основное требование, предъявляемое историку, – общее место всех античных и средневековых авторов. В данном пассаже Лев Диа-, кон подражает Агафию (9-10). Противопоставление поэтики и риторики – истории полностью заимствовано у ранневизантийского историка Прокопия (I, 1, 4).

14. Василевс – официальный титул византийских императоров, начиная с Ираклия (626 г.).

15. Константин VII Багрянородный (17-18 мая 905-9 ноября 959), с июня 911 г. – соправитель отца, Льва VI, с июня 913 г. – самодержец, с 17 декабря 920 г. – соправитель Романа I и его сыновей, с 27 января 945 г. – самодержец.

16. О комете упоминают многие авторы: Георгий Монах (864), Продолжатель Феофана (463), Лев Грамматик (279), Продолжатель Амартола (786-787), Симеон Магистр (708) и др.

17. Быть может, имеются в виду сочинения Симеона Логофета и Продолжателя Феофана, но не исключено, что Лев и здесь подражает Агафию (14). См.: Сюзюмов. 1916, 135; 141.

18. Цитата из Геродота (I, 8, 2) передана Львом неточно, очевидно, по памяти. Можно ли на основании этих слов Льва делать вывод, что он не пользовался никакими письменными источниками, а описывал только им самим виденное и слышанное? (так считают: Крумбахер. 1897, 267; Мо-равчик. 1958, 398-399, и др.). Видимо, нет. Он обращался и к официальным

документам, и к историческим трудам; неоднократно ссылается он и на эпистолографические источники.

19. Византийский историк XI в. Скилица (247) датирует смерть Константина 9 ноября 959 г. Та же дата – в кратких хрониках (Шрайнер. 1975, 164; 1977, 120), в них к тому же сообщается, что император скончался в среду, в третьем часу. Но Продолжатель Феофана (469) и Псевдо-Симеон (756) дают 15 ноября, а императорский некрологий – 19 ноября (Грирсон. 1962, 58).

Индикт – летосчисление по 15-летним циклам. По данным папирологии, оно сложилось в римском Египте при проверке списков налогового обложения каждые 15 лет. В Византии этот счет введен в 312 г. Константином I. Начинался индикт в Византии и на Руси 1 сентября. Для проверки соответствия индикта году нужно год от сотворения мира разделить на 15; цифра в остатке означает индикт.

Лев Диакон (в отличие от арабских авторов) очень редко приводит развернутую хронологию. В его труде только четыре полных даты, из них единственно правильная (верное соотношение индикта и года от сотворения мира) – дата смерти Никифора Фоки. Даты смерти Константина, вступления на престол Никифора и смерти Цимисхия (о нем см. кн. III, примеч. 9) верно вычислены по индиктам, но не по годам от сотворения мира. При определении года от сотворения мира в византийской хронологии использовались различные системы: кроме основной, Константинопольской, существовали еще александрийская и протовизантийская (Грюмель. 1958, 73-84). Видимо, ошибки Льва связаны с пересчетом из одной системы в другую (Там же. 126-127). В данном случае следует читать: 6468, ноябрь, 3 индикта (959 г.).

20. Цитата из Ветхого завета (2 Маккавеев. V, 5).

21. Роман II вступил на престол в 959 г., 21 года от роду. (Прод. Феоф. 469). Его старшему сыну – будущему императору Василию II – был в то время год. Еще через год императрица Феофано родила второго сына – будущего императора Константина VIII. Удивительным образом Лев Диакон не выказывает интереса к детским годам своих повелителей.

22. Аналогичную характеристику Романа II дают и другие историки (Скилица. 248; Прод. Феоф. 471-472). О том же рассказано в «Чудесах св. Евгения» и неопубликованной «Краткой истории» Пселла (см.: Маркопулос. 1981, 95-96). Можно предполагать, что все правительственные акты исходили от фаворита Иосифа Вринги или от императрицы Феофано.

23. Организатором похода был Вринга, являвшийся друнгарием флота; см. примеч. 6, кн. VI (Арвейлер. 1966, 114). Умалчивая об этом, Лев Диакон уже здесь обнаруживает к нему свою антипатию (ср. примеч. 40, кн. II).

24. Завоевание Крита арабами из Египта относится к 823-828 гг. С того времени остров стал базой для нападений на византийское побережье и острова (Христидис. 1984, 81-97). Первый неудачный поход с целью отвоевания Крита относится к 843 г. (Прод. Феоф. 203); дальнейшие попытки предпринимались Михаилом III и Василием I (Прод. Феоф. 291). В данном случае речь идет о походе Константина VII. Подготовка к нему подробно описана в «Книге церемоний» (664-678). О самом походе см.: Скилица. 236. Эту экспедицию датируют как 949, так и 956 г. (Рамбо. 1870, 429); слова Льва Диакона о том, что несчастье произошло «недавно», свидетельствуют скорее в пользу второй даты.

25. В византийском флоте обычно употреблялся термин «дромон». Но историки предпочитали в целях архаизации пользоваться древним словом «триера» (ср. Тактика Льва. XIX, 1). Дромон (дословно «бегун») представлял собою длинный весельный корабль (Арвейлер. 1966, 411). Для такого судна требовалось 230 человек команды, оно вмещало 60 воинов. Дромоны снабжались специальными сифонами для выбрасывания на вражеские

корабли «греческого огня». Этот состав из нефти, смолы и серы был впервые применен в 678 г. Секрет его приготовления содержался в строжайшей тайне.

26. Пафлагония – византийская тема на севере Малой Азии со столицей в Гангре (Икономидис. 1972, 349).

27. Патрикий – придворный титул высшего ранга, введен Константином Великим. Этот титул давал право присутствовать на заседаниях синклита и занимать самые ответственные должности. Последние упоминания о патриках относятся к началу XII в. (Успенский. 1898, 131; Икономидис. 1972, 294–295).

28. Кубикулярий Константин Гонгила был фаворитом императрицы Зои, а впоследствии и ее сына Константина VII (Гийян. 1967, 279–282). О нем как виновнике поражения см.: Скилица. 246.

29. При дворе Романа II было много противников опасной и дорогой экспедиции на Крит. Однако Иосиф Вринга, прекрасно подготовив флот, настоял на походе (Прод. Феоф. 474).

30. Термин «стратиг» Лев употребляет в двух значениях: правитель темы и полководец вообще. В данном случае имеется в виду второй смысл. Стратиг-автократор – полководец, имевший право вести войну по своему усмотрению, т. е. верховный главнокомандующий (Арвейлер. 1960, 56, и ел.). В таком качестве слово «стратиг» перестало употребляться в конце X в. (Гийян. 1967. 381).

31. Никифор Фока происходил из фемной знати, владевшей крупными земельными богатствами в Каппадокии. Род Фок возвысился в IX в., прославился победоносными полководцами в войнах против арабов (Тгурый. 1976). Особенно знаменит был Никифор Старший (см.: Грегуар. 1953), приходившийся дедом герою Льва Диакона.

32. Уже к середине IX в. титул магистра стал чисто декоративным. Обладание им не обязательно сопровождалось ответственной должностью. Исчез в начале XII в. (Икономидис. 1972, 294).

33. С IX в. до 60-х годов X в. domestиком схол называли главнокомандующего. Деление на domestиков Востока и Запада было принято при Романа II (Икономидис. 1972, 329). Востоком считалась Малая Азия, Западом – Балканы.

34. Наиболее правдоподобное число кораблей – 250 – названо в житии Афанасия Афонского (Маркопулос. 1985, 1064–1066).

35. Немецкий перевод «Истории», выполненный Ф. Лоретте в 1960 г., во многих случаях грешит чрезмерной описательностью. Например, это место переведено так: «Он построил своеобразный мост, связавший корабли с берегом» (Лоретте. 14). В дальнейшем мы будем указывать на самые явные расхождения с этим переводом, и на те неточности, которые не отмечены в рецензии: Гляйкснер. 1962.

36. Дата высадки на Крите Львом не указана. Согласно Яхье Антиохийскому (84), это произошло 13 июля 960 г. Скорее всего, войско сошло на берег залива Альмирос (Панайотакис. 1960, 55). В житии Афанасия Афонского содержится интересная подробность о высадке Никифора на Крите; чтобы арабы не узнали о численности его войска, он несколько раз произвел высадку с одних и тех же кораблей (Лампсидис. 1976).

37. Выше Лев говорит о «фаланге», здесь же употребляет слово «эниалий». Между тем византийская армия уже давно не строилась фалангой. Что же касается боевого клича, то «эниалием» называлось возгласие в честь бога войны Ареса (ср. Ил. XVII, 211) – естественно, византийцы не могли взывать к этому богу. Подобные анахронизмы допустимо объяснить тем, что Лев Диакон изучал в школе античных авторов и в качестве упражнения

написал эпопею о взятии Никифором Крита, которую потом и использовал в «Истории». Школьные годы Льва как раз пришлось на правление Никифора, и естественно, что упражнения на тему о его подвигах были в обычае. (Пример прославления Никифора – и поэма Феодосия о взятии Крита.)

38. Согласно арабским источникам, византийское войско состояло из 7200 пеших воинов и 5000 всадников (Панайотакис. 1960, 47). Хотя Скилица также рассказывает, что битва произошла немедленно после высадки, другие источники этого не подтверждают; видимо, если стычка и была, ее масштабы явно преувеличены Львом (Там же. 48-49).

39. Это был город Хандак (Скилица. 249) – совр. Ираклион. Лев Диакон ограничился описанием его осады и взятия. В действительности же и лагерь Никифора располагался далеко от города, и к блокаде его византийцы приступили позже.

40. Феодосии (172-173) называет место, где был разбит лагерь, – Финикия. Этот топоним существует и сейчас на юго-запад от Ираклиона (Панайотакис. 1960, 57).

41. Фортиды – грузовые корабли. Они обычно служили для перевозки продовольствия и снаряжения (Тактика Льва. XIX, 13). Феодосии (139-144) сообщает, что Никифор приказал вытащить корабли на берег.

42. В течение восьмимесячной осады крепости Хандак никто не пришел ей на помощь из других арабских земель. Причина этого как в дипломатической подготовке похода – византийцы умело использовали разобщенность арабского мира (Христидис. 1984, 186-191), так и в их преобладании на море, достигнутом в этот период (Арвейлер. 1966, 114-117).

43. Так называли арабов-мусульман по имени египтянки Агари – служанки Сарры, жены Авраама, от которого, согласно Библии (Бытие. XVI, 10-15), Агарь родила сына Измаила, признававшегося родоначальником арабов. Поэтому иногда арабов называли еще исмаилитами.

44. Побережье Фракисийской фемы как самой близкой к Криту больше других подвергалось пиратским набегам (ср. Газе. 408), и ее ополченцы испытывали, должно быть, сильную ненависть к арабам.

45. Перед нами – цитата из Первого послания к фессалоникийцам (V, 6).

46. Немецкий переводчик толкует эти слова по-другому: «...не недооценивать легкомысленно трудностей поручения» (Лоретте. 15).

47. Популярнейший в античной литературе топос о непрочности человеческого счастья в силу «зависти богов» (ср. Ил., IV, 320; Софокл. Антигона, 1158; Еврипид. Андромаха, 100 и т. д.) проник и в Византию.

48. Само имя Никифора Пастилы приводит один Лев Диакон, но история его гибели подробно изложена и Феодосием; рассказывает тот и о случившемся некогда пленении Никифора (860-866), уточняя, что оно произошло из-за бегства воинов Македонской фемы. Согласно Феодосию, на Крите Пастила действовал против десяти тысячной армии под командой Карамун-тиса, которая, несмотря на гибель самого Пастилы, была разгромлена (810-914). Однако в поэме «О взятии Крита» этот эпизод датируется полугодом позднее (Панайотакис. 1960, 77).

49. Хотя Лев был дьяконом, его мировоззрение «пропитано» античными представлениями «о божественном произволе» Тихи, капризной богини судьбы.

50. Эпизод, вероятно, относится к войнам с сирийскими арабами, в которых Никифор участвовал с юных лет. См.: Васильев. 1902, 295-300.

51. Вряд ли стены Хандака были сложены только из земли и шерсти – их каменные фундаменты послужили основой для позднейших византийских укреплений. Хотя слово «хандак» означает «ров», но все-таки ров там было не два, а один, что отмечают и Феодосии, и сам Лев Диакон в других пассажах (Панайотакис. 1960, 61-62).

52. Подражая античным авторам, Лев придумал речь, которую Никифор мог бы произнести перед войском. В ней, впрочем, нет преувеличений. Все источники подтверждают, что, Крит превратился в главную опорную базу арабских пиратов, разорявших Грецию и Малую Азию. Однако взгляд византийских авторов односторонен; нельзя считать Крит только «пиратским гнездом»: на острове существовала стабильная административная структура, Чеканилась монета, развивались ремесла и торговля, кстати и с Византией. См.: Христидис. 1984, 114-156.

53. Цитата из посланий апостола Павла Титу (I, 12) приведена Львом Диаконом неточно – видимо, по памяти.

54. Борьбе с арабами Никифор стремился придать характер священной войны. В «Стратегике Никифора» (20) есть строжайшее требование к войску молиться утром и вечером, а при появлении неприятеля взывать к Христу о помощи.

55. В X в. византийцы все еще считали себя римлянами (по-гречески «кромеями»), гордились славой древнего Рима.

56. Греческое население, подвластное арабам, помогало Никифору (ср. Атталиат. 227; Прод. Феоф. 476, 480), но не так активно, как это представляется многим современным исследователям, – ведь арабы не преследовали христиан за их веру (Христидис. 1984, 184).

57. Об этой битве рассказывает и историк XI в. Михаил Атталиат (226-227), добавляя, что о замысле арабов прорвать осаду Хандака Никифору стало известно от двух перебежчиков.

58. Армяне-перебежчики из стран Арабского халифата образовывали особые отряды; о них Лев Диакон упоминает и дальше. Армяне в то время достигали на военной службе самых высоких постов (Каждан. 1975).

59. Всю эту фразу Ф. Лоретте (21) сводит к словам: «...и они поступали, как он сказал».

60. О том же эпизоде повествует Феодосии (338-345) и Атталиат (228), объясняющий эту жестокость стремлением показать осажденным, что помощь не придет.

61. Ф. Лоретте (21) понимает последние слова как «...отвергали перемирие».

62. Описание штурма Хандака очень похоже на описание взятия готской крепости в книге Агафия (32). Сомнительно, чтобы на вооружении у арабов Крита были секиры, какими пользовались готы времен Юстиниана (Сюзюмов. 1916, 142-143).

63. Византийские осадные орудия мало отличались от позднеимперских: метательные машины, тараны, «черепашки»; при войске были искусные мастера-техники по их изготовлению (Мишулин. 1940, 383, и ел.). Это были работники государственных мастерских по производству военного снаряжения.

64. Фемное войско, собранное Никифором, состояло в основном из крестьян-стратиотов: им не хватало опыта в действиях против осажденного города. Поэтому Никифору и пришлось заниматься их военной подготовкой. Лев несколько раз заостряет на этом внимание (ср. Прод. Феоф. 226; Тактика Льва. VII). В неопубликованной пока «Краткой истории» Пселла (XI в.) тоже есть обширный пассаж о занятиях Никифора с воинами: «Крестьян он делал мечниками, упражнял их руки в пускании стрел и дротиков и в метании копья, [учил] стрелять во всадника и поражать бегущих, и всему, что нужно для войны, штурма и осады» (Маркопулос. 1985, 1063).

1. Лев по обыкновению не приводит дат. Речь идет о зиме – 6469 г., 4 индикта (960-961 гг.).

2. Хамдан – Абуль Хасан Али ибн Хамдан (ок. 910-967) из арабской династии Хамданидов – эмир Алеппо, известный в истории Ближнего Востока как Сейф-ад-Даула («меч царства»), неутомимый воин, враг Византии и

наиболее опасный ее сосед. Его владения распространялись на Сирию, часть Армении, Верхнюю Месопотамию, Киликию (Хонигман. 1935, 93). Набеги Сейф-ад-Даулы на территорию Византии (особенно в середине 950-х годов) наносили большой ущерб населению. Императоры, опасаясь могущества Хамдана, старались вооружить против него багдадского халифа. Только победы, одержанные полководцами из семейства Фок, значительно потрясли государство Сейф-ад-Даулы (Канар. 1951; Васильев. 1950).

3. Киликия – область, занимавшая большую часть северо-восточного побережья Средиземного моря. В X в. была в руках арабов и стала ареной упорных боев между византийцами и арабскими эмирами (Хонигман. 1935, §8, и ел.). После завоевания ее Никифором Фокой превращена в фему.

4. Выражение «живущих по соседству с Киликией агарян» могло быть заимствовано Львом из литургического текста, воспевавшего перенесение в Константинополь святынь Мембиджа (Алькен. 1963, 256). Эта служба была написана в 967–969 гг. и содержала невероятные славословия Никифору.

5. Подробнее о войне см.: Леонгардт. 1887.

6. По Яхье Антиохийскому (80–82), боевые действия начал Лев Фока (см. ниже), напав на область Тарса. Сейф-ад-Даула, в свою очередь, вторгся в пределы Византии только после начала марта 960 г. (Яхья. 83).

7. Лев Фока был назначен стратигом Каппадокии еще при Константине VII; впоследствии – domestik схол Востока, domestik схол Запада (Бурас. 1981, 186–187). Как и его брат Никифор, был пожалован саном магистра в 960 г. После прихода к власти Никифора II стал куропалатом и логофетом дрома (Гийян. 1974). Лев Фока в этом походе как бы мстил за брата Константина, взятого в плен Сейф-ад-Даулой и погибшего.

8. Никифор Фока пытался придать войне против арабов форму крестового похода (см. кн. I, примеч. 54). Но византийская церковь на основании канонических правил не решалась принять тезис, который так воодушевлял впоследствии западных крестоносцев.

Слова «какая-то божественная сила» в устах дьякона звучат странно, не по-христиански. Можно было взывать к богу или святым, но упоминание о «божественной силе» равносильно возведению ее носителя в ранг божества. Правда, в монашеских кругах идея соединения с божеством имела некоторый успех, но Лев Фока вовсе не походил на мистика.

Исключительное обилие восхвалений по адресу семейства Фок дает основание предполагать, что источником для Льва Диякона послужил либо специальный исторический труд, либо официальные записи кого-нибудь из сторонников семейства Фок (Сюзю-мов. 1916; 1946; Карышковский. 1953, 47; Каждая. 1961, 116–128). Юношу Льва, учившегося в то время в Константинополе, конечно, не могли не восхищать победы. Фок; впоследствии всем версиям о них он предпочитал только панегирические.

9. Истр – античное название нижнего течения Дуная.

10. «Скифы», переправившиеся через Дунай, – это венгры, которые в IX–X вв. появились в Юго-Восточной Европе и стали грабить византийские и болгарские владения. Интересно, что Лев, зная распространенное тогда название «турки», тем не менее считал научным именовать венгров еще архаичнее – «скифы». В то время историки называли народы теми именами, которые были приняты в классической Греции

11. Победа над венграми относится к 961 г. (Афанасий Афонит. 23, 29). О венгерско-византийских отношениях см.: Люттих. 1918; Макартни. 1930; Моравчик. 1934; 1970.

12. Видимо, именно эту тактику использовали Фоки в войнах против арабов, что послужило основой для написания трактата «О военных схватках»,

который, хотя и не является трудом самого Никифора Фоки, однако принадлежит кому-то из его окружения. См.: Кучма, 1979, 58.

13. В этой речи, несомненно, отразилась практика школьных сочинений. Подражание стилю речей Велизария, как они воспроизведены у Агафия, здесь очевидно.

14. Никаких точных данных о сражении у Льва Диакона нет. Место битвы не названо. По Скилице (250) и Продолжателю Феофана (479), это – г. Адрасса. Согласно Ватиканскому Анониму (199), сражение происходило в клисуре (ущелье) Килиндр. По Яхъе Антиохийскому (83–84), который! датирует битву 8 ноября 960 г., – в клисуре Дарб-Мгарах. Ни одно из этих названий не поддается точной локализации (Маркопулос. 1979, 112). Согласно арабскому историку Мискавейху, жители Тарса предупреждали Сейф-ад-Даулу о засаде в ущелье и просили идти другой дорогой. По его же свидетельству, после битвы от войска осталось 300 человек (Там же. 112). О победах над Сейф-ад-Даулой упоминается и в трактате Никифора (О сшибках. 192).

15. Раздел добычи между воинами был узаконен императорами исаврийской династии. Согласно своду «Эклога», при разделе добычи шестую часть следовало отдать в казну, остальное – разделить между воинами. При этом полководец и командиры не участвовали в разделе: они довольствовались жалованьем (Эклога. XVIII; Прохирон. 40). О разделе добычи говорится в «Стратегике» Маврикия и в действовавшей в X в. «Тактике Льва» (XX, 192; см. также: Дэн. 1948, 347).

16. Обычай триумфального шествия победителя в столицу (которую Лев обычно называет не Константинополем, а архаически Византием) с добычей и пленными сохранился в Византии почти во всех подробностях со времен Римской республики. Триумф входил в число актов придворного церемониала, его порядок описан в «Книге церемоний» Константина Багрянородного (607–615).

17. Лев пишет о триумфе в театре. Но согласно Книге церемоний, торжество проводилось на ипподроме, а здание Большого театра уже с V в. стало местом казней (Жанен. 1950, 190). В Константинополе и его окрестностях было несколько ипподромов (Там же. 177–189) – здесь имеется в виду центральный. Полное исследование об ипподроме и его роли в истории Византии см.: Гийян. 1962.

18. Все источники отмечают для второй половины X в. значительный рост числа рабов в связи с победами Византии. Это был не рецидив рабовладельческой формации, а лишь временное приспособление устаревшего общественного института к процессу феодализации. Рабы затем становились и стратиотами, и членами крестьянских общин. Их приток усилил имущественную дифференциацию. Крупные чины фемного войска, имевшие значительные земельные владения, расселяли рабов как зависимых поселенцев. Из рабов-челядинцев составлялась вооруженная свита динатов, которую они использовали для внеэкономического наступления на общину, для прямых захватов крестьянских участков. Таким образом, в исторической ситуации X в. рабство послужило ускорению феодализации (Сюзюмов. 1963).

19. Торжественный вывод Льва, хотя и звучит как преувеличение, но подтверждает, что в третьей четверти X в. произошел перелом в отношениях Византии и Арабского халифата. Общность интересов феодализирующейся знати и централизованного государства, использование фемного войска, длительное существование свободной крестьянской общины – вот главные причины, которые обусловили подъем военной мощи Византии во второй половине X в.

20. Перебранка между осажденными и осаждающими была делом обычным. В частности, идентичный эпизод приводит Киннам, когда рассказывает об осаде Мануилом Комнином одной венгерской крепости (Газе. 419).

21. Все религии, кроме христианства, византийцы считали суевериями, в том числе верования манихеев (имеются в виду павликаны) и мусульман. Биография Магомета реалистично изложена Константином Багрянородным (Адм. 90-91), но, как только он переходит к описанию учения пророка, рассказ становится недостоверным.

22. Нарисованная Львом картина штурма Хандака очень похожа на соответствующий рассказ у Агафия (34-35). Начиная со слов «множество воинов» и до этого места, Лев Диакон позаимствовал у него двадцать семь слов; за исключением зачина, это самая обширная компиляция Льва. Почему из-за подкопа одного участка стены рухнули две башни, можно объяснить, - лишь учтя, что Лев сократил более развернутое и логичное описание Агафия.

23. О страшной резне в Хандаке повествует и Феодосии (1009-1025), но, по его словам, Никифор был озабочен лишь тем, чтобы воины не «запятнали» себя насилием над женщинами-иноверками. Более чем через восемь лет автор диалога «Филопатрис» (330) вспоминал о жестокости византийцев на Крите. Эта расправа, в свою очередь, вызвала антихристианские погромы по всему Ближнему Востоку (Панайотакис. 1960, 82-83)

24. Хандак был взят 7 марта 4 индикта 961 г. (Скилица. 250). Яхъя (84) дает 6 марта, но правоту Скилицы подтверждает надпись на одной иерусалимской рукописи (Маркопулос. 1985, 1067).

25. Керы - демонические существа греческой мифологии; олицетворяли беды и смерть.

26. Теменос.- совр. Канли Кастелли (Панайотакис. 1960, 58-59).

27. Любопытно, что юго-западнее Ираклиона сохранился топоним Арменокампус, т. е. «армянское поле», как раз поблизости от лагеря Финикия (Панайотакис. 1960, 57).

28. Арабские источники сообщают, что ромеи вывезли с Крита 300 кораблей с добычей и пленными. Двери эмирского дворца Никифор послал в Лавру Афанасия на Афон, где они находятся и поныне (Панайотакис. 1960, 83).

29. Неясно, удостоился ли Никифор триумфа сразу же после взятия Крита или, если предпочесть версию Скилицы (250, 252), его не впустили в столицу, а направили в Азию продолжать борьбу против Сейф-ад-Даулы. Распространилось поверье, что взявший Крит захватит императорскую власть, вследствие этого будто бы возникла интрига со стороны Вринги. Лев Диакон пишет о двух триумфах Никифора Фоки-в 961 г. и 963 г. Скилица же упоминает только об одном - в апреле 963 г., после смерти Романа. Можно было бы предпочесть версию Скилицы и Зонары: император немедленно направил Никифора против Сейф-ад-Даулы, который, пользуясь отходом войск европейских фем из-за набегов венгров, возобновил наступление на византийские владения; только после победы над Сейф-ад-Даулой Никифор мог приехать как триумфатор в столицу, везя 5 с собой добычу с Крита и из Веррии (Скилица, 253). Тем не менее мы в данном случае предпочитаем версию Льва Диакона. Симеон Магистр г (759-760), Продолжатель Амартола (858), Ватиканский Аноним (99) и арабский географ Якут (Маркопулос. 1979, 113) также сообщают о триумфе Никифора сразу после покорения Крита. Видимо, люди, благосклонно относившиеся к Никифору, нарочно распространяли слухи о нанесенных ему обидах.

30. По Скилице (252) и Яхъе (85), Никифор Фока двинулся к Веррии (Халепу) и Аназарбу. Ему удалось овладеть крупными центрами - Аназарбом (10 января 962 г.), Дулухом, Марахом и Рабаном (от 9 апреля до 8 мая 962 г.), Халепом же - только 23 декабря 962 г. (Яхъя, 86; Ватиканский Аноним, 100; Симеон Магистр, 760; Вар-Эбрей, 168 и т. д.). См.: Маркопулос. 1979. 113-117.

31. Эта колоссальная добыча дала возможность создать в византийской армии многочисленные отряды закованных в броню и кольчугу всадников – катрафрактов (новелла Никифора XXIII: Ц.-Л., III, 300). Таким образом, часть стратиотов превратилась в мелких рыцарей. Фемная знать разбогатела на грабеже арабских владений, и позднее Никифор стремился закрепить за династами их собственность, не допуская ее распыления между мелкими владельцами.

32. Ф. Лоретте (35) оставил без перевода эти слова.

33. В X в. народное ополчение еще составляло основу военной силы Византии. Стратиоты вели свое крестьянское хозяйство. Зонара (XVI, 23) повествует, что Никифор Фока, после того как ему были предоставлены полномочия набрать войско, «обращал серпы в мечи, плуги в копья»; таким образом, прибегая к выражениям из Священного писания (Иоииль. IV, 10), хронист подчеркивает народный состав армии Никифора. Походы Фоки и Цимисхия знаменовали собой последние победы фемного строя. С конца X в. оно стало слишком дорогим для крестьянства: стратиоты не могли больше покупать необходимое снаряжение. И, самое главное, такое войско перестало быть политически благонадежным: многие стратиоты участвовали в мятежах второй половины X в. Армия начала дифференцироваться .по социальному принципу, все большее значение приобретали иностранные наемники.

34. О пристрастии императора к охоте с неодобрением пишет и Продолжатель Феофана (472). Эта рыцарская забава в то время лишь начала распространяться, а настоящую популярность приобрела уже при Комнинах (Кукулис. 1952, 5, 388-389). Такая склонность у Романа – один из признаков начавшейся феодализации византийского общества; возросло также значение военных доблестей императора (Каждан. 1984, 47-48).

35. По Скилице (253), Роман II умер 15 марта 6 индикта 6471 (963 г.). По Яхье (89-90), -16 марта. Одна из кратких хроник сообщает, что Роман прожил 25 лет и 4 месяца, а болел перед смертью пять дней (Шрайнер. 1975, 164). Лев Диакон повторяется, давая еще раз характеристику Романа II (см. I, 2). В упоминании о «женской половине дворца» содержится намек на причастность императрицы Феофано к смерти мужа.

36. Ф. Лоретто при переводе этой фразы, во-первых, оставляет без истолкования *** – «когда тот умер», а во-вторых, понимает *** – «вручают царскую власть» как «возводят в регенты царства» (36), что спорно, поскольку из источников не ясно, кем стала Феофано – императрицей или регентшей.

37. Полиевкт – патриарх с 3 апреля 956 по 5 февраля 970 г. (Грюмвль. 1958, 436) – один из наиболее влиятельных иерархов византийской церкви. После неожиданной смерти Романа вопрос о составе правительства был особо важным, и Полиевкт совместно с сенатом (синклитом) приобрел ведущую роль в делах.

38. Синклит – совет высшей византийской знати, главным образом служилой. В него входили протоспафарии, патрикии и магистры. Слова Льва Диакона свидетельствуют о том, что при всех ограничениях, наложенных на синклит Львом VI (Новелла LXXVIII), он в соединении с патриархом мог играть ключевую роль в сложных ситуациях междоусобицы. О синклите см.: Элиссен. 1887; Христофилопулос. 1949; Бекк. 1966.

39. В отличие от Льва Диакона Продолжатель Феофана уверяет (458), что Феофано (ее девичье имя Анастасия) происходила от благородных предков; то же сообщает и Ибн-ал-Атир (Розен, 140). Согласно Скилице (337), Феофано – дочь трактирщика, ставшая императрицей только благодаря красоте, он же сообщает, будто по совету этой женщины молодой Роман принял участие в отравлении своего отца Константина Багрянородного.

40. Лев характеризует Иосифа Врингу явно односторонне, с позиций сторонника Никифора. Между тем Вринга, несомненно, был яркой личностью: к 956 г. он уже – препозит и патрикий; в апреле или мае того же года назначен сакеларием и друнгарием флота. В последние годы жизни Константина VII, по мере того как падало влияние Василия Нофа, Вринга приобрел большую власть. При бездарном Романе II Вринга фактически управлял государством. Вражда его с Никифором Фокой началась, видимо, после взятия Крита в 961 г. Лев Диакон – единственный из авторов, кто приписывает Иосифу зловещие замыслы против Никифора (Марко-пулос. 1981). Скорее всего, зачинщиком в этом соперничестве были именно Фока и его окружение, недовольное всевластием столичной бюрократии, – ниже Лев прямо говорит о стремлении Никифора совершить переворот (ср. примеч. 42).

41. Паракимомен-собственно, спальник – придворное звание высокого ранга; введено на рубеже VI-VII вв. С IX в. назначался один паракимомен. Им мог быть только евнух (Икономидис. 1972, 305). Паракимоменам поручалось выполнять иногда важнейшие функции в правительстве – Вринга, например, был друнгарием флота; иногда доверялось и гражданское управление и военные должности, как, например, Петру Евнуху (см. ниже VI, 11). До Вринги должность паракимомена занимал Василий Ноф. Этот период, как видно также из «Истории» Льва Диакона, – время наивысшего могущества евнухов (Гийян. 1967, 183-184). О причинах засилия евнухов в Византии см.: Аверинцев. 1977, 20-21.

42. Здесь Лев Диакон «проговорился»: оказывается, Никифор уже в начале апреля 963 г., отправляясь на триумф, хотел поднять мятеж. В дальнейшем, правда, это им оспаривается и вся вина возлагается на Врингу. Характерно, что, не имея командного поста, даже такой важный представитель феодализирующейся знати, как Никифор, был бессилен. Для свершения политической акции необходимо было иметь должность, а не только родичей, челядинцев и сторонников. Централизация государства в Византии еще не была ослаблена феодализацией. Борьба провинциальной знати велась поэтому не против центральной власти, а за овладение ею.

Сам Никифор был сложной, противоречивой личностью. Любовь к военной славе и честолюбие совмещались в нем со стремлением к религиозному аскетизму. Всю жизнь проводя в походах, он в то же время поддерживал связи с монашеством, щедро осыпая милостями монахов-аскетов. Согласно житию Афанасия Афонского (246), Никифор перед Критской кампанией посетил его на пустынной горе Афон и обещал ему закончить жизнь монахом. (О роли Никифора Фоки в истории Афона см.: Успенский. 1877, 68-78.) Но к стяжательским монастырям городского типа Никифор испытывал неприязнь, ср. его знаменитую XIX новеллу (Ц.-Л., III, 292-296).

43 Слова *** Лоретте (36) понимает иначе, чем мы, а именно: «принять из их рук высшее командование».

44. Эта версия в других источниках отсутствует. Мало вероятно, чтобы Вринга мог безнаказанно расправиться с блестящим полководцем. Видимо, так оправдывали мятеж Никифора его сторонники.

45. Так византийцы называли храм Святой Софии, грандиозное здание которого существует и поныне.

46. Победа Никифора была обусловлена не столько поддержкой патриарха и синклита, сколько популярностью полководца среди столичного плебса (Каждан. 1960, 389-390).

1. Лев Диакон любит щеголять астрономическими познаниями и иногда вместо даты указывает положение Солнца по отношению к созвездиям зодиака. В данном случае имеется в виду период с 21 апреля по 21 мая. Этому вполне соответствует сообщение Ватиканского Анонима (100), что переход Никифора

в Азию состоялся 6 индикта, т. е. в 963 г., после пасхи, приходившейся в тот год на 19 апреля.

2. Каппадокия-старинное название центральной части Малой Азии; в X в. центр византийской экспансии на Востоке. В то время в Каппадокии быстро развивалось крупное землевладение военно-феодалов знати. См.: Ранович. 1949, 117-126; Хонигман. 1935, 43-47; Каждан. 1960. 70.

3. Троглодитами Страбон называет людей, которые «жилища свои вырывают в земле» (XVII, 3, 7). Потому так стали именовать вообще всех, кто ютится в пещерах. Жители Каппадокии часто были вынуждены прятаться от арабских нашествий в тайниках; кроме того, пещеры служили кельями монахам-отшельникам (Рэмси. 1890, 293, 356; Васильев. 1902, 84).

4. О том, как обучали стратиотов, см. примеч. 64, кн. I. Однако в данном случае Лев Диакон «по-детски», по выражению Газе (428), почти дословно следует Агафию (Сюзюмов. 1916, 142).

5. Город Тарс располагался у реки Кидн в Киликии; совр. Тарсус.

6. В данном рассказе можно усмотреть домыслы врагов Вринги, желавших оправдать последующий захват власти Никифором. Эта версия была почерпнута Львом все из того же источника, восхвалявшего род Фок. Она прослеживается в «Книге церемоний» (433), у Скилицы (256), у Зонары (XVI, 13, 75).

7. Мариан, по прозвищу Апамбас, происходил из знаменитого рода Аргиоров. В 955 г. он был назначен стратигом Лагувардии и успешно воевал там с арабами. В 959 г. получил пост катепана Запада (ср. примеч. 8, кн. IV). В 961 г. разгромил венгров. Стронник Вринги (Фалькенхаузен. 1967, 37, и сл.; 81; 165, и сл.).

8. Словарь «Суда» поясняет, что обезьяной византийки могли называть низкорослого человека.

9. Иоанн Цимисхий происходил из армянской фемной знати и состоял в родстве с семейством Куркуасов (Прод. Феоф., 428). Был стратигом фемы Антоликов. Род Цимисхийев существовал до XIII в. (Гийян. 1973, 64).

10. Пример непоследовательности Льва Диакона: ниже он пишет (III, 7), что брат Никифора и его отец оставались в Константинополе.

11. Фема Анатолики со столицей Аморий лежала в сердце Малой Азии. Образована около 669 г.

12. Ф. Лоретте (42) понимает это обращение как: «тебя, знаменитого полководца».

13. Эндимион, посягнувший на честь богини Геры, был осужден на вечный сон. Возможно, сравнивая Никифора с Эндимионом, автор намекает на – его близость с императрицей.

14. Это единственное в историографии упоминание о родине Вринги. Ф. Лоретте (43) здесь добавляет от себя «ко всеобщему несчастью» точно так же, как чуть выше (42) присочиняет целую фразу.

15. Город Кесария – совр. Кейсери-центр фемы Каппадокия, военная база на восточной границе Византии, мощная крепость.

16. Слова *** – «обнажив мечи» у Льва Диакона повисают в воздухе. Эти же слова у Зонары вполне закономерны: ими он пытается убедить читателя в том, что Никифора силой заставили принять провозглашение. Эта профокадская версия известна из многих источников (Аль-Макин, Ибн-ал-Атир, Скилица, Книга церемоний, Зонара). Прослеживающийся у них общий прототип был знаком и Льву Диакону, но тем не менее от профокадской тенденции в его «Истории» сохранился лишь «осколок» – слова ***, остающиеся без объяснения: Лев не готов утверждать, будто Никифор ни в чем не виновен.

17. Лохаг – командная должность в фемном войске; лохагами назначали особо отличившихся стратиотов. Так формировалась фемная знать,

стремившаяся посадить на престол своего представителя и настроенная оппозиционно по отношению к городской и чиновной верхушке.

18. О первом браке Никифора нам ничего не известно (Панайотакис. 1972, 246).

19. Видимо, Варда был старшим сыном Никифора (назван в честь деда) и к моменту гибели ему вряд ли было больше 20 лет. Трагический случай мог произойти примерно в 958-961 гг. (Панайотакис. 1972, 247-250).

20. О характере родства Плевса с Вардой ничего нельзя сказать наверняка. Видимо, он приходился ему двоюродным братом по материнской линии, а не по линии Фокадов (Панайотакис. 1972, 251-264).

21. Видимо, у Льва нашла отражение официальная версия, согласно которой инициатором мятежа был Цимисхий. Но историк здесь противоречит сам себе, так как ранее писал, что, уже собираясь в Константинополь перед триумфом, Никифор хотел поднять мятеж (см.: кн. II, 11, и примеч. 16). В немецком переводе этой фразы опущены слова *** – «и домогаться скипетра» (Лоретто. 44).

22. Право носить пурпурную обувь принадлежало только императору, ее самовольное ношение расценивалось как претензия на престол. По Скилице (256), провозглашение Никифора императором состоялось 2 июля 6 индикта (963 г.). В тоне Льва Диакона явно чувствуется осуждение Никифора, прорывающееся сквозь профокадскую в целом версию провозглашения его императором.

23. Вся эта фраза опущена в немецком переводе (Лоретто. 46).

24. Ф. Лоретто (46) понимает выражение *** иначе: «я, который не причинил ему никакого зла».

25. Евксин (Понт Евксинский) – Черное море. Никифор стремился во что бы то ни стало овладеть всеми приморскими городами, которые могли оказать помощь Константинополю. Стратиг Понта Евксинского имел резиденцию, видимо, в Боспоре Фракийском. В его компетенцию, как считает Н. Икономидис (1972, 358, примеч. 393), входила защита черноморского побережья от возможных нападений русских.

26. Авидос находился в самом узком месте пролива Дарданеллы. Здесь была таможня, которая регулировала движение кораблей к Константинополю и взимала с купцов пошлины (Антониадис-Бибику. 1963, 93, 181-182), заняв этот город, Никифор мог воспрепятствовать доступу к столице и овладеть всеми таможенными доходами.

27. Лев Диякон снова упоминает о Тихи-судьбе в языческой трактовке. О божьей помощи он здесь как бы стесняется говорить, поскольку Никифор был клятвopепреступником: ведь он дал патриарху обещание не поднимать мятеж. О сложностях сочетания божьего промысла и случая для византийцев см.: Медведев. 1976, 104-123.

28. Евхаита – совр. Меситезю в 55 км к западу от Амасьи. Митронолия с конца IX в. Недалеко от нее лежала Евхания, где покоился прах Феодора Стратилата (ср. примеч. 63, IX). См.: Икономидис. 1986.

29. «Скифским посланием» образно называли полный угроз ультиматум (Латышев. 1948, 291-296).

30. Пасхалий происходил, видимо, из армянского рода Кринитов (Адонц. 1935, 537). Имел титул протоспафария, был стратигом Лагувардии в 943/44 г., смещен с должности за хлебные спекуляции. В 944 г. ездил на Запад за невестой для Романа II. В 951 г. назначен стратигом Калаврии. В 961 г. участвовал в заговоре против Романа II, за что был сослан, но вскоре прощен. Высказываются, впрочем, и сомнения, что это послужной список только одного человека (Фалькенхаузен. 1967, 80; 98-99).

31 Братья Лев и Николай Торники были пожалованы саном патрикиев за участие в заговоре против сыновей Романа I в пользу Константина VII вместе с Марианом и братьями Фоками (Гийян. 1973, 57). Торники-выходцы с Кавказа, знаменитый род, давший до середины XII в. много полководцев (Каждан. 1974, 63, 89-90, 146, 212).

32. Иосиф, очевидно, хотел противопоставить Никифору Фоке как главе мало-азийских фемных отрядов знать балканских фем и опереться на «македонскую фалангу», т. е. на стратиотов фемы Македония с центром в Адрианополе.

33. Иерия (совр. Фенербахчи) – порт на азиатском берегу Босфорского пролива. Авидос и Иерия выполняли сходные таможенные функции: первый – со стороны Средиземноморья, второй – со стороны северных путей (Жанен. 1950, 147-149; Антониадис-Бибику. 1963, 16-79, 91-93).

34. Храм св. Софии был основным церковным убежищем. Люди, преследуемые властью, даже из других городов стремились укрыться именно в нем: здесь право убежища, как правило, не нарушалось. Но во время политических переворотов никакая сила церковной «святости» не спасала беглецов. Это знала собравшаяся у собора толпа – она-то и вырывала Варду, отца Никифора и Льва, из рук сторонников Вринги (Книги церемонии. 435).

35. Варда Фока командовал византийскими войсками на Востоке в 40-50-х годах (Васильев. 1902, 256, и ел., 286, и ел.). В 941 г. он участвовал в войне с Русью и упомянут в «Повести временных лет» как «Фока патрекий» (ПВЛ, 33).

36. Участие Мариана в обороне столицы было, видимо, столь активным, что отголоски этих событий в описании армянского историка XI в. Асохика выглядят так: «Воцарился в Константинополе какой-то Марин. Никифор и Кир-Жан со всеми войсками явились на берег греческого моря, вступили в Константинополь и свергли Марина» (Асохик. 127).

37. Народ был разъярен, поскольку Иосиф Вринга грозил ему голодной смертью и подстрекал хлебопекоев прекратить выпечку хлеба (Книга церемоний. 436). Вряд ли можно *** – «в явное бегство» переводить как «на свежем воздухе» (Лоретто. 49).

38. Женщина, бросающая на голову вождя тяжелый предмет с крыши дома, – литературное клише. Так погиб Пирр (Плутарх. Пирр, XXXIV, 2-4); так пытались убить императора Никифора во время народного волнения (IV, 7).

39. Роман I, по прозванию Лакапин, в юности служил на флоте и, начав с низших чинов, стал затем друнгарием флота. В 919 г. он совершил переворот и был провозглашен василеопатором (см. примеч. 34, кн. VII), женив на своей дочери Константина VII. С 921 г. – самодержец. В политике опирался на столичное чиновничество. В 944 г. свергнут сыновьями. Умер в ссылке в июле 948 г.

40. Василий родился между 910 и 920 гг. В 941 г. стал протовестарием. В борьбе Константина VII с сыновьями Романа I Стефаном и Константином Василий Ноф выступил против своих сводных братьев; после победы Константина (в 945 г. Лакапиниды были свергнуты и вскоре убиты) начал участвовать в управлении: в 948 г. он был произведен в патрикии, назначен паракимоменом. При Романе II попал в немилость, будучи оттеснен Иосифом Врингой, так что их взаимная неприязнь вполне объяснима (см.: Броккаар. 1972, 199-216). Карьера Василия на этом не оборвалась. Главный успех ждал его впереди (см. примеч. 6, кн. VI).

41 Видимо, мать Василия была болгаркой. Смешанное происхождение не считалось недостатком, а наоборот, достоинством и причиной энергии и ума. Византийцам была чужда этническая антипатия: свое превосходство над «варварами» они усматривали только в культурно-государственной сфере.

42. У Василия, как и у многих сановников того времени, было множество слуг и челядинцев. Помощь этого отряда городскому плебсу оказалась решающей: народ фактически овладел столицей и стал расправляться со сторонниками Вринги. Это случилось 9 августа 963 г.

43. Участие синклита в народном возмущении началось уже после того, как результат борьбы оказался очевидным. В Книге церемоний (438) сообщается, что толпа стала громить дома синклитиков, даже не принадлежавших к числу сторонников Вринги: городские верхи, естественно, старались ускорить вступление Никифора в столицу, чтобы тем прекратить брожение масс.

44. Монастырь Авраамитов, построенный в VI в., находился на европейской стороне, недалеко от входа в город через Золотые ворота (Жанен. 1953, 8-11). Он назывался «нерукотворным» потому, что там хранилась икона богородицы, признававшаяся чудотворной.

45. Защитники Большого дворца в восточной части Константинополя (Жанен. 1950, 107, и сл.), по-видимому, еще сопротивлялись. Это объясняет, почему Никифор не переправился прямо от Иерии, располагавшейся напротив дворца на другой стороне пролива, а вынужден был плыть к монастырю Авраамитов.

46. Иосиф был сослан в Пафлагонию (Скилица. 260), где и умер через два года в монастыре Асикрит (Маркопулос. 1981, 106).

47. Золотые ворота (совр. Едикуле) – въезд в Константинополь в юго-западной части городских стен (Жанен. 1950, 252-255). Оттуда путник попадал на центральную улицу города-Месу (Стжиговский. 1893).

48. Год въезда Никифора в Константинополь Лев указал неверно: следует читать 6471. Индикт назван правильно. Точную дату находим у Скилицы (259), в Книге церемоний (438) и у Яхьи (96) – 22 раджеба 352 г. хиджры, т. е. 16 августа 963 г.

49. Совершенно иначе описывает Никифора посол германского императора Лиутпранд (177); для него Фока – «совершенное чудовище, пигмей с тучной головой, с небольшими глазами, как у крота; он обезображен короткой, широкой, разросшейся полуседой бородой, его уродует тонкая, как; палец, шея; весь он оброс густыми волосами, лицом он темный, как эфиоп, . которого не захочешь встретить ночью! У него торчащий живот, сухие ягодицы, бедра применительно к его короткой фигуре очень долги, голени коротки... Одет Никифор в виссон, но очень бесцветный, от длительного ношения ветхий и вонючий, со стертymi украшениями. Речь у него бесстыдная, по уму он – лисица, по вероломству и лживости подобен Улиссу».

Словесные портреты императоров в сочинениях их современников исчезли из византийской исторической литературы после Юстиниана I. Портрет вернулся в византийскую литературу в X в. (Хэд. 1980). Однако портретные характеристики, даваемые Львом Диаконом Никифору, Цимисхию (VI, 3) и Святославу (IX, 11), выгодно отличаются реалистичностью деталей и свежестью взгляда. Они произвели, видимо, столь сильное впечатление на современников, что были изъяты из текста «Истории» и распространялись отдельно, в частности попали впоследствии в одну из рукописей Скилицы (ср. примеч. 16, кн. VI). Большой мастер портрета Михаил Пселл является в этом смысле учеником Льва Диакона.

50. Здесь снова Лев демонстрирует чисто языческое представление о всесилии Тихи (богини судьбы).

51. Кесарь – с IV до конца XI в. – высший византийский титул, даровавшийся ближайшим родственникам императора или наследнику (Икономидис, 1972, 293).

52. В VI в. куропалатом назывался начальник дворцовой стражи. Впоследствии – высокая дворцовая должность, еще в X в. резервировавшаяся за членами императорской фамилии (Икономидис. 1972, 293).
53. Согласно Зонаре (XVI, 28, 91), впервые титул проедр (дословно-пред-, седатель) появился именно тогда, когда им был пожалован паракимомен Василий. О проедре и его функциях при дворе см. Книгу церемоний (440–443). Номинально это был высший гражданский чин, но реальная власть при Никифоре II была сосредоточена в руках куропалата (Диль. 1924, 105–117). Со второй четверти XI в. титул стал даваться нескольким лицам сразу, но до середины века проедром по-прежнему мог быть только евнух. Последнее упоминание о проедре относится к середине XII в. (Икономидис. 1972, 299).
54. С точки зрения православной церкви принципиальное вегетарианство было недопустимо. Лицо, отвергающее ядение мяса «ради благочестия», согласно канонам Гангрского собора, подвергалось анафеме. Никифор наложил на себя эти суровые ограничения, по-видимому, после смерти сына (Панайота-кис. 1972, 247). Однако монахи, в частности Афанасий, негодовали, что, презрев данный им обет уйти в монастырь, Никифор предпочел царство. (Афанасий Афонит. XXV, 246).
55. Видимо, такая версия женитьбы на Феофано распространялась официальными кругами, дабы опровергнуть скандальные слухи о том, что переворот явился результатом страсти к ней Никифора.
56. Этот пассаж многое говорит о самостоятельности мышления Льва Диакона: ведь здесь он рассуждает уже не о недостатках того или иного правителя, а о прочности самовластия как такового.
57. Намек на то, что Феофано красотой могла бы сравниться с Еленой Троянской, женой Менелая, бывшего царем Спарты, т. е. Лакедемона. Но это: уподобление может иметь и «второе дно»: красота Феофано – как некогда красота Елены – стала причиной гибели многих знаменитых мужей.
58. Духовное родство было серьезным препятствием к браку. Как светские законы (Код. Юст. V, 4, 26, 530; Эклога. II, 2; Прохирон. VII, 27; Эпанагога. XII, 31; Василики. XXVIII, 5, 14), так и каноническое право запрещали брак между лицами, принимавшими участие в крещении детей, и их родителями. 53-й канон Трулльского собора объявил браки лиц, связанных духовным родством, не менее кровосмесительными, чем между близкими родственниками.
59. Этим титулом (пропущенным, кстати, в немецком переводе – см.: Лоретто. 53) называли в Византии императрицу, родившую императору детей (Миссиу. 1982, 489–499).
60. Значительно сложнее описано это затруднение у Скилицы (264). Первоначально против брака Никифора с Феофано выступили и афонские монахи, но Никифор своими благодеяниями сумел заставить их признать этот брак (Успенский. 1877, 74). Несмотря на оправдание Никифора, молва об обмане им церкви распространялась. Лиутпранд (197) прямо называет брак Никифора прелюбодеянием. Бракосочетание состоялось 20 сентября 963 г. (Скилица. 260).
61. Слова *** Ф. Лоретта (53) понимает как «против воображаемого врага».
62. Хотя Никифор провел зиму 963/64 г. в Константинополе, военные действия против арабов продолжались, их вел тогда domestik схол Востока Цимисхий (Скилица. 268).
63. Согласно Льву, поход начался ранней весной. Согласно Яхъе – в декабре 963 г. (95). Скилица (268) датирует его июлем 964 г., что вероятнее, поскольку вместе с Никифором отправилась и его жена Феофано с малолетними детьми. Ко времени этого похода относится стихотворная переписка между Никифором и багдадским халифом Аль-Мути (Розен. 109–122).

64. Если понятие *** в этом пассаже Ф. Лоретте многословно передает как «... средств пропитания и других нужных вещей», то целую фразу *** он вообще не переводит (Лоретто. 54). (В настоящее время река Кидн сильно обмелела и изменила русло.)

65. Адана – город в Киликии на судоходной реке Сар; ныне Адана – административный центр вилайета Сейхан в Турции.

66. Анаварза (чаще именовалась Аназарба) – важный город римской провинции Киликии II. Назывался также Кесарией, Юстинополем, Юстинианополем. При арабском владычестве неоднократно перестраивался, последний раз – Сейф-ад-Даулой. Совр. Анаварза в 28 км к югу от г. Козана в Турции (Гоф. 1952). По другим источникам, город был взят в кампанию 962 г. (Маркопулос. 1979, 113-114).

67. Мопсуэстия – старинный город в Киликии, совр. Мисис. Согласно Льву Диакону, был завоеван Никифором в 964 г., но остальные наши источники – Яхья, Скилица, Мискавейх, Якут – называют 965 г. (Апостолопулу. 1982, 165-166).

68. Пирам – совр. Джейхан, река в Турции.

69. В созвездии Стрельца солнце находится с 23 ноября по 22 декабря (240-269°), а в созвездии Козерога – с 23 декабря до 20 января (270-299°), следовательно, согласно Льву Диакону, в 20-х числах декабря 964 г. Никифор распустил войско и отправился на зимовку в Каппадокию. Если прав обычно более точный в хронологии Яхья, то можно предположить, что Лев Диакон ошибся: Никифор отошел от Мопсуэстии в Каппадокию, а весной снова отправился с войском и овладел городом, как это писал Яхья (97-98), – 13 июля 965 г.

1. Ш. Газе считал, что здесь Лев цитирует Гомера (Ил. XI, 390), но это допущение не обязательно.

2. Цифра преувеличена Диаконем: 400 тысяч – число фантастичное. Во-первых, военные трактаты этого времени никогда не упоминают таких армий, во-вторых, в конце четвертой книги Лев пишет, что для осады Антиохии был оставлен отряд лишь в 1500 человек.

3. Сведения о Вавилоне и Семирамиде Лев, видимо, получил в период учебы в Константинополе, на уроках риторики. Эти предания очень популярны в византийской литературе.

4. Иерусалимские стены подробно описаны Иосифом Флавием в книге «Иудейская война» (V, 4).

5. Весна 965 г.

6. Фраза *** – «и бросив свое оружие» Ф. Лоретто (58) не переведена.

7. Членовредительские наказания были широко распространены в Византии (ср. VI, 9). Описанный у Льва проступок законом предусмотрен не был, но бросившего оружие на поле брани ждала смертная казнь.

8. Дука – должность, существовавшая в начале только как воинская. Но с конца X и особенно в XI в. дука (подобно домашней скотины) стал получать, помимо командования фемными войсками, гражданскую власть над фемой или рядом фем, где происходила война. Почетным званием дуки (катепана) жаловались крупные военные деятели, но одновременно, были и дуки небольших местностей, имевших, однако, особое военно-стратегическое и политическое значение. Титул дуки был дарован Цимисхию за то, что он в продолжение зимы и весны 965 г. самостоятельно и успешно вел боевые действия против арабов.

9. Тидей – прославленный в Илиаде герой, неукротимый воин (IV, 373-400). Следует вспомнить, что, согласно мифу, Тидей убил своих двоюродных братьев: быть может, Лев Диакон намекает на трагическую развязку отношений Цимисхия с его кузеном Никифором Фокой.

10. Пассаж навеян словами Гомера о том, что смерть от голода самая жалкая (Од. XII, 342).

11. Согласно Мискавейху, византийцы купили у горожан красивые одежды и передали им вьючных животных для путешествия, так как своих те съели во время осады. Никифор дал им охрану, и пять тысяч тарсийцев отправились в Антиохию. Якут пишет, что средства перевозки достались горожанам за треть их имущества (Апостолопулу. 1982, 164-165). Лев и Скилица приводят более суровые условия сдачи.

12. Согласно Яхье Антиохийскому (98), Таре сдался императору Никифору 16 августа 965 г. После этого область Тарса была объявлена фемой. Скилица (269) пишет, что сдачу принял Лев Фока.

13. Скилица (270) сообщает, что названные сокровища тарсийцы захватили при разгроме византийского войска, напавшего на Таре под командованием domestika схол Стипиоты при Романе I.

14. Зима 965/66 г.

15. Лев Диакон употребляет античное слово «мисяне». Так называли жителей древней Фракии. Лев под мисянами подразумевает славянскую народность болгар, формирование которой завершилось в начале X в. Впоследствии обозначение «мисяне» сделалось в Византии обычным в отношении болгар

16. (см.: Моравчик. 1958, II, 180-181), но Лев Диакон первым употребил его. Одновременно так же стал называть болгар поэт Иоанн Геометр. Эту дань Византия платила Болгарии с 927 г. Подобные выплаты были обычным инструментом имперской внешней политики, и потому описанное дальше Львом «негодование» Никифора нельзя не считать лицемерным.

17. Выше (см. кн. II, примеч. 10) Лев называет скифами венгров, а здесь – уже болгар. Отметим, что вся придуманная Львом речь Никифора находится в вопиющем противоречии с реальностью болгаро-византийских отношений X в.

18. Если считать, что болгарское посольство прибыло в Константинополь зимой 965/66 г., тогда непонятно, как датировать этот упомянутый Львом Диаконем поход: ведь весной 966 г. Никифор отправился войной в Сирию. Мало вероятно, чтобы он мог за одну весну провести две военные кампании в противоположных концах империи. Скорее, встреча Никифора с болгарамии произошла зимой 966/67 г., и поход в Болгарию следует тогда отождествить с той инспекционной поездкой в июне 967 г., о которой пишет Скилица (276-277): по его версии, император, проезжая вдоль болгарской границы, послал письмо царю Петру, требуя, чтобы тот перестал пропускать через болгарскую территорию венгров, грабящих византийские владения. Поскольку Петр уклонился от обещаний, Никифор по возвращении в Константинополь отправил, как об этом сообщает и Лев Диакон, патрикия Калокира на Русь. О войне – ни слова. Большинство исследователей пытались совместить рассказ Скилицы с изложением Льва, но эти попытки остались неудачными. Мы полагаем, что заслуживает доверия версия лишь одного из источников и что предпочтение следует оказать Скилице. Слухи о том, что ромейской державной гордости было нанесено якобы неслыханное оскорбление со стороны болгар и что Никифор смыл позор кровью, могли распространяться в 967 г. и из официальных источников: таким способом император, возможно, рассчитывал восстановить свой пошатнувшийся авторитет среди подданных (Иванов. 1981).

19. Цитата из Гомера (Ил. XVI, 110-111).

20. Гем – совр. Стара-Планина, Родопы – горы в Болгарии.

21. Не странно ли, что Никифор узнал о характере местности Болгарии только во время похода? Да и мог ли он, всю жизнь воевавший в горах, так опасаться их? Мотивы внезапного прекращения войны, приведенные Львом, столь же неубедительны, как и мотивы ее начала (Иванов. 1981).

22. Очевидно, речь идет о разгроме византийского войска болгарами при Никифоре I в 811 г. (ср. ниже: VI, 9).

23. По Скилице (277), Калокир был сыном протевона (видного представителя городской верхушки) Херсона. Род Калокиров, очевидно, принадлежал к знати: Лев Диакон упоминает Калокира Дельфина (X, 9); сохранилось письмо 997 г., в котором молодой Калокир фигурирует как курьер дипломатической миссии к Оттону III (Шрамм. 1925, 98, 100).

Посольство Калокира было отправлено на Русь, по-видимому, в 967 г. (Знойно. 1907, 213-258; Карышковский. 1952, 138).

24. Имя «тавроскифы» впервые встречается у Птолея (III, 5, 11), помещающего этот народ в низовьях Днепра. Там же помещают тавроскифов (называемых иногда скифотаврами) эпитоматор Страбона и Юлий Капитолин. Большинство же авторов считают, что это племя жило в Крыму: Плиний Старший, Страбон, Арриан, Юлий Солин, Псевдо-Арриан, Сине-сий, Зиновий, Амвросий, Евстафий Солунский, Иоанн Цец и др. Наименование «тавроскифы» не ученая выдумка: оно фигурирует и в надписях, в частности в титуле боспорских царей. Видимо, под названием «тавроскифы» имелись в виду тавры горного Крыма, подвергавшиеся сильному влиянию скифской державы, расцвет которой падает на I-II вв. н. э. Тавроскифы представлялись реальным народом еще Прокопию (Постр. III, 7, 10), но в «Житии Иоанна Готского» (IX в.) и «Житии херсонских мучеников» (X в.) упоминание этого народа – уже явная архаизация в духе позднеантичной традиции (Соловьев. 1962).

Лев Диакон первым использовал данное этническое наименование применительно к русским. Видимо, его выбор определяло то, что они приближались к византийским владениям с севера. Существует, впрочем, и такая точка зрения (Талис. 1974, 90-99), что здесь отразилось воспоминание о том времени, когда в Крыму действительно жили русские.

В «Истории» русские названы скифами – 63 раза, росами – 24, тавроскифами – 21 и таврами – 9 раз. В то же время Скилица, использовавший общий с Львом источник, говорит лишь о скифах и росах. Таким образом, «тавроскифы» – нововведение Льва Диакона (Карышковский. 1960, 43-44), после которого этот этникон прочно утвердился за русскими: им пользовались и Пселл, и Атталиат, и Анна Комнина, и Никита Хониат, и др.

25. В Византии были широко распространены представления о скором конце – света. Часто цитировалось библейское пророчество Иезекииля о «Гоге и Магоге князя Рос» (ср. примеч. 39, кн. IX). Созвучное со словом «Русь» слово «рос» стало прилагаться и к появившемуся в середине IX в. на исторической сцене новому народу. В это время патриарх Фотий, говоря о русских как о неизвестном до того народе, называет его *** «пресловутый», намекая на то, что народ Русь и есть загадочные «Рос» Иезекииля (Сюзюмов. 1940, 121-123). Лев Диакон, разумеется, был осведомлен об этом толковании, см. ниже: IX, 6.

26. 15 кентинариев составляют около 455 кг. Впрочем, реальное содержание кентария могло сильно меняться (см.: Дагрон, Морриссон. 1975, 148-152). Если учесть, что согласно Константину Багрянородному, русский наемник получал ежегодно 30 номисм, то окажется, что сумма рассчитана на 3600 человек. Такой армии было бы явно недостаточно для завоевания Болгарии. Но киевский князь Святослав не был наемником: военная помощь входила в условия договора Руси с Византией от 944 г. (ПВЛ. 37-38). Таким образом, переданные через Калокира деньги были лишь подарком. Его миссии благоприятствовали дружественные в то время отношения между Византией и Русью: Лиутпранд (190) сообщает, что в бухте Константинополя он видел 20 июля 968 г. два русских корабля. Направить против неприятеля соседнюю дружественную страну было обычным приемом византийской дипломатии.

27. Из слов Льва можно заключить, что император предложил русский полностью овладеть страной. Но у Скилицы (372) сказано иначе: «выступить в поход против болгар». Тут, видимо, отразилась неясность самого договора, который Святослав понял в том смысле, который передан Львом и который соответствовал его планам (см.: Греков. 1953, 328 и ел.; Левченко. 1956, 254, и ел.), тогда как Никифор хотел получить только помощь от русских.

28. Инцидент на ипподроме, согласно Скилице (275), произошел вскоре после пасхи 967 г. (31 марта), т. е. в начале апреля. Эпизод изложен Львом крайне сбивчиво, видимо, по собственным детским воспоминаниям. Истинную логику событий можно восстановить из Скилицы: на пасху произошли серьезные волнения среди населения столицы, так что епарх Сисиний даже пострадал от толпы; Никифор, пишет далее Скилица (275-276), хотел устрашить горожан демонстрацией военной силы на ипподроме, а народ понял это как замысел возмездия за беспорядки, и началась та паника, о которой рассказывает Лев.

29. Случившаяся в 968 г. засуха вызвала голод, на котором наживались члены императорской семьи. Сам факт, что они занимались хлебными спекуляциями, показывает, что в условиях развитого товарного хозяйства представители провинциальной феодализирующейся знати стремились извлекать доходы теми же методами, что и купцы и ростовщики. Между тем закон запрещал знатным лицам заниматься торговлей (Василики. 56, 1, 21; Код. Юст. IV, 63, 3; Книга епарха. VI, 10; XVI, 4).

30. Стремясь увеличить доходы казны, Никифор притеснял церковь (см. примеч. 18, кн. VI), аннулировал льготы, уменьшал награды для членов синклита. Особенно возмущало народ серьезное повышение цен на хлеб (Скилица. 277-278; Зонара. XVI, 28, 88; Лиутпранд. 193).

Скилица (275) и Зонара (XVI, 25, 83) резко осуждают Никифора за так называемый «тетартерон»: был введен двойной курс номисмы (византийской денежной единицы), причем от вносивших налог требовалась полновесная монета, а казна расплачивалась более легкой. Вопрос о «тетартероне» вызвал острую полемику в научной литературе; попытка денежной реформы Никифора, видимо, не имела серьезных последствий (см.: Книга епарха. 194-198; Дэлггер. 1961, 339; Арвейлер. 1963, 2, 7-8; Хенди. 1972. 57, и сл.).

Согласно Зонаре (XVI, 25, 82), последствия произвола чиновников; при Никифоре были «ничуть не лучше вражеского нашествия». В трактате «О ошибках с неприятелем» (XIX) высказан энергичный протест против хозяйничанья сборщиков налогов, которые наживают много талантов золота, грабя стратиотов, проливающих кровь за государей. Особенно ярко описывает тяжесть повинностей арабский историк Ибн-Хаукаль (Розен. 278-279). По его словам, Никифору удавалось организовать крупные военные походы, не тратя денег казны, а прибегая лишь к налогам. «Взимание этих денег... и было причиной, почему христиане его ненавидели, проклинали его царствование, гневались на его продолжительность и боялись повторения им походов на земли мусульманские». Последовавший дворцовый переворот может быть объяснен в первую очередь желанием военной верхушки избежать назревавшего восстания.

31. Официальная церковь запрещала занятия астрологией, но тем не менее она процветала, в том числе и при императорском дворе. Как видим, для Льва, хотя он и был духовным лицом, мудрость звездочета не уступает провидению аскета.

32. В V в. в восточной части Константинополя был выстроен небольшой дворец, от которого к самой воде спускалась мраморная лестница, увенчанная скульптурой льва, терзающего быка. По этой скульптуре дворец и

получил название Вукoleon. Никифор чуть западнее и дальше от берега построил новый дворец, ставший его излюбленной резиденцией. Дворец был укреплен стеной, внутри которой располагались кладовые, пекарни, конюшни (Гийян. 1949; 1950; 1951; 1952). Император готовил его на случай осады.

33. Праздник Вознесения в 967 г. приходился на 9 мая.

34. Пиги (совр. Балыкли) – пригород Константинополя за западной стеной. Это слово означает «источник»: возле дворца и церкви в этом районе действительно был родник, считавшийся чудотворным (Жанен. 1950, 140–141).

35. Армянские наемники составляли столичный гарнизон. По словам Скилицы, беспорядки были начаты родственниками тех, кто погиб во время паники на ипподроме (ср. примеч. 28).

36. Лев Диакон либо употребляет слово «претор» вместо термина «эпарх», либо имеет в виду логофета претория, управляющего тюремным ведомством (Книга церемоний. 717). Преторий – помещение ведомства эпарха и тюрьма.

37. «Проастий» значит пригород. Но в таком городе, как Константинополь, имения, возникнув как проастии, разрастались и превращались в. районы, которые называли проастиями лишь по традиции.

38. Анарата – пригород Константинополя на азиатском берегу Босфора между совр. Бейлербеем и Анатолигисаром (Жанен. 1950, 442–443). Известно, что наиболее важных преступников сжигали обычно на площади Быка в особой металлической полой статуе, имевшей форму быка (Жанен. 1950, 74). Однако Никифор на этот раз не осмелился произвести казнь в центре города, видимо, опасаясь мятежа.

39. Согласно одним источникам, возраст *** – «отрока» не мог превышать 18 лет, согласно другим – 20 (Томадакис. 1972/1973, 14–15). Только это фраза Льва и дает возможность примерно определить время его рождения – около 950 г.

40. Школы в Константинополе были центром светского образования. Выпускник мог рассчитывать на получение должности при дворе и в рядах чинов-. , ной бюрократии. Распространенность такого образования среди византийской знати придавало ей особый облик.

41. Согласно Скилице (276), Никифор был в панике и едва спасся от ярости народа.

42. Праздновался день Вознесения, а в Византии обычно церковные торжества сопровождались пиршествами. Пьянство в Константинополе было широко распространено. Этот порок приписывали и Константину VII, и Цимисхию (VI, 3), и Иоанну Куркуасу (IX, 5). Гибель полководца Пастилы (I, 4) Лев объясняет тем, что воины были совершенно пьяны. Китайский путешественник, побывавший в Константинополе в VIII в., с удивлением писал, что его жители работают 6 дней, а седьмой день пьют до глубокой ночи (Бичурин. 11, 331),

43. Лев Диакон путается в хронологии: описанный им ниже поход начался 24 октября 964 г. (Шрайнер, 1975, 338) и закончился на исходе 965 г., а он переходит к нему от событий 967 г.

Имеется в виду экспедиция против сицилийских арабов; , их набеги разоряли южную Италию, где византийцы постепенно укрепляли свое положение, организовав фемы Лагувардию и Калаврию. Весь X в. продолжалась упорная борьба с завоевателями за освобождение Сицилии (Шлюм-берже. 1890, 435–471; Гэ. 1904, 290–291). Сохранилось письмо Симеона Магистра, в котором он призывает монахов Олимпа молиться «за наш богоспасаемый флот, посланный в Калаврию» (Даррузес. 1960, 149) – речь идет об экспедиции Никиты.

44 Согласно Скилице, патрикий Никита был друнгарием флота. В Житии Никифора Милетского он назван «стратигом всех сил» (Фалькенхаузен. 1967,

126). До нас дошел автограф этого человека на одной из рукописей, перепиской которых он занимался в плену: «Никита протоспафарий... брат патрикия-препозита и веста Михаила, который был протовестиарием Никифора, христианнейшего императора» (Гийян. 1973, 62-63). См. о нем также примеч. 3, кн. V.

45. Патрикий Мануил Фока был сыном Льва Фоки, дяди Никифора II (Гийян. 1973, 63). О Льве см. ниже: VII, 7.

46. Гимера лежала у совр. Буонфорнелло.

47. Тавромений (совр. Таормина) – город на восточном побережье Сицилии, был захвачен арабами в 902 г., но в 912-913 гг. возвращен, вновь попал к ним в 962 г. (Фалькенхаузен. 1967, 26).

48. Леонтины (совр. Лентини) – местечко к северу от Сиракуз.

49. Причину неудачи сицилийского похода Лев видит опять-таки не в плохой его организации, а лишь в действиях коварной Тихи – судьбы. Разгром византийцев описан в арабских и в латинских источниках (Лиутпранд. 195; Луп Протоспафарий. V, 52-63).

50. Имеется в виду фатимидский правитель Египта эмир Аль-Муиз.

51. В изложении Льва битва была одна, но на самом деле их было две: сухопутная – у Раметты и ожесточенный морской бой в Мессинском проливе (Эйкхоф. 1966, 349-351). Этот разгром произошел в конце 965 г. Византийский флот понес такие потери, что новый стратиг Никифор Эксакионит был вынужден потребовать от италийского населения, чтобы оно само строило корабли для новой экспедиции на Сицилию (Житие св. Нила Нового. 105 А).

52. Имеется в виду поход 966 г., который длился с ранней весны до декабря (Скилица, 270-271). Яхъя (105-108) утверждает, что в июне состоялся обмен пленными с Сейф-ад-Даулой, однако вскоре военные действия возобновились. 7 октября Никифор взял Мембидж (см. ниже примеч. 69), а затем еще ряд городов. В течение недели его войска стояли под стенами Антиохии, но потом осада была снята. Лев Диакон не сообщает об этом походе никаких подробностей.

53. Здесь как бы заканчивается сделанное Львом хронологическое отступление, и он, «перескакивая» через первую половину 967 г., переходит сразу ко второй его половине. Землетрясение произошло 2 сентября 967 г. (Скилица, 277).

54. Клавдиополь – совр. Волу. Город относился не к Галатии, а к Гонориаде. (Ремси. 1890, 451). Лев путает его с Неоклавдиополем.

55. Вопрос о причинах землетрясений был одним из популярнейших у византийских книжников, но из всех существовавших в античности объяснений Византия запомнила лишь Аристотелево, иногда соглашаясь с ним в той или иной форме (как Фотий, Атталиат), иногда отвергая его в угоду «божественному» (Филосторгий, Косьма Индикоплов, Иоанн Лид и т. д.). Последних было несравненно больше. Предпринимались также и попытки скомбинировать обе версии (Симеон Сиф, Евстратий Никейский), встречались и случаи колебаний (Пселл, Никита Хониат). Позиция историков. (Аммиана Марцеллина, Агафия, Феофилакта Симокатты) в этом вопросе также была двойственной, но в целом они склонялись к сверхъестественным объяснениям в ущерб научным. Данный пассаж Льва Диякона навеян соответствующими размышлениями Агафия (II, 14), однако он отказывается от двусмысленного морализаторства этого историка и прямо обращается к Библии (2 Царств. XXII, 8; Иеремия. X, 10) и особенно к псалмам (XVII, 8), авторство которых приписывалось царю Давиду. Подробнее – см.: Кроук. 1981; Погром. 1984.

56. Период с 22 июня по 22 июля.

57. Этот необычный дождь, вызвавший у византийцев опасение, не начинается ли новый всемирный потоп, выпал 5 июня 968 г. (Лиутпранд. 176). Очевидно, Лев вспоминает здесь собственные впечатления.

58. В Библии сказано, что после прекращения потопа между богом и людьми был заключен завет: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтобы она была знаменем завета...» (Бытие. IX, 13).

59. Выбор слов в этом месте навеян Библией (Исход. IX, 8). Лев явно описывает последствия вулканического извержения. И действительно, в 968 г. произошло извержение Везувия (Альфано. 1924, 30-31). До сих пор «История» не использовалась для определения спорной датировки этого извержения.

60. Антиохия (совр. Антакья) – знаменитый город, основанный в 300 г. до н. э. у реки Оронт. Местопребывание антиохийского патриарха. Арабы захватили Антиохию в 637 г. Под их владычеством город потерял свое былое значение, хотя и оставался крупным торговым и военным центром.

61. Яхъя (116-117) пишет, что осада Антиохии Никифором продолжалась три дня (19-22 октября 968 г.).

62. Ф. Лоретте (69) понимает *** – «образцовым строем своего войска» как «блеском своего оружия».

63. Христианская география представляла центром земли Иерусалим (именно поэтому вряд ли правильно переводить *** – «середина земли» как «тыл». Лоретто. 69). Характеризуя Палестину, Лев цитирует Библию (Исход. III, 8; 17; XIII, 5; XXXIII, 3; Числа. XIII, 28; Второзаконие. VIII, 7-10; и т. д.). На самом деле Никифор не доходил до Палестины, а упоминание о ней свидетельствует, может быть, о стремлении придать походам религиозную окраску (Лоретто. 173). И хотя в целом идеи крестовых походов не получили в Византии распространения, именно Никифор был им очень привержен – задолго до западных крестоносцев (Канар. 1936).

64. Эдесса – древняя Бамбика-Урха в Месопотамии на реке Скирте. Город славился христианскими реликвиями – «портретом» Христа и его письмом к Авгару (Бекк. 1959, 192); в 639 г. был завоеван арабами и переименован в Урхай, Урфа (Хонигман. 1935, 96, и ел.).

65. Топарх – полунезависимый князек в пограничной с империей области (Ке-кавмен. 298-306, 405).

66. Рассказ Льва расходится с подробным и обстоятельным сообщением Яхъд (107), который относит овладение святыней легендарного Авгара к 966 г. Эдесса не входила в Палестину, и сообщения о ней Льва (Леонгардт. 1887, 46-48) следует считать ошибкой, так как налицо путаница: Эдессой назван Эмес, где византийцы овладели другой реликвией – головой Иоанна Крестителя (Хонигман. 1935, 96).

67. Античным словом «пеплос» Лев Диакон называет знаменитый «мандилий». Последний был захвачен византийцами в 944 г. действительно в Эдессе – это, видимо, и ввело в заблуждение Льва Диакона. Приводимая им легенда зародилась в III-IV вв., но мотив «чудотворной иконы» появился лишь в конце VI в.; впервые встречаем его у Евагрия. В VII-VIII вв. предание несколько видоизменилось: место иконы занял «плат». Особую популярность эта легенда приобрела в период борьбы с иконоборчеством (ср. X, 5, примеч. 32). Часто «мандилий» отождествляют со знаменитой «Туринской плащаницей», но для этого нет никаких оснований, поскольку все источники согласны, что на нем было изображено только лицо Иисуса (Кэмерон. 1980).

Приводимая Львом легенда о черепице имеет параллель как в греческой, так и в латинской средневековой литературе, хотя его рассказ обладает рядом нигде не повторяющихся особенностей (Аобшютц. 1899, 50*, 51*, 147*, 173).

68. Имеется в виду церковь в Фаре, на территории Большого дворца (Жанен. 1950, 117).

69. Мемпетце (совр. Мембидж) – город, с середины VII в. занятый арабами. По Яхъе (107), Никифор Фока не штурмовал его, а удовлетворился передачей ему святыни: черепицы с изображением Христа. Однако произошло это в 966, а не в 968 г. Лев, несомненно, перенес на Эдессу рассказ, традиционно относимый к Мемпетце: ведь, согласно легенде, Фаддей нес свою реликвию в Эдессу – так зачем же ему было ночевать под стенами этого города и куда отправляться дальше?

70. Триполи – старинный город на Средиземном море. Завоеван арабами в 636 г. Согласно Яхъе (116-119), мимо Триполи Никифор прошел 5 ноября 968 г.

71. Арка – соседний с Триполи город в Финикии. Был разграблен византийцами 7 ноября 968 г. (Яхъя. 119).

72. Согласно Скилице (279), это было не в четвертом, а в третьем часу дня, . 22 декабря 968 г. Видел его и возвращающийся из Константинополя Лиутпранд (211-212). Лев Диакон отмечает, что затмение было полным, и это подтверждается астрономическим расчетом (Грюмель. 1958, 464). Лев сравнивает данное затмение с тем, которое, согласно Евангелиям, случилось при распятии Христа (Матф., XXVII, 45).

73. Таким образом, обучение Льва продолжалось не менее полутора лет (ср. выше, IV, 7).

74. Со времен поздней античности первым городом считался Константинополь, вторым – давно потерянная византийцами Александрия.

75. Видимо, имеется в виду какая-то неизвестная ныне античная басня.

76. Согласно Яхъе (118; см.: Розен. 76), Никифор поручил Аль-Бурджи, т. е. Михаилу Вурце, крупному представителю византийской фемной знати, начальство над построенной около Антиохии крепостью. Эту крепость Яхъя (119) называет Баграс. По Скилице (272), Никифор оставил вместо себя Вурцу, почтив его саном патрикия и назначив начальником охраны города Мавра. Михаил в дальнейшем играл важную роль в падении Никифора и в сирийских походах.

77. Никифор провел в столице зиму 968/69 г.

1. «Стать добычей мисян» – старинная поговорка, означает «подвергнуться опустошению огнем и мечом» (ср. Демосфен, 18, 72; Аристотель. Риторика, 1372 в, 33). В X в. она вдруг приобрела актуальность, так как болгары, населявшие страну древних мисян, совершали многочисленные походы против Византии. Выражение «добыча мисян» широко распространено у историков X-XII вв.

2. Под правителем карфагенян подразумевается эмир Египта – здесь Лев Диакон тоже прибегает к архаизму, называя арабов именем древнего народа. Об этом же эмире – «катархонте афров» см. примеч. 50, кн. IV.

3. По словам Лиутпранда (186), Никита был выкуплен за сумму, «много большую, чем он стоил».

4. Преклонение перед Никифором характерно и для многих других византийских авторов: блестящие победы императора как бы оправдывали все отрицательные стороны его правления. Восторженным поклонником Никифора был поэт Иоанн Геометр, посвятивший ему ряд стихотворений (Иоанн Геометр. 901 С-902 С; 910 А-911 А; 920 А-В; 927 А; 932 А-В; 934 А; 941 В).

5. Титул «архонт» являлся официальным титулом киевского князя в Византии, значение его было определено нечетко. Термин же «катархонт», используемый Львом, еще более расплывчат: так он называет и иноземцев (V, 1; IV, 8; VI, 6), и соотечественников военных (I, 3; II, 1; 11; III, 1; VII, 8) и гражданских (III, 3; 6; V, 6).

6. Это общее суждение о «варварах» широко распространено уже в поздне-античной литературе: так писали о них и Приск, и Прокопий. Оно основывалось на том, что константинопольскому двору действительно удавалось, одаривая вождей «варваров», отвлекать их от набегов на империю и направлять воинственный пыл племен, переживавших стадию военной демократии, на их соседей. Почти слово в слово со Львом поучает сына Константин Багрянородный: «Итак, знай, что все северные племена по природе своей жадны до денег, алчны и совершенно ненасытны. Их натура поэтому всего жаждет и до всего воделеет, и не положены пределы ее влечениям; всегда ей хочется большего, и из малой пользы она желает извлечь большие выгоды» (Конст. Багр. Адм. I, 66, 14-19).

7. Значение миссии Калокира в событиях, связанных с походом Святослава на Балканы, остается во многом неясным. Вряд ли можно сомневаться, что часть населения Древней Руси еще видела в войне выгодный промысел. Однако во внешнеполитической деятельности русских князей явно выступают вполне конкретные государственные задачи. Возможно, Святослав и независимо от миссии Калокира мог после удачных войн с хазарами стремиться к распространению своего государства на Балканы. Наконец, весьма важно, что по договорам с Константинополем, сохранявшим в то время свою силу. Древняя Русь являлась союзником империи (ср. примеч. 26, кн. IV). Тот факт, что для столь важной миссии был выбран Калокир, отражает давние связи Древней Руси с Херсоном.

8. Вряд ли прав Лев Диакон, утверждая, что Калокир сразу стал призывать Святослава к войне против империи. Согласно Скилице (288), это случилось позднее, уже при Цимисхии, что более правдоподобно. И в самом деле, Лев в своем повествовании объединил два похода Святослава в один так, что, помимо прочих недоразумений, произошло смешение целей начальной и последующей деятельности Калокира. Очень возможно, что лишь тогда, когда Калокир получил сообщение об убийстве Никифора, он решил при опоре на Святослава поднять мятеж и захватить власть. Это тем более вероятно, что Калокир, возведенный Никифором в сан патрикия, считался его приверженцем и не мог надеяться на успех своей карьеры при Цимисхии, убийце Никифора. Более убедительным представляется, что версия о начальном этапе действий Калокира, изложенная Львом, исходила от официальных кругов правительства Иоанна Цимисхия. Реальные истоки интриг Калокира следует искать в недовольстве военной аристократии по поводу расправы над Никифором и возведения на престол его убийцы; также необходимо сопоставить активность Калокира с выступлением Фок, происшедшим как раз в это время.

9. Транскрипция этого имени в форме «Сфендославос» позволяет заключить, что в то время в славянском языке сохранялись носовые гласные.

10. Сообщение Льва о численности русского войска некоторые исследователи признают преувеличением (Левченко. 1956, 259-260): трудно себе представить, как Святослав мог перевезти такое войско на лодках-однодеревках и прокормить его во время следования через голодную причерноморскую степь.

Отметим путаницу на этот счет в английской историографии: в «Истории I Болгарского царства» С. Рансимена (1930, 201) сказано, что войско Святослава состояло из 16 тыс. От него эта ошибка перекочевала к другим исследователям (см., напр.: Браунинг. 1975, 71; Ланг. 1976, 67).

Следует, однако, иметь в виду, что уходившее в 971 г. из Болгарии русское войско, после многочисленных боев и пережитого в Доростоле голода, насчитывало все еще более 20 тыс. воинов.

11. Побратимство было знакомо каноническому праву и юридической практике в Византии (см.: Бекк. 1959, 62), но подобный союз с чужестранцем рассматривался как измена (Ш ангин. 1941, 40-41).

12. Скилица (277) относит начало похода Святослава на Болгарию к августу 11 индикта, т. е. к концу лета 968 г. (см.: Карышковский. 1952, 127, и ел.). Время года было удобно для похода: урожай в Болгарии был уже собран, и Святослав мог быть уверен, что войско будет обеспечено продовольствием.

13. Доростолум, Дористол, Дристра (совр. Силистра) – древнефракийский город на Дунае, был основной военной базой Святослава во время его кампании на Балканах.

14. Петр Болгарский, сын Симеона, правил с 927 г. В отличие от своего воинственного отца он в течение всего царствования сохранял дружественные отношения с Византией. Лев Диакон выражает Петру явное сочувствие, что, впрочем, не мешает ему именовать царя *** – «предводитель», хотя официально титул «василевс болгар» и был признан за ним в Константинопле (ср. примеч. 23). Вскоре после кончины Петр был канонизирован болгарской церковью. Дата его смерти – 30 января – устанавливается по сохранившимся литургическим текстам; что касается года, то он точно неизвестен (Иванов. 1970, 383-385). Большинство ученых ныне принимает 970 г., а не 969.

15. Лев Диакон описывает один поход, между тем их было два: первый – в августе 968 г., второй годом позже (Скилица. 277; ПВЛ. 47-50). В промежутке Святослав вынужден был вернуться на Русь, поскольку печенеги осадили Киев – видимо, не без наущения Константинополя, стремившегося убрать из Болгарии опасного союзника. Однако в 969 г. русские снова появились на Дунае, на этот раз уже явно вопреки византийским интересам. Описанные Львом Диаконem приготовления Никифора относятся ко второму походу: император готовился не только к наступательной войне, но и к обороне столицы со стороны моря.

16. Это, несомненно, так называемые катафракты. С появлением тяжеловооруженной конницы катафрактов в среде стратиотов фактически оформилась особая социальная прослойка, впоследствии сомкнувшаяся с пронарами, а возможно, и давшая начало этой новой категории военной знати в империи (Острогорский. 1971, 11; см. также: Рубин. 1955, 264, и сл.).

17. Имеется в виду цепь, преграждавшая вход не в Босфорский пролив, а в бухту Золотой рог: башня Кентинарий находилась в северо-восточной части Константинополя, у подножия Акрополя, а башня Кастеллий – на противоположном берегу Золотого Рога, в Галате (Гийан. 1955, 88-120; Жанен. 1950, 275, 420).

18. На основании этой фразы Льва высказывались предположения, что уже при Никифоре существовал союз между Святославом и болгарам, направленный против Византии (Мутафчиев. 1931, 77-94; Карышковский. 1951, 101-105). Однако из данного абзаца, стоящего в оптативном (желательном) наклонении, можно делать вывод только о предусмотрительности Никифора, которого утрашили быстрая победа Святослава и тот факт, что народные массы Болгарии не проявили особой враждебности к его войску. Никифор потерпел неудачу: он надеялся, что Святослав, разгромив Болгарию, вернется с добычей в Киев, а тот прочно укрепился на севере Болгарии и подчинил ее своему влиянию; об объединении сил болгар и Руси против Византии уже при Никифоре мы не имеем сведений.

19. Никифор предпочел вести переговоры с болгарам, потому что совместная борьба с ними против Святослава дала бы ему возможность

упрочить влияние в Болгарии. Лев Диакон имеет в виду, что болгары были христианами: Болгария приняла христианство от Константинополя в 865 г.

20. Семейство Эротиков было довольно известным в Византии. Прослеживается с X до середины XI в. Из него вышел ряд крупных столичных чиновников (Каждан. 1974, 125-126, 161).

21. Епископ епархии Евхаиты Филофей, очевидно, был опытным дипломатом: он неоднократно возглавлял различные миссии (III, 6-7; Скилица. 310). Ср. примеч. 28, кн. III.

Датировка посольства Филофея и Никифора Эротика связана с известием о том, что болгарские невесты прибыли ко двору императора Никифора только незадолго до его убийства, т. е. проезд послов в Преслав можно датировать осенью 969 г. (Ср. Анастасиевич. 1932, 51-60; Карышковский. 1952, 136.) Вряд ли можно признать удачной попытку П. Мутафчиева (1931, 85, примеч. 25) и М. В. Левченко (1956, 262) отнести дату посольства к началу 968 г. Смысл этой попытки состоял в том, чтобы как-то объяснить дружеский прием, оказанный болгарскому послу в Константинополе в июне 968 г. (о чем нам известно от Лиутпранда, 185-186). Действительно, если бы в 967 г. болгаро-византийские отношения были разорваны, а к июню 968 г. восстановлены, то необходимо замирение сторон датировать 967/68 г. Но это явное насилие над источником: во-первых, Лев Диакон связывает посольство Филофея и Эротика с русским нападением на Болгарию, начавшимся лишь в августе 968 г., а во-вторых, с соглашением о династическом браке. Болгары могли замешкаться с отправкой принцесс в Константинополь, но не на полтора же года. Почести, с какими встречали при дворе в июне 968 г. болгарских послов, свидетельствуют лишь о том, что в 967 г. не было разрыва болгаро-византийских отношений.

22. Лев Диакон, духовное и придворное лицо, не мог не знать, что в Болгарии к тому времени было широко распространено еретическое учение богомилство. Видимо, оно еще не осознавалось в Византии как опасное для церкви и для власти: ни в одном византийском источнике X в. нет упоминаний о нем.

23. Лев Диакон упоминает «царский род», а чуть ниже – «царскую кровь» болгарских владетелей. Еще в 913 г. Симеон Болгарский силой принудил Византию признать за ним царский титул. Мирный договор 927 г. официально закрепил титул *** – «василевс болгар» за сыном Симеона Петром, но византийские авторы упоминали об этом неохотно. Лев Диакон не составляет исключения: он предпочитает называть болгарского царя *** – «вождь», *** – «князь», *** – «предводитель».

24. Сыновьям императора Романа II Василию-будущему императору Василию II Болгаробойце (976-1025) и Константину – будущему Константину VIII (1025-1028) было соответственно 13 и 10 лет. Что касается болгарских девушек, то степень их принадлежности к царскому дому неизвестна: возможно, это были дочери старшего брата Петра – Михаила.

Поскольку в международной иерархии государей, созданной Константинополем, византийскому императору не было равных, династические браки считались унижительными для империи. От них горячо предостерегал сына Константин VII (Конст. Багр. Адм. 70-76). Однако политическая конъюнктура довольно часто заставляла византийцев поступаться державной гордостью: Константин V был женат на дочери, а Юстиниан II – на сестре хазарского хагана; Петр женился на византийской принцессе Марии, внучке Романа I, а киевский князь Владимир Святославич – на сестре Василия II и Константина VIII Анне.

25. Это свидетельствует о том, что столица Болгарии Преслав не была к тому времени занята войсками Святослава. Вряд ли Святослав, покидая

Болгарию, мог повсюду оставлять свои гарнизоны. Скорее его власть простиралась только на некоторые дунайские города, а с царем Болгарии Борисом II был заключен мир.

26. Арабский писатель ал-Бекри рассказывает о болгарях: «Цари их ездят на больших телегах. В углах их четыре крепкие подпоры, и к ним привешен крепкими цепями кузов, который обивается шелком. И потому не трясется сидящий в нем так, как трясется телега» (Куник, Розен. 1878, 57).

27. Мысль о непрочности человеческого благополучия была очень распростра-нена в античной поэзии. В данном тексте Лев Диакон почти дословно воспроизводит знаменитые строки Овидия: «Все на земле как будто на тоненькой нити повисло – Грянет лишь случай какой – счастье сменится бедой». Нет оснований полагать, что Лев Диакон знал латинский язык – просто Овидиева мысль могла проникнуть в широко известные в Византии сборники разных изречений («Пчелы»).

28. Мысль древних о том, что боги завидуют человеческому счастью, странным образом соединилась у Льва с верой во всемогущество христианского бога. То образование, которое получил Лев, причудливо вплетало в христианскую догматику языческие мотивы.

29. Возгордившиеся сыновья Алоэя (Ил. V, 386; Од. XI, 305–320) От и Эфиальт сначала сковали бога Ареса, потом взобрались на Олимп, стремясь ^ попасть на небо, но были сокрушены Аполлоном.

30. О Навуходносоре упоминают все византийские хроники (см., напр.: Кедрин. I, 293, и ел.). Эти рассказы восходят к библейской книге пророка Даниила: в ней говорится об установлении Навуходносором золотой статуи (III, 1) и о страшном падении возгордившегося царя (IV, 28–30). Нередко упоминают хронисты и о гордыне Александра Македонского.. Во время пребывания в Египте в 332 г. до н. э. Александр совершил паломничество в оазис Сива, к оракулу бога Амона, который устами жрецов объявил его своим сыном (Арриан. VII, 3, 2; Диодор. XVII, 50; Курций Руф. IV, 7, 16 и т. д.). Царь принял это провозглашение, чем вызвал-недовольство соотечественников.

31. В рассуждениях о превратности людских судеб отдельные выражения заимствованы Львом у Агафия (IV, 2).

32. Римская идеология провозглашала право Рима властвовать над другими? народами. Как видим, традиции римского «империализма» не были забыты еще и в X в.

33. Взятие Антиохии – крупнейшая победа над арабами – датируется Яхъеиг (124–125) и Кемаль-эд-Дином 28 октября 969 г. – в ночь на 13 зул-хиджи 358 г. хиджры.

34 Согласно Скилице (273) и Зонаре (XVI, 26, 85), Никифор приказал не-предпринимать никаких военных операций против Антиохии, – может быть император считал падение города неизбежным. Но Вурца (см. примеч. 38), возможно, в надежде на добычу при взятии города штурмом, нарушил этои приказание. Никифор разгневался, и, согласно Яхъе (122), Вурца был наказан под предлогом жестокого обращения с жителями Антиохии.

35. Стратопедарх (начальник военного лагеря) – древнее название, забытое-в Византии, но воскрешенное Никифором II в качестве обозначения должности, специально созданной для патрикия Петра, ср. примеч. (Гийян. 1967, 392, 498). Должность практически дублировала функции доместика, с той лишь разницей, что была доступна евнуху. Возможно, ее введение-имело причиной начавшуюся опалу доместика Цимисхия, о которой см. ниже- (Икономидис. 1972, 334–335).

36. Патрикий Петр – военачальник, успешно воевавший против арабов и русских. Назначенный главнокомандующим против восставшего Варды Склира,

был побежден и убит в битве при Липаре в 977 г. Многие исследователи (Н. Адонц, А. Грегуар, Г. Шлюмберже, И. Джурич) считают Петра побочным сыном куропалата Льва Фоки и племянником Никифора II, хотя это мнение не бесспорно (Гийян. 1967, I, 172, 446-447, 499; II, 367; Он же. 1973, 68).

37. Согласно трактату «О сшибках с неприятелем» (III, 8), таксиарх – начальник воинской части в 1000 человек. В данном случае, однако, таксиарх – командир, выполняющий особое поручение.

38. Михаил Вурца (у Яхъи – аль-Бурджи) – крупный военный и политическим деятель, выходец из Малой Азии. Принимал участие в низвержении Никифора, сделал блестящую карьеру при Цимисхии. При Василии II был назначен дукой Антиохии, получил сан магистра. В гражданских войнах занимал колеблющуюся позицию. Впоследствии Вурца командовал византийской армией, действовавшей против арабов. В сентябре 994 г. потерпел поражение от войск фатимидского халифата; в 995 г. Василий II отправил Вурцу в изгнание (Розен. 33). У города Оркистос в Западной Фригии найдена надгробная стела Михаила Бурджи. Можно полагать, что там находилось его имение, в котором он и умер (Кельдер. 1956, 75). Михаил – первый представитель известного еще в XII в. рода Вурц, давшего в XI в. пятерых полководцев (Каждая. 1974, 126, 142, 201).

39. Впервые Никифор появился под стенами Антиохии в 966 г., второй раз – в 968 г. Скилица (272) пишет о существовавшем тогда поверье: император умрет вслед за взятием Антиохии. Никифор якобы знал о нем и поэтому не велел Вурце предпринимать активных действий против города. Но Вурца взял Антиохию и подвергся опале.

40. Праздник в честь сонма бесплотных сил отмечался 8 ноября – в день архистратига Михаила.

41. В дошедшей до нас заупокойной службе по Никифору также говорится: «Из-за молитв ты возлежал не на ложе, но на земле» (Панихида. 406). 'Встречается этот мотив и в народной славянской «Повести об убиении Никифора Фоки»: «Егда хотяше починути, имеше в полате своей камение остро яко и ножеве, и на том почиваше, а постела царска стояше люди ради» (Турдяну. 1976, 63).

42. Михаил Малеин (ум. 961) – крупнейший малоазийский землевладелец, дядя Никифора Фоки по женской линии, в конце жизни монах, игумен Киминской лавры в Пафлагонии, приобретший особенную славу за свои аскетические подвиги. Никифор считал, по-видимому, что мантия святого спасет его от ударов судьбы (см.: Лопарев. 1897, 358-363).

43. Гавань, названная в честь Софии, жены Юстина II, находилась к западу от Вукелеонского дворца, воздвигнутого Никифором. Теперь эта местность называется Кадиргалимани (Жанен. 1950, 133-134, 223-224; 322-393).

44. Слова *** – «заклинала и слезно молила» оставлены немецким переводчиком без передачи (Лоретто. 81).

45. Вступив в конфликт с братом Никифора Львом, Цимисхия подвергся изгнанию в Халкедон. Именно с ним вошла в тайный сговор императрица Феофано. Никифора подозревали в желании обеспечить трон своему роду; ради этого он якобы вознамерился оскопить сыновей Романа (Розен. 140). Феофано решила избавиться от мужа (Скилица. 279; Зонара. XVI, 28). Подробно обо всем этом см.: Сырку. 1883; Шлюмберже. 1890, 745-756; Гийян. 1952.

46. Потеряв к Цимисхии доверие, Никифор сместил его с должности доместика схол Востока. Утверждение Льва, что Иоанн был отправлен в изгнание, более вероятно, чем сообщение Зонары, будто его назначили логофетом дрома (Гийян. 1973, 64).

47. К. Газе (Лев Диакон. 85) и Ф. Лоретто (82) толкуют это место в том смысле, что Цимисхия было запрещено появляться во дворце. Так излагает

события Скилица, однако у Льва выражена другая мысль (Гляйкснер. 1962, 332).

48. Эти слова – аллюзия на Псалтырь (VII, 15).

49. Род Педиасимов прослеживается, хотя и глухо, вплоть до XII в. Все его представители принадлежали к гражданской аристократии (Каждан. 1974, 125, 151).

50. О предупредительной записке упоминает и Скилица (280), но при этом иначе рассказывает об отношении к ней Никифора.

51. Евнух Михаил, брат патрикия Никиты, был патрикием, препозитом и протовестиарием Никифора II (Гийян. 1973, 62; см. примеч. 44, кн. IV).

52. Невесты – те самые девушки царского рода, привезенные из Болгарии для брака с Василием II и Константином VIII.

53. В другом преломлении тот же анекдот о роли, отведенной в заговоре женщинам, мы узнаем от арабского историка Ибн-ал-Атира: «И послала она к Ибн-ал-Шмишку (Цимисхию)... и условилась с ним, что он придет к ней в одежде женской, и с ним еще несколько человек, а она скажет своему мужу, что к ней пришли в гости несколько ее родственниц» (Розен. 141). Вообще, романтический сюжет об убийстве Никифора послужил материалом не менее чем для пяти современных художественных переработок (Турдяну 1976, 54-55).

54. По догадке Р. Гийяна (1952, 122-135), заговорщики лишь высадились в Вуколеоне, а само убийство произошло в Большом дворце.

55. Известна миниатюра из Мадридской рукописи хроники Скилицы (26-2), изображающая Феофано в момент, когда она опускает Цимисхию корзину; миниатюру сопровождают такие слова: «Какое же блаженство ты испытала во время убийства? Себя пожалей – из-за своего преступления печальную долю нашла ты в поцелуях!» (Шевченко. 1969/70, 189).

56. Подробно описывают убийство Никифора Скилица (279-281) и Зонара (XVI, 28, 89), они называют участниками убийства Михаила Вурцу, таксиарха Льва Аваланта (Лев называет его Валантом), темнокожего Феодора Аципофеодора. Последняя фраза отсутствует в немецком переводе (Лоретто. 84).

57. С X по XII в. известны многие представители семьи Валантов, которую арабский поэт Абу Фирас (X в.) называет одной из знатнейших в Византии (Адонц, Канар. 1936, 454).

58. Любопытно, что обращения к богородице появляются на византийских монетах именно с середины X в. (Грирсон. 1982, 194).

59. Это сравнение заимствовано из Илиады (IX, 644). Здесь содержится намек на то, что Никифор так же унизил Цимисхию, как некогда Агамемнон – великого Ахилла.

60. Слово «акуфий» появляется здесь единственный раз, больше в византийской литературе оно не встречается. Видимо, происходит от арабского названия «акуф» (Грегар. 1962, 45; Турдяну. 1976, 96-97). Экзотичность слова подтверждает сам Лев, сочтя нужным объяснить его и прервав для этого свой драматический рассказ. Никто из авторов, описывавших это убийство, не упомянул об акуфий – однако сочинитель славянской «Повести» знал это слово и даже пытался перевести его, исходя из вульгарной греческой этимологии (Турдяну. 1976, 97). Очень вероятно, что в основу славянской легенды так или иначе лег текст «Истории» Льва Диакона.

61. Дату убийства Никифора – в ночь с 10 на 11 декабря 969 г. – приводят и Скилица (279), и Яхъя (131). Продолжительность его царствования Лев Диакон исчисляет ото дня вступления Никифора в Константинополь, Зонара – ото дня провозглашения его императором в лагере у Кесарии (XVI, 28).

62. Хрисотриктин – «золотая палата», роскошный центральный зал в главном императорском дворце, где происходили торжественные приемы императором послов; имел форму восьмиугольника и венчался куполом с 16 окнами. Хрисотриктин постоянно упоминается в Книге церемоний. Подробное его описание см.: Беляев. 1891, 11-44; 1893, б-51; см. также: Жанен. 1950, 114-117.

63. В храме Святых апостолов в Константинополе находилась официальная усыпальница византийских императоров (Доуни. 37-40).

64. Константин I Великий – римский император в 306-337 г. С 325 г. – единодержавный правитель. В 330 г. перенес столицу империи в Константинополь, который и отстроил на месте древнего Византия. Он основал церковь Святых апостолов и первый был в ней похоронен.

65 Армянское *** – от персидского ***, означает «туфля». Слово *** нигде больше в византийской литературе не встречающееся, истолковано в словаре Софоклиса (1900, 770) как «человечек». В действительности же это другое армянское слово персидского происхождения, также означающее туфельку – *** (Ачарян. 1977, 629-630). В Константинополе жило много армян, и ряд армянских слов был хорошо знаком византийцам. Существует, впрочем, гипотеза и о грузинском происхождении Цимисхия (Тихая-Церетвли. 1934).

1. Это место – единственное у Льва Диакона, где год от сотворения мира (969 г.) написан словами и указан верно. Вероятно, там, где даты указаны неверно, следует винить не Льва, а переписчика, спутавшего буквенные обозначения цифр (Карышковский. 1953, 40). Ср. также краткие хроники: Шрайнер. 1975, 158.

2. Иоанн, как и Никифор, считался императором наряду с законными багрянородными Василием и Константином. Поэтому формула провозглашения нового императора обязательно включала их имена. Однако правление кнх василевсов было столь номинальным, что Цимисхий, согласно версии Матвея Эдесского, услав их в провинцию (Адонц. 1934, 367).

3. С Цимисхием Василия связывали давние отношения: еще в 958 г. они вместе разгромили Сейф-ад-Даулу и взяли Самосату (Броккаар. 1972, 214). О карьере Василия см. примеч. 40, кн. II. Фактически он был временщиком уже при Цимисхий, а после его смерти в течение девяти лет до 985 г. единовластно правил делами государства. О его дальнейшей судьбе см. примеч. 56, кн. X.

4. Из этого замечания ясно, сколь ненавистны были Льву городские низы, сколь напряженной была социальная атмосфера Константинополя; грабежи и поджоги начинались очень быстро, как во время переворотов, так и при землетрясениях (Рудаков. 1917, 134-135).

5. Здесь очевидны симпатии Льва Диакона к Фокам. Однако его тон по отношению к Цимисхию очень скоро изменится: новый император своими благодеяниями как бы искупит жестокость совершенного им убийства.

6. Друнгарий флота командовал императорским военным флотом (в отличие от провинциального флота морских фем) и был одним из высших военачальников в Византии (см.: Кекавмен. 628).

7. Друнгарий виглы – начальник дворцовой охраны в Константинополе. Эта должность появилась в 791 г. Люди друнгария виглы, помимо дворца, несли стражу на ипподроме и в суде (Икономидис. 1972, 331).

8. Хотя городская полиция подчинялась епарху Константинополя, функции тайной полиции и охрана порядка в ночное время возлагалась на ведомство друнгария виглы, которого поэтому и называли «ночным епархом» (Икономидис. 1972, 319-320). Ф. Лоретте, по всей видимости, считает друнгария и ночного епарха разными лицами, отчего соединяет их сочинительным союзом (90).

9. Согласно Скилице (284), вест Никифор был раздучен с отцом и сослан на остров Имврос.

10. О топархе см. примеч. 65 к кн. IV. Однако в данном случае имеются в виду стратиги провинций.

11. Амасия (совр. Амасья) – город в феме Армениаки, митрополия. Центр земельных богатств фамилии Фок (Шульце. 1913, 90-117).

12. О дуках см. примеч. 8, кн. IV. Быстрый рост влияния дук начался как раз во второй половине X в. Однако в табели о рангах Филофея, относящейся к середине этого столетия, такая должность, как дук Халдии, поставлена значительно ниже стратига Халдии: возвышение дук в это время, следовательно, еще не началось (Успенский. 1898, 112, 119). Халдия – одна из фем (образована, видимо, в 824 г.) на северо-востоке Малой Азии со столицей в Трапезунде (Хонигман. 1935, 53-54).

13. Слово *** – «душа» пропущено в рукописи Льва Диакона, мы восстанавливаем его по тексту Скилицы (312), заимствовавшего это описание у Льва, но пользовавшегося более исправной рукописью, чем та, что сохранилась.

14. Имеется в виду Одиссей, победивший всех женихов Пенелопы в стрельбе из лука (Од. XXI, 409-422).

15. Аллюзия на Третью книгу Царств (XVII, 16), где, правда, речь идет не о «метафорическом», а о настоящем масле. Под пророком подразумевается Илья.

16. На этом примере особенно очевидна неоднозначность характеристик, даваемых Львом Диаконом своим героям. Видимо, это было столь ново для византийского читателя, что данная глава оказалась изъята из текста «Истории» и попала в одну из семи рукописей Скилицы (XXX, 312-313).

17. В Византии VII-IX вв. церковная коронация не считалась абсолютной необходимостью. Первым в 602 г. в церкви был коронован Фока. Храм св. Софии использовался для этой цели с 641 г. (Т рейтинге?. 1956, 27-30).

18. Патриарх Полиевкт за постоянное вмешательство в дела мирские враждовал уже с императором Константином Багрянородным; Никифор также был недоволен своеволием патриарха в делах церкви. В данном абзаце упомянут изданный Никифором «томос», ущемлявший интересы церкви. Полагали (Делгер. Регесты № 772; Острогорский. 1963, 254), что речь идет об известной новелле XIX императора Никифора 964 г. (Ц.-Л. III, 292) о монастырях. Однако, судя по тексту Льва Диакона, это не так. В «томосе» синоду давался запрет: не принимать каких-бы то ни было постановлений по делам церкви без санкции императора. В новелле же об этом нет ни слова, она лишь запрещает давать завещания на земли в пользу монастырей и церкви. Новелла XIX распространялась на всех граждан империи и монастыри, тогда как «томос» – только на синод. Полиевкт требовал от Цимисхия аннулирования «томоса», а не новеллы (ср. Томас. 1983, 286-287).

При Никифоре без его согласия нельзя было избирать епископов. Кроме того, после смерти епископа имперские чиновники ревизовали доходы и расходы епископии и конфисковали все, что им казалось излишками (Скилица, 274). Епископ Левкаты жаловался гостившему у него Лиутпранду, что из-за антиклерикального законодательства Никифора иерархи совсем-обеднели (Лиутпранд. 211). Всеобщее возмущение византийского клира вызывали меры Никифора, направленные против основания новых монастырей и обогащения старых, а также его требование, чтобы церковь признавала святым всякого воина, погибшего в бою.

19. Видимо, здесь имеется в виду остров Принкип – самый большой из Принцевых островов недалеко от столицы (совр. Канали Ада). По сообщению Скилицы, императрица была сослана в Проконис (285). Бежав оттуда в

Константинополь, она нашла убежище в св. Софии. Однако паракимомен Василий приказал вывести ее оттуда (при этом она отбивалась и всячески поносила Цимисхия и Василия) и на сей раз сослал в далекую фему Армениаки, заточив в монастырь Дамидию. Судьба императрицы не вызвала сочувствия подданных – до нашего времени сохранилась сатирическая песня, написанная простонародным языком и изобилующая издевательствами в адрес Феодано. По-видимому, около года спустя после того, как песня была сочинена, ее исполняли на торжествах по случаю женитьбы Цимисхия на Феодоре (ср. примеч. 40, кн. VII). Текст песни и комментарий см. Морган. 1954.

Молодой Василий II осмелился освободить мать из ссылки лишь после смерти Иоанна Цимисхия (Яхъя. 133). Она была похоронена в церкви Святых апостолов, рядом с двумя своими царственными супругами (Доуни. 37, 41).

20. Острогорский (1963, 243) называет это унижение Цимисхия перед Полиевктом «Каноссой», подобной унижению отлученного от церкви германского императора Генриха IV перед папой Григорием VII. Острогорский считает, что слова «вернул синоду грамоту» означает аннулирование новеллы 964 г., обосновывая это тем, что одна из рукописей (Ц.-Л. III, 292) после текста новеллы XIX содержит надпись, вероятно, читателя: «Эта новелла отменена Цимисхием, потому что она была плоха!» Новелла XIX действительно была отменена, но в 988 г.: это сделал Василий II в новелле XXVI (Ц.-Л. III, 303–304). Очевидно, читатель или писец спутал Цимисхия с Василием. Канонист XII в. Вальсамон также считает новеллу 988 г. отменой несправедливого закона Никифора. Подлинность новеллы 988 г. признана (Каждан. 1960, 74; Зворонос. 1964, 22, 29; Томас. 1983). По-лиевкт же добился только денонсации «томоса», а не новеллы. Второе требование – о наказании убийц – также не было выполнено до конца. Правда, согласно Скилице (285), Цимисхий вернул из ссылки епископов, сосланных Никифором за отказ признать его нововведения.

21. По словам Феодора Вальсамона, помазание на царство сняло с Цимисхия смертный грех убийства (Вальсамон. 1156). Коронация состоялась 25 декабря 969 г. (Скилица. 286).

22. Цитата из книги Иова (I, 3).

23. Больница располагалась на северном берегу Золотого Рога, возле устья реки Барбисс (ср. примеч. 5, кн. VIII). Она была построена императором Констанцием (Обино. 1975, 80–82; 96; 99–100).

24. Рога выплачивалась регулярно на пасху должностным лицам и просто титулованным особам. Поскольку величина роги являлась процентом от вступительного взноса (примерно 9,7%), который вносился для получения титула (Литаврин. 1977, 181), смысл благоденствия состоял именно в том, что Цимисхий увеличил рогу без соответствующего увеличения взноса.

25. Из немецкого перевода получается, что убийц было несколько (Лоретте. 94).

26. Христофор, урожденный Иса, родился в Багдаде; патриархом Антиохии стал в 959 г. Будучи ставленником Сейф-ад-Даулы (см. примеч. 2, кн. II), сохранял ему верность и бежал из Антиохии, когда там поднялось восстание против эмира. После его победы вновь занял патриарший престол. Христофор был убит 22 мая 967 г. в обстановке антивизантийского угара. Его голова была сожжена, тело брошено в Оронт, а резиденция разграблена (Яхъя. 109–111; Занят, 1952).

27. Образ церкви как невесты бога восходит к Ветхому завету. Ср. также: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил церковь» (Эфес. V, 25). Ср. еще 2 Коринф. II, 2.

28. Неизвестно, из какой Колонии происходил Феодор, каппадокийской или армянской. Вероятнее, что он был армянином, как и Цимисхий (Канар. 1953, 566). Феодор I занимал патриарший престол с 23 января 970 г. до 29 мая 976 г. После смерти Христофора временным местоблюстителем был Евстрагий. Арабоязычные антиохийские христиане – «мелькиты» лишились после византийского завоевания своей автономии.

29. Полиевкт (см. примеч. 37, кн. II) умер 5 февраля 970 г. (Грюмель. 1958, 436). Впрочем, если основываться на указании Скилицы (287), что патриарх прожил 35 дней после воцарения, то получается 29 января. До нас дошла прочувственная стихотворная эпитафия на его смерть, написанная Иоанном Геометром (948–950).

30. Впервые концепция священства и царства была сформулирована Юстинианом I (527–565). См.: Новеллы. VI, 1.

31. В Византии церковь находилась в зависимости от государства. В частности, выбор патриарха фактически определялся императором. Тем не менее Ци-мисхий счел нужным сослаться на положение Эпанагоги, византийского свода законов, о равноправии светской и духовной власти.

32. Олимп – гора в Вифинии, недалеко от города Прусы (Брусы). Центр монашества, где в разное время пребывали Феодор Студит, Кирилл (Константин) и Мефодий, Михаил Пселл (Бекк. 1959, 209; Ментон, 1935).

33. Патриарший дворец представлял собой комплекс зданий, включавший как резиденцию патриарха, так и его канцелярию. Располагался недалеко от храма св. Софии (Жанен. 1950, 174; 372–373; Фогт. 1940, 86–88).

34. 13 февраля. Имеется в виду Синод 843 г., восстановивший иконопочитание (Грюмель. 1958, 454).

35. Василий I Скамандрин был Константинопольским патриархом до марта (?) 974 г. (Грюмель. 1958, 436). «Вселенским» патриарх Константинополя стал называться с конца VI в.

36. Русская угроза явственно обозначилась уже в последние месяцы правления Никифора: составленный в это время диалог «Филопатрис» упоминает о набегах «скифов» (334, 342). Очевидно, второе появление Святослава в Болгарии с самого начала носило антивизантийский характер.

37. Это был поход объединенных сил мусульман во главе с Захаром (Скилица. 287). По Яхье (142–145), пятимесячная осада Антиохии окончилась неудачей.

38. Патрикий Николай получил для защиты Антиохии под свое командование войска стратига Месопотамии (Скилица. 287). Этого Николая дважды, при Никифоре и Цимисхий, посылали для переговоров к халифам (Гийян. 1974, 66).

Цимисхий, не чувствуя еще себя на троне уверенно, поставил во главе войска евнуха, со стороны которого не могло быть опасности мятежа.

39. Таким образом, дело не должно было ограничиться суммой в 15 кентинариев. Цимисхий предложил Святославу выплатить остальные деньги за поход. По-видимому, пока Никифор сохранял мирные отношения с русскими в течение 968 г., Святослав также получал от него еще какие-то суммы: «...и седе княжа ту в Переяславце емля дань на грецех», – сообщает летописец (ПВЛ. 47).

40. Эти слова дали многим историкам пищу для предположений о существовании приазовской Руси. Но данная гипотеза зиждется лишь на неточности перевода, как латинского – Газе, так и старого русского – Попова (Карышковский. 1960, 40–43). Однако Д. Л. Талис считает, что Боспор недаром связывался в сознании Льва Диакона с Русью: ведь арабские писатели называют Боспор Россией, и это далеко не единственный топоним с корнем «рос» в Крыму. Тогда по-новому встал бы вопрос об употреблении

применительно к русским этнонима «тавроскифы» (Талис. 1974). Впрочем, археологических свидетельств русского присутствия в Крыму до конца X в. нет (Гадло. 1968, 65).

Итак, несмотря на то что дискуссия о причерноморской Руси ведется давно (Половой. 1961; Цанкова-Петкова. 1970; Литаврин. 1972, и т. д.), вопрос этот попрежнему остается открытым (Удальцова. 1969, 129; Арвейлер. 1971).

41. В обмен на уступку Мисии ромеям Цимисхий признавал право Древней Руси на владение Керченским проливом. Фактически он предлагал Святославу продолжать завоевания в Северном Причерноморье, где в то время кочевали печенеги. Согласно русской летописи, и Ольга была недовольна походами Святослава в Болгарию, усматривая главную опасность в кочевниках; такой взгляд являлся вполне реалистичным не только в ситуации того времени, но и для дальнейшей истории Древней Руси.

42. В действительности все было наоборот: со второй четверти IX в. историческая Македония (за исключением области Фессалоники) входила в состав первого Болгарского царства. Для имперских идеологов, однако, северной границей Византии по-прежнему оставался Дунай, как и сотни лет назад. О расширительном толковании термина «Македония» в Византии см.: Амантос. 1924, 44.

43. Котраги (кутригуры) – тюркское племя, жившее у Азовского моря в V–VII вв. (Моравчик. 1958, II, 165). По Феофану (356), это народ, одноплеменный с болгарами. См.: Лишев. 1954, 352; Цанкова-Петкова. 1954.

44. В рукописи Льва Диакона – «харары», но это явная описка. Ранние известия о хазарах относятся к IV в. Кочевали в Западно-Прикаспийской степи. В течение нескольких столетий Хазарский хаганат был великой державой Восточной Европы. В 965 г. хазары были разгромлены Святославом (Данлоп. 1954; Гумилев. 1966).

45. Народ хунавов упоминается также у Псевдо-Каллисфена (792); кроме того, во многих источниках фигурирует епископство Хунавия на западе Балкан. В «Слове о полку Игореве» встречаются некие «хинова» (см.: Словарь-справочник. 1984, 120–122). Видимо, все это разные звучания этнонима «кун»; племя с таким названием образовало восточную часть половцев (Добродомов. 1978, 103; 125). Ср.: Моравчик, 1958, II, 347.

46. Константин IV Погонат был византийским императором в 668–685 гг. Болгары появились на Дунае в 70-х годах VII в.

47. Имя Булгара, якобы родоначальника болгарского народа, впервые встречается в латинском переводе Феофана Анастасием Библиотекарем, на основании чего издатель К. де Боор произвел конъектуру греческого текста (Моравчик. 1958, II, 98). См.: Ангелов. 1971, 346. Упоминание о Булгаре имеется и у Иосифа Генесия (85–86). Кроме того, в рукописи, опубликованной Сп. Ламбросом (1917, 112) и представляющей собой род краткого справочника, есть фраза, буквально соответствующая тексту Льва Диакона. Историк мог воспользоваться одним из таких справочников, или же, наоборот, автор справочника Ламброса мог списать фразу у Льва. Наконец, имя Булгара известно Михаилу Сирийцу (Михаил. 110).

48. Это – единственное место, где Лев называет Болгарию ее собственным именем. Данный экскурс ничем, кроме упоминания о Котрогах, не напоминает знаменитый экскурс Феофана (368–369; 372–375); источник сведений Диакона неизвестен.

49. Леонтий совершил переворот против Юстиниана II в конце 695 г. и был свергнут сам в результате восстания на флоте в 698 г. Он был также лишен носа и сослан.

50. Юстиниан II взшел на престол в 685 г. Свергнутый в 695 г. и сосланный в Херсон, он бежал оттуда сначала к хазарам, а затем к

болгарам. В 705 г. Юстиниан во главе болгарского войска подошел к Константинополю и сверг Тиверия III. Убит в 711 г.

51. Херсон, древний Херсонес, Корсунь русских летописей – центр византийских владений в Крыму.

52. Меотида – древнее название Азовского моря.

53. Первое упоминание о протоболгарах относится к IV в. Тогда они кочевали в Приазовье. Во второй половине VI в. протоболгары разделились: часть их ушла на Запад, в Паннонию (это, очевидно, и имеет в виду Лев, говоря об их «блуждании» по Европе), а часть осталась в Приазовье, известная под названием кутригуров («котрагов» – у Льва). В последней трети VII в. произошло второе разделение протоболгар: под давлением хазар часть их ушла на Среднюю Волгу, а часть – во главе с ханом Аспарухом – дошла до Дуная и поселилась в Южном Поднестровье, в так называемом Онгле. В 680 г. Константин IV предпринял неудачный поход против них, после чего болгары утвердились в Мисии и Добрудже вплоть до Варны.

54. Лев Диакон ошибается в определении территории, обещанной болгарам Юстинианом II: к 705 г. болгары уже четверть века жили к югу от Дуная, после же воцарения Юстиниана II им была уступлена область Загорье (район совр. Сливена). Данный пассаж обнаруживает незнание Льва с трудами как Феофана, так и Константина Багрянородного.

55. Уже в 708 г. византийцы предприняли неудачное нападение на болгар. С 712 г. болгарский хан Тервель, в свою очередь, начал опустошать византийскую Фракию.

56. Никифор I (Лев называет его «древним» в противоположность Никифору Фоке) пришел к власти в 802 г. в результате переворота, когда была свергнута императрица Ирина. Внешняя политика Никифора была неудачной: при нем вновь перешли в наступление арабы и болгары. В 811 г. император предпринял поход против Болгарии и занял ее столицу Плиску. Но на обратном пути 26 июля его войско было атаковано болгарскими войсками в горных проходах и целиком уничтожено; сам Никифор I при этом погиб.

57. Константин V, сын императора Льва III, вступил на престол в 741 г. Население столицы с неприязнью относилось к новому императору и дало ему прозвище «копроним-гноеименитый». Военные предприятия Константина были успешны: он отразил натиск арабов; совершал походы против болгар в 756, 763, 768, 773-774 гг.; замышлял полностью подчинить Болгарию, и некоторые круги болгарской знати сочувствовали его планам. Однако флот, посланный в 766 г. для завоевания Болгарии, был рассеян бурей, а дальнейшие походы были безрезультатны. Умер Константин в 775 г.

58. Константин VI был внуком Константина V и сыном Льва IV. Со смертью последнего в 780 г. его вдова Ирина стала регентшей при малолетнем Константине VI. Внешнее положение Византии в тот период резко ухудшилось. В 789 г. болгары вторглись в Македонию. Константин VI выступил против них и был разбит. Попытка реванша, предпринятая им в 796 г., также оказалась не вполне удачной. В 797 г. по приказу матери Константин был ослеплен.

59. Эти слова могли быть написаны лишь до решающих побед Василия II над болгарскими войсками. Но вопрос в том – какие победы Василия следует отнести к решающим? Так мы сможем определить дату, ранее которой написал свою «Историю» Лев Диакон. М. Я. Сюзюмов считал, что данный пассаж не мог быть написан после победы над болгарскими войсками в 991 г., когда был взят в плен царь Роман (Сюзюмов. 1916, 138; 1971, 128). По мнению же П. О. Карышковского, поражение Болгарии в 991 г. не было решающим: во-первых, болгары немедленно после этого перешли в наступление; во-вторых, Роман уже давно лишь номинально был правителем Болгарии – реальной властью обладал Самуил. Таким образом, отправной датой становится 996 год-время

Сперхейской битвы (Карышковский. 1953, 41, примеч. 5). Следует учитывать, однако, что Лев Диакон говорит о поражении болгар «на их собственной земле». В 991–994 гг. Василий II не решился вторгнуться во внутренние области Болгарии, в 996 г. Никифор Уран разгромил Самуила в сердце Греции, на реке Сперхей, вдали от болгарской земли. Значит, данный пассаж мог быть написан в любое время до 1001 г.

60. Видимо, власть Святослава все же не распространялась на западную часть Болгарии, которая в дальнейшем стала очагом болгарского сопротивления византийской экспансии.

61. Филиппополь – город во Фракии на реке Эвр (Марица), ныне Пловдив. Основан в IV в. до н. э. Филиппом Македонским на месте фракийского поселения Пулпудева.

62. Цифра 20 тыс. – очевидное преувеличение, тем более, что, как явствует из «Истории», это была даже не большая часть населения города. Но самый факт террора в Филиппополе достоверен: по сообщению Скилицы (285), Цимисхий вскоре переселил туда значительное число «манихеев» из Малой Азии – видимо, город совсем обезлюдел. На то же самое указывает и русская летопись: «И поиде Святослав ко граду, воюя и грады разбивая, иже стоят и до днешняго дня пусты» (ПВЛ. 50). О разгроме Филиппополя пишет и Анна Комнина (394–395). Расправа над Филиппополем свидетельствует, что не только среди болгар не было единства в отношении к Святославу, но и политика самого Святослава в Болгарии была неоднозначной. Филиппополь находился недалеко от византийской границы, и проимперские настроения явно были там сильнее, чем в северной Болгарии.

63. В этих запальчивых словах Святослава могло отразиться смутное воспоминание о тех временах, когда славяне в VII в. заняли практически весь Балканский полуостров (Аитаврин. 1986, 378).

64. Имеются в виду мирные договоры Византии с Русью 907, 911 и 944 гг. Ссылка на божье посредничество содержится во всех трех договорах. 907 г.: «... целоваше сами крест, а Олега водиша и мужей его по роту по русскому закону»; 911 г. – «... честным крестом с Святою единосущною троицею единого истинного Бога нашего. . . мы же кляхомся ко царю вашему, иже от Бога суще, яко Божие здание, по закону и по покону языка нашего не преступати на нем, ни иному от строки нашея от уставленных слов мира и любви»; 944 г.: «Аще кто преступит ее... да будет клет от Бога и от Перуна».

65. Игорь княжил с 912 г. Объединил восточнославянские племена между Днестром и Дунаем; в 941 г. предпринял неудачный поход на Византию; в 944 г. заключил с нею договор.

66. Имеется в виду договор Олега. Многие исследователи считают его поход легендарным, но данное упоминание Льва – единственное в византийской литературе – доказывает его истинность (Сюзюмов. 1916, 165; Васильев. 1951, 176–177).

67. Число 10 тыс. фигурирует во многих источниках. Оно известно Скилице (229), Зонаре (III, 476), Нестору (49). Более правдоподобно сообщение Лиутпранда о тысяче кораблей.

68. Данный пассаж может служить доказательством знакомства Льва Диакона с житием Василия Нового, тоже повествующим о походе Игоря (Карышковский. 1960, 47), где читаем: «... едва спаслись в свою землю, чтобы рассказать о том, что с ними случилось» (Василий Новый. 86, см. также 84).

В Константинополе знали о приближении Игоря. И хотя византийский флот был в это время далеко на Востоке, протовестиарий Феофан, возглавивший оборону столицы, отремонтировал по приказу Романа I несколько старых торговых судов и снабдил их «греческим огнем». 8 июля 941 г. у входа в Боспорскую гавань русский флот был подожжен и отступил. В то время как

большая часть русских сил высадилась на черноморском побережье и продолжала боевые действия до сентября, сам Игорь сразу же вернулся в Киев (Половой. 1961), так что сведения Льва Диакона верны (см. также примеч. 42, кн. IX).

69. Игорь был убит у Искоростеня, в земле древлян, при попытке вторично собрать с них дань осенью 944 г. (ПВЛ. 39-40). Упоминание о германцах загадочно. В Византии IX-XII вв. так называли французов. Может быть. Лев Диакон или писец со слуха приняли форму ***. (так называет древлян Константин Багрянородный) за ***, но возможно – историк хотел здесь средствами традиционной книжности подчеркнуть, что это племя живет на западе Руси (Диттен. 1984). В летописях есть прямые указания на то, что земли древлян не причисляли к русской земле (Насонов. 1952, 29; 55-56). Это племя отличалось от племен, составивших ядро древнерусской народности, и по происхождению, и по обрядам, и по диалекту (Третьяков. 1948, 136); Лев Диакон считал нужным как-то маркировать эту обособленность древлян и связал ее с их местоположением на западе русской земли.

70. Ошибочные переводы этого слова у Газе (Лев Диакон. 106) и Попова (66) породили предположение, будто русские имели в своем флоте огненосные суда (см., напр.: Чертков. 1843, 194; Шлюмберже. 1896, 43). В действительности же *** – это жрец-факелonosец, сопровождавший в походах армию лакедемонян и являвшийся неприкосновенным. Гибель неприкосновенного жреца очень рано стала метафорой гибели всего войска: см., напр.: Геродот (VIII, 6), Михаил Пселл (II, 27). В. Г. Васильевский, приводя примеры ошибок в переводе Д. Попова, в этом месте и сам ошибся (1909, 99).

71. «И посла къ грекомъ глаголя „хочю на вы ити и взяти градъ вашъ», – сообщает летописец (ПВЛ. 50). Угроза Святослава вызвала в Константинополе панику. Именно к этому времени, согласно Скилице, относится эпитафия, начертанная на надгробье Никифора Фоки митрополитом Иоанном Милитинским. Вот отрывок из нее: «...ныне восстань, о владыка, и построй пеших, конных, лучников, свое войско, фаланги, полки: на нас устремляется русское всеоружие. Скифские племена рвутся к убийствам. Все те народы которые раньше трепетали от одного твоего образа ... ныне грабят твой город... Если же ты не сделаешь этого, тогда прими нас всех в свою могилу» (Скилица. 282-283). Ср.: Карышковский. 1953, 22й. Можно предположить, что к этому же времени относится пророчество, начертанное на цоколе конной статуи, стоявшей на площади 1 авра, – по словам автора анонимного трактата «Древности Константинополя», написанного около 995 г., на нем «вырезаны рассказы о последних днях города, когда росы будут готовы разрушить этот город» (Древности. 176).

72. Презрительное упоминание о «трудах рук своих» могло содержать намек на византийское фемное войско, которое все еще состояло из стратиотов-крестьян, ведших хозяйство, тогда как в дружину Святослава входили воины-профессионалы.

73. «Мужи крови» – цитата из Второй книги Царств (XVI, 7-8). Это выражение встречается у Льва Диакона и в других местах (см.: III, 1; 4). Ясно, что если Лев и пользовался архивными материалами (Карышковский. 1953, 53), то в своем труде их не цитировал, а свободно пересказывал: ведь библейская реминисценция не могла прийти в голову язычнику Святославу.

74. Армянский историк Асохик упоминает «отряд пехоты, называемый отрядом саларов (военачальников)» (128), который, видимо, тождествен отряду «бессмертных»; комплектовался из детей погибших воинов, часто упоминается в источниках конца XI-начала XII в. (Икономидис. 1972, 332-333).

75. Варда Склир (ок. 920–март 991) – одна из самых ярких фигур этого периода (см. о нем: Зейбт. 1976, 29–58). Его биография прослеживается в дальнейшем Львом Диаконом. Знаменитый малоазиатский род Склиров известен с IX до XII в. Эта семья дала многих выдающихся полководцев, и ее влияние не было сломлено (как это произошло, к примеру, с родом Фок) гонениями Василия II против военной знати (Каждая. 1974, 125, 141).

76. Мария Склирина, дочь Фотиноса, умерла до 969 г. (Зейбт. 1976, 29). Об этом, согласно Льву Диакону (V, 5), напоминала Феофано Никифору Фоке, говоря о необходимости женить Цимисхия.

77. Эта стычка со «скифами», походя упомянутая Львом Диаконом, имела, очевидно, большее значение, чем то, которое он пытается ей придать. Об этом свидетельствует хотя бы участие в битве Петра. Вообще события 970 г., отраженные в русской летописи, не освещены в греческих источниках (Сюзюмов. 1916, 163–164). Видимо, сражение имело неблагоприятный для византийцев исход: вплоть до битвы у Аркадиополя успех сопутствовал русским.

78. Имеется в виду остаток зимы 969/70 г.

79. Можно полагать, что Лев говорит о языках врагов (славянском и норманском). Но более вероятно, что имеется в виду греческий и славянский. Роль таких соглядатаев могли выполнять те болгары, которые приняли византийское подданство; в X в. русские и болгары, несомненно, свободно понимали друг друга.

80. В X в. под этниконом «гунны» подразумевались венгры (Моравчик. 1958, II, 235), ср. примеч. 10 к кн. II. Скилица называет их турками (288),, как и Константин Багрянородный.

81. Скилица различает характер взаимоотношений русских с болгарами и их отношения с венграми и печенегами, которые, хотя и были союзниками Святослава, действовали, однако, отдельно (Скилица. 289).

82. Род Алакасов имел печенежское происхождение, возвысился в первой половине XI в. (Каждая. 1974, 126; 139).

83. Согласно Скилице (289), задача патрикия Алакаса состояла не только в разведке: его отряд должен был спровоцировать противника и, изобразив притворное отступление, завлечь его в засаду.

84. О численности ромеев Скилица приводит правдоподобную цифру: 12 тыс. г. но русских, по его уверению, было 308 тыс., что совершенно невозможно (Скилица. 288).

85. Константин Склир – брат Варды и муж Софии, дочери Льва Фоки. Во время мятежа, возглавленного Вардой Склиром, успешно командовал армией повстанцев в битве при Рагеа в 977 г. После подавления мятежа бежал в 979 г. вместе с братом в Багдад. Умер 11 марта 991 г. (Зейбт. 1976, 58–60).

86. Скилица утверждает (290), что попали в засаду и погибли одни печенеги, и только после этого между собой столкнулись главные силы.

87. По словам самого Льва Диакона, исход битвы был долго неясен, поэтому приводимые им цифры потерь сомнительны.

88. Сражение под Аркадиополем (совр. Люле-Бургаз) весной 970 г., описанное Львом, часто отождествлялось с битвой, о которой повествует русская летопись, – предпринимались даже попытки усомниться в правдивости рассказа Льва Диакона (см., напр.: Белов. 1873, 172–175; Дринов, 1876, 469–470). Однако нельзя усматривать в обобщенном изложении летописи (ПВЛ. 50) указание на какое-либо конкретное сражение.

89. Это сообщение Льва Диакона трудно объяснить: ведь малоазиатские войска, находившиеся под командованием Варды Склира, были переправлены в Европу перед аркадиопольской битвой (Скилица. 288) и немедленно вернулись в Азию для подавления вспыхнувшего там восстания Фоки. Это известно и

самому Льву Диакону (VII, 3). Попытка Ф. Лоретте объяснить это место путем добавления при переводе фразы слов «еще дополнительные войска» (Лоретте. .104) – ничего не дает. Видимо, Лев поставил данный пассаж не на свое место, и он должен быть отнесен к концу следующей, VII книги (Сякумов. 1916, 160).

90. Если высказанное только что предположение верно, то имеется в виду весна 971 г. Эти же слова читаем в восьмой главе VII книги (см. примеч. 37. кн. VII).

1. Парсакута – местечко в феме Армениаки, где, по-видимому, были главные поместья Фок и куда на жительство были сосланы родичи Никифора Фоки после его убийства. Местоположение Парсакуты не установлено (Шлюмберже. 1896, 61, примеч. 1).

2. Братья не примыкали впоследствии к апостасиям (мятежам против правительства) времен Василия II. Напротив, Варда разбил при Авидосе флот мятежника Склира, а Никифор посредничал при сдаче последних сторонников Склира во Фракийской феме в 980 г. (Гийан. 1973, 67). Малоазийский род Парсакутинов угас уже при Василии II.

3. К Фоке примкнули лица из *** – «своих», т. е. уже традиционно связанных политически и экономически с семейством Фок.

4. Лев здесь почти буквально повторяет мысль Агафия (III, 11).

5. Апостасия обосновывалась необходимостью поставить вместо «плохого» самодержца «хорошего», который, конечно же, обещал улучшить положение народа – эти обещания находили отклик в массах. Поэтому апостасии иногда переплетались с крестьянскими движениями.

6. Амπεла можно считать руководителем крестьянского восстания, примкнувшим к апостасии Фоки. Поскольку Скилица (291–292) называет Амπεла патриkiem, следует думать, что он сумел выдвинуться после перехода на сторону правительства. Газе (467) приводит сведения, согласно которым Амπεл стал впоследствии патроном монастыря Никифора Милетского.

7. Под «македонцами» Лев подразумевает стратиотов европейской фемы Македония (ср. примеч. 32, кн. III).

8. Дикастирии – учреждения светского суда в Константинополе. Характерно, что в данном случае епископа предварительно судили светские судьи, и только потом дело было передано церковной инстанции – синоду епископов, что противоречило каноническому нраву.

9. Версия об ослеплении ошибочна. Как выясняется из дальнейшего рассказа Льва (IX. 3), Цимисхий отменил этот приказ. Точнее об этом у Скилицы (294). Тот факт, что Лев не исправил ошибку, свидетельствует о незавершенности «Истории».

10. До описываемого времени титул «стратилат» не был конкретным с тех пор как в 970 г. он был дан Склиру, источники начинают упоминать некую «тагму стратилатов». В XI в. появляются стратилаты Востока и Запада, но четкое значение термина определить трудно (Икономидис. 1972, 332).

11. Дорилей (совр. Эски-Мехир) – город во Фригии (Рэмси. 1890, 204; 473).

12. Ее звали София.

13. У Скилицы (292) текст писем не приводится, хотя и говорится о посланцах от Склира к мятежнику. Можно предполагать, что Лев Диакон имел возможность ознакомиться с этими письмами, содержание или текст которых он передал, используя лексику Агафия (Газе. 470).

14. Сентенции о пользе разумного совета рассеяны у многих, античных авторов: Геродота (VII, 16), Софокла (Антигона, 1031–1032), Ксенофонта (Анабасис, VI, 4) и т. д.

15. По Скилице (292), войска Склира от Дорилея двинулись по направлению к Кесарии Каппадокийской: возможно, там, у реки Галис, и находилось селение Дипотам.

16. Следовательно, в войске мятежника было много бедняков, от которых лазутчики не хотели отличаться (Каждан. 1952, 92).

17. Патрикий Диоген Андралест (Скилица называет его Андралест) – видимо, потомок того Андралеста, который был при Романе I домашником схол (Гийян. 1974, 59). Согласно Скилице (292), к Склиру переметнулись и Парсакутины.

18. С уходом Амπεла Варда Фока фактически остался без войска. Следовательно, Амπεл был не одиночкой-изменником – вместе с ним отошли от мятежа и широкие массы. Более четко об этом сказано у Скилицы (292– 293).

19. Псалтырь. XXXIV, 1.

20. Этот эпизод почти дословно приводит и Скилица (293), использование общего источника здесь очевидно (у Скилицы есть некоторые подробности, которых нет у Льва).

21. Крепость Тиранов лежала на пути от Гераклеи (Эрегли) к Адане (Лонигман. 1935, 46, примеч. 1). Впрочем, Грегуар (1935) предлагает здесь конъектуру – вместо «Тиранов» читать «Тианы» (старинный город-крепость южнее Кесарии в Каппадокии). Рэмси (1891, 140–141; 355–356) предлагает другую конъектуру – Тириаинон (совр. Ильхин). У Скилицы крепость названа Тиропион (293). Что касается названия Антигус, то оно есть в арабских источниках: это местечко юго-западнее Кесарии, у совр. Тосия (Васильев. 1903, 93, примеч. 4).

22. Вардаэтта – дословно «поражение Варды». Локализовать этот топоним не представляется возможным (Грегуар. 1935, 252). Рэмси (1891, 140) считает, что это Месомакта юго-восточнее Дипотама; другое название этого места было «Варетта» (совр. Ах-Шехер-Гюле) – его-то Лев и переосмысливает в духе «народной этимологии».

23. Тифловивария – «пляска слепых».

24. Лев Фока, сын Никифора Фоки Старшего, был родным братом кесаря Варды, деда того Варды, о котором здесь упоминает Лев Диакон.

25. Дословно «горе Льва». Это место упоминается и в других источниках. Скилица (211) приводит первый вариант названия, Продолжатель Феофана (396) – второй. Может быть, это совр. Голанта в Галатии (Грегуар. 1936, 538–539).

26. Лев VI Мудрый – византийский император в 886–912 гг.

27. Александр правил с 11 мая 912 г. до 6 июня 913 г.

28. Константину VII Багрянородному было тогда 8 лет.

30. Болгарский царь Симеон (878–927) правил с 893 г., вел упорную борьбу с Византией. Он разбил ее войска в 894–896 гг., принудил к территориальным уступкам в 904 г. В 912 г. Симеон появился под стенами Константинополя, и патриарх Николай Мистик вынужден был короновать его как кесаря (впрочем, это спорный вопрос в науке), а его дочь объявить невестой юного Константина VII. Византийцы, однако, вскоре отказались от этих уступок, и в 914 г. Симеон вновь начал военные действия, не прекращавшиеся вплоть до его смерти.

31. Хронология симеоновых притязаний не вполне ясна. Златарский (1918, 399) отнес провозглашение Симеона императором, а болгарской епископии – патриархией к 918 г. Рансимен (1930, 163, примеч. 2) обратил внимание на то, что данный пассаж Львом Диаконем не датирован. В действительности Симеон объявил себя «императором и самодержцем ромеев и болгар» в 925 г. (там же. 173), но примерно с 915 г. византийцы перестали именовать его даже более скромным титулом «император болгар», который был признан за ним в 912 г. (Острогорский. 1934, 282–285). Видимо, восстановления этого

титула и требовал Симеон перед анхимальской битвой, а Лев Диакон допустил здесь хронологическую неточность, перенеся на это время притязания Симеона, выраженные им в 925 г.

32. Битва произошла 6 августа 5 индикта (917 г.), по другим известиям – 20 августа (Златарский. 1918, 405). Скилица, подробно описав и битву в последующий мятеж Фоки (205–211), приводит две версии, объясняя поражение византийцев, – одна совпадает с версией Льва Диакона, по другой – византийское войско обратилось в бегство, увидев, как Лев Фока упал с коня.

33. Лев называет битву по близлежащему городу Анхиялу, а другие авторы – по реке Ахелю. Анхиял – совр. Поморие, около Несебра в Болгарии. Поле, на котором произошла битва, и по сей день именуется Кокыла, что по-гречески значит «кости» (Недев. 1975).

34. Василеопатор – дословно «отец императора». Этот титул был введен Львом VI в 899 г. для временщика Стилиана Заутцы. Роман I Лакапин стал василеопатором в 919 г., когда женил юного Константина VII на своей дочери Елене (Лерой-Молинген. 1968).

35. В рассказе о событиях 917–920 гг. Диакон использовал источник, явно враждебный семейству Фок. В 920 г. мятеж Льва был подавлен, в 921 г. Роман I был провозглашен императором (см. примеч. 39, кн. III).

36. Почти дословно повторяется и у Скилицы (293), который называет этого смельчака Константином Хароном.

37. Судя по общему развитию событий, это была весна 971 г. Зонара (XVII, 2) сообщает, что император отправился в поход на втором году своего царствования. Если он вступил на престол в декабре 969 г., то весна второго года царствования – это 971 г. (ср. примеч. 40).

38. Куркуасы – одна из феодальных фамилий, известных с IX по XII в. (Каждан. 1974, 125, 149), происходит с Кавказа. Иоанн Куркуас Старший прославился победами над арабами в правление Романа I и Константина VII (Прод. Феоф. 415; 426). Роман Куркуас принимал участие в провозглашении Никифора Фоки императором (Ватиканский Аноним. 100). Иоанн Куркуас, которого Лев здесь изображает как пьяницу (см. о нем IX, 5) – сын Романа Куркуаса. При Василии II другой Иоанн Куркуас был катепаном Италии.

39. Адрианополь в восточной Фракии (совр. Эдирне) стал базой византийских войск для дальнейших действий против Святослава. Суда могли подходить к городу из Эгейского моря по реке Эвр (совр. Марица).

40. Это место стало камнем преткновения в спорах о дате похода Цимисхия против Святослава. Скилица пишет (294), что Цимисхий вознамерился отправиться в поход против русских на втором году правления. Но как это понимать? Считать ли от момента провозглашения или от индикта того года, когда император занял престол? И то, и другое счисление используется в византийских источниках. В первом случае война со Святославом произошла в 972 г., во втором – в 971 г. Проблему решает Яхъя (132), сообщая, что бракосочетание Цимисхия с Феодорой, о котором рассказывает Лев, состоялось в 359 г. хиждры, т. е. до 3 ноября 970 г., а от того же Льва мы знаем, что император выступил в поход весной следующего, т. е. 971 г.

1. Храм Христа на Халке – надвратная часовня, построенная Романом I. Цимисхий поместил там вывезенные с Востока христианские реликвии (ср. X, 4), впоследствии был в нем похоронен (Жанен. 1953, 544).

2. Храм Богородицы во Влахернах – один из наиболее почитаемых храмов в Константинополе (Жанен. 1950, 169–179). Влахерны – северо-западная часть столицы.

3. Влахернский дворец был тогда еще не очень популярен. Резиденцией императоров он стал лишь с конца XI в. (Жанен. 1950, 124–128; 303–304).

4. Имеется в виду не пролив Босфор, а место разгрузки судов, пристань залива Золотой Рог. Теперь там главный вокзал Стамбула.

5. Речь идет о побережье в районе Влахерн, где располагались пристани (Жанен. 1950, 225-227). Деревянный мост через Золотой Рог соединял 14-й район с противоположным берегом; именно на этот мост и смотрел Цимисхий с высоты Влахернского храма (Там же. 232). Река, о которой пишет Лев, - Барбисс (совр. Кагитане Су) впадает в Золотой Рог.

6. Монерия - судно с одним рядом весел. Термин начал употребляться с IX в. вместо обобщающего - дромон (Арвейлер. 1966, 383, 413). Слово «галея» впервые появляется в «Тактике» Льва; означает быстроходное судно, использовавшееся для разведки и патрулирования (Кахане. 1958, 428-439).

7. Весь пассаж о Фисоне отражает шедшие в Византии церковно-«географические» споры. Согласно Библии, из рая вытекало четыре реки (Бытие. II, 10-14); существовало несколько версий того, какой реальной реке соответствовал библейский Фисон - Инду, Гангу или Дунаю (Поповић. 1936). Колеблется в этом вопросе и Лев Диакон; его рассказ близок к анонимному сочинению «О четырех реках рая» (1056-1057): и там, и здесь Фисон скрывается под землю; и там и здесь он впадает в Понт пятью рукавами. Смарагдом Лев по античной традиции называет «зеленый камень» Библии.

8. Миф об основании Орестом Орестиады - Адрианополя - есть у Страбона (VII, 7, 8).

9. Адриан был римским императором в 117-134 гг. Город был им перестроен в 125 г. Под «скифами», скорее всего, подразумеваются сарматы.

10. Легенда об основании города Орестом приводится и у Элия Лампридия, добавляющего, что Адриан в построенном Орестом святилище Дианы излечился от безумия и за это украсил город (Жизнеописание Адриана. 228). Почти то же самое, что и Лев, сообщает об Адрианополе Продолжатель Феофана (387).

11. Клисуре - ущелье, защищаемое особым гарнизоном под руководством клисурарха. Цимисхий шел к Преславе через клисуру Сидера, совр. Ришкийский проход (Тышкова-Заимова. 1958, 60-61).

12. Пасха в 971 г. приходилась на 16 апреля (Гржмель. 1958, 310). Переход через клисуры совершался в страстную неделю с 9 по 12 апреля.

13. Император Лев VI (Новелла БУ) законодательно запретил работать по воскресеньям. Роман Лакапин в одном из писем к Симеону Болгарскому специально указывает на пасху как на время мира.

14. Преслава (юго-западнее совр. Шумена) - столица Болгарского царства, перенесенная Симеоном из Плиски в 893 г. Мощная крепость, крупный центр ремесла и металлургии.

15. Метафора восходит еще к Гомеру (Ил. X, 173). Встречается у Геродота (VI, 11), Прокопия (I, 24, 28) и др.

16. Как видим, император апеллирует к гражданскому сознанию подданных, а не к их лояльности по отношению лично к нему (Бекк. 1975, 399-400).

17. Скилица (295) дает другие цифры - 5 тыс. пеших и 4 тыс. всадников.

18. Весь отрывок представляет собой подражание Агафию.

19. Неподготовленность русских к войне можно объяснить тем, что в 970 г. Святослав заключил с Византией перемирие (Сахаров. 1982, 155), нарушенное Цимисхием.

20. О «шедших против него (Цимисхия) под прикрытием своих щитов» упоминает и Асохик (128). В поэме «Искандер-Намэ» также говорится, что русские воевали, «щитом прикасаясь к щиту». Продолговатые щиты они сменили на круглые во второй половине X в. (Кирпичников. 1971, 33-37).

21. В 970 г. русские привлекли на помощь венгерскую и печенежскую конницу, но к 971 г. они остались без этих союзников. Хотя всадники

Святослава и уступали византийцам, они не были столь беспомощны в седле, как это трижды в разных местах подчеркивает Лев Диакон: археологические данные показывают, что конница на Руси в X в. существовала (Кирпичников. 1973, 5; 25).

22. Скилица (296) называет ту же цифру, но не погибших, а участвовавших в сражении росов.

23. Лев Диакон верно сообщает, что Святослава не было в Преславе. У Скилицы же (295–296) говорится, что Святослав был там и ободрял русских.} , Здесь Скилица явно ошибся: продолжая повествование, он сам пишет: «Святослав, узнав о падении Преславы...» (298).

24. Следующий день – это 13 апреля 971 г. Четверг у византийцев считался пятым днем недели: первым было воскресенье. Д. Попов (83) ошибочно перевел «четверг» как «пятница» (то же см.: Чертков. 1843, 64; 196).

25. Сфенкела (у Скилицы, 296 – Сфангел, в некоторых рукописях – Сфагелл) по сходству имен историки отождествляли со Свенельдом русской летописи. который был наиболее близок к Святославу. Однако Сфенкел был убит, тогда как Свенельд пережил Святослава (см.: Геденов. 1876, 235–238).

26. Как показали археологические раскопки, высота внешней стены Преславы . составляла 3,35 м. По гребню ее шла платформа с частоколом (Лисицов. 1974, 34–35).

27. Феодосии Месоникт участвовал в 989 г. в мятеже Варды Фоки. В 1040 г. ослеплен за участие в заговоре (Скилица. 338, 412).

28. Ширина южных ворот (в юго-восточном углу стены), через которые византийцы проникли в город, – 3,5–4 м. С южной и западной стороны стена огибала холм Зыбуите, с восточной шла по берегу реки Тичи, с северной представляла собой прямую линию. Общая площадь города составляла 3,5 км (Овчаров. 1982. 100–120).

29. Скилица (297) рассказывает, что ромеи, догоняя бегущих скифов, убивала их, «а женщин и детей поработали». Отсюда явствует, что массы защитников города были из местных жителей.

30. Сыновья царя Петра Борис и Роман находились долгое время в Константинополе в качестве заложников; однако после смерти или пострига Петра они были отпущены в Болгарию – византийцы рассчитывали, что царевичи возглавят проимперскую партию. Святослав также стремился привлечь Бориса на свою сторону: судя по тому, что молодой царь был захвачен вне цитадели, он пользовался свободой передвижения в занятом русскими Преславе, продолжал носить корону, имел казну (Мутафчиев. 1931, 78–80).

31. Употреблено странное сочетание *** – «владыка болгар». Это единственное место, где Лев называет болгар их собственным именем: можно предполагать, что перед нами точная цитата из речи, с которой Цимисхий обратился к Борису. Подробно об этом: Иванов. 1982.

32. Толщина стен преславской цитадели колебалась от 2 до 2,25 м. Ворота были расположены с северной и южной стороны (Лисицов. 1974, 35).

33. Видимо, среди верхушки болгарского общества существовали разные политические течения (см.: Тихомиров, 1947; Карышковский. 1951; 1952; 1953: 1955). Что же касается Святослава, то он вряд ли сознательно руководствовался стремлением помочь болгарскому народу в борьбе против социального гнета: иначе его отношение к царю Борису было бы другим.

34. Первым «стратигом Фракии и Иоаннополя» был назначен протоспафарий Лев Саракенопул (Карданов. 1982, 32).

35. Константин I Великий, легализовавший христианство, стал героем многих христианских легенд. В частности, легендарный характер имеет и сообщение о постройке им Дористола (см. примеч. 13, кн. V). Впрочем,

например, Псевдо-Кодин приписывает ему основание уже не только Дористола, но и Плиски, и Преславы (Кодин. 23). Отметим, что многие христианские мученики потерпели во времена гонений именно в Дористоле, который, стала быть, существовал до Константина, и это не могло не быть известно придворному диакону Льву. Но жанр светской истории ставил занятный анекдот выше сакрального предания.

36. По преданию Константин увидел на небе крест со словами «сим победиши» в канун битвы при Красных скалах 27 октября 312 г., решившей исход гражданской войны, и это якобы сыграло главную роль в его обращении в христианство. Однако эта легенда имеет множество версий – крест появлялся в разное время суток, в разные годы, в разных местах. Лев Диакон, сам того, видимо, не сознавая, следует за еретической, арианской традицией в ущерб официальной церковно-исторической традиции, шедшей от Евсевия. Ариане стремились в один ряд с Константином поставить его сына Констанция, покровителя арианства, и приписывали ему видение креста перед битвой с Магненцием, происшедшей при Мурса, в Иллирике. Путаница в легендах об отце и сыне и дала гибридную версию (Грегуарг Оржелъс. 1956, 132-133), которую мы находим у Льва. Версия ночного знамения – также арианская, она идет от Филосторгия (Биде. 1935, 408- 409; 424; Грегуар, Оржелъс. 1956, 145). Сочинения арианских писателей пользовались большей популярностью, чем Евсевий, и далекий их отголосок у Льва Диакона – лучшее тому подтверждение.

37. Скорее всего, речь идет о вторжении готов на Балканы в 323 г. (Раппапорт. 1899, 110-112). В этом сообщении Лев Диакон опирается на агиографический памятник «Страсти св. Иоанна и Павла». Во-первых, Лев явно локализует победу Константина на берегу Дуная, между тем как в 323 г. готы были разбиты гораздо южнее, – точно так же и автор «Страстей» (Грегуар, Оржелъс. 1956, 136) путает события 323 г. с событиями 332 г., когда император совершил экспедицию на Дунай. Во-вторых, и Лев, и автор «Страстей» называют готов скифами (Там же. 137; 146),. Наконец, и «Страсти», и разбираемый пассаж Льва Диакона лежат в русле арианской традиции.

38. Плиска – первая столица Болгарии, центр крупного строительства и ремесла с земледельческо-скотоводческой окраиной (Лишев. 1970, 27-31).

39. Диния находилась между Преславой и Плиской. Это был многолюдный город, центр виноградарства. В настоящее время село Смядово (Аишев. 1970, 58) или, что вероятнее, село Войвода в 8 км от Плиски (Милчев-Дамянов. 1972).

40. Скилица (301) также сообщает, что ряд городов направили к Цимисхию послов с изъявлением покорности. Это показывает, что в болгарских городах влияние византинофильской знати имело некоторую опору в ремесленных и торговых кругах. Согласно Скилице (301), перешел на сторону Цимисхия и город Констанция; Станеску (1971, 12) считает, что это – Констанца на берегу Черного моря, Васильевский же (1910, 211) идентифицировал Констанцу с одним из задунайских городов.

41. По русской летописи, у Святослава было лишь 10 тыс., что более вероятно. Однако следует отметить, что приводимые здесь Львом Диаконом цифры все же правдоподобнее как фантастических подсчетов Скилицы, так и собственных его выкладок в начале «Истории».

42. Римляне называли свою колонию Durostorum, византийцы транскрибировали его как *** (см. выше примеч. 13, кн. V), а славяне называли его Драстар, отправляясь от фракийского названия Драстра, сообщенного им местным населением (Романски. 1933, 657). Греческое название «***» представляющее собой транскрипцию славянского «дрѣстра»

(форма родительного падежа), впервые встречается в эпоху Льва VI. Славянское имя города распространилось среди византийцев в период симеоновых войн, когда он играл большую стратегическую роль, и настолько утвердилось, что использование классической номенклатуры требовало оговорок, что мы и видим у Льва Диакона (Силистра. 1927, 112-113; Цанкова-Петкова. 1970, 224-231).

43. Этот бой в предместьях Доростола происходил, по Скилице (300), 23 апреля, когда праздновали день св. Георгия. Следовательно, от Преславы, которую Цимисхий покинул после пасхи, до Доростола он был в пути около недели. Видимо, нигде ни со стороны росов, ни со стороны болгар Цимисхий не встречал сопротивления, иначе он не смог бы пройти это расстояние столь быстро.

1. Слова *** – «мощным валом» оставлены в немецком переводе без внимания (Лоретте. 130).

2. Копать ров для лагеря, согласно стратегике Никифора, требовалось только . в том случае, если угрожала опасность нападения врагов, утомлять войско напрасной работой было не принято (см.: Кулаковский. 1903). В словоупотреблении Лев опять следует Агафию (Газе. 482).

3. Толщина стен Доростола достигала 4,7 м (Лисицов. 1974, 37).

4. Вся эта водная фраза пропущена в немецком переводе (Лоретте. 131).

5. О «греческом огне» см. примеч. 25, кн. I. Лев Диакон единственный, кто называет его мидийским (Арвейлер. 1966, 119), видимо, стремясь к архаизации.

6. Участники похода Игоря на греков, предаваясь воспоминаниям, видимо, производили большое впечатление на молодежь рассказами о действии «греческого огня». Явно преувеличивая его мощь, спутники Игоря стремились оправдать свое бегство (Шапов. 1972, 205, и ел.). Из византийских источников только Житие Василия Нового приписывает «греческому огню» решающую роль в победе над русскими, за Житием следует «Повесть временных лет», византийские же хроники отмечают это обстоятельство лишь попутно.

7. Лев везде называет боевой одеждой русских *** «панцирь, сделанный из цепных звеньев». Он единственный из византийских авторов, кто дает довольно точные сведения о русском вооружении (Шрайнвр. 1981, 226).

8. Скилица ничего не сообщает о Феодоре Лалаконе. По-видимому, Лев включил в рассказ сведения о каком-то из своих знакомых или родственников. Лалаконы – род, существовавший с IX по XI в. и давший в IX-X вв. ряд крупных полководцев (Каждая. 1974, 125, 140).

9. Скилица (302) пишет еще об удачной вылазке русских из Доростола для добычи продовольствия, которое они не успели запасти до осады. Он считает, что это случилось 28 июня, Зонара – что 23.

10. Монастырь Пиламис находился на азиатском берегу Босфора в проастии Пи-ламидион в окрестностях Халкедона (Скилица. 303; См.: Жанен. 1950, 459).

11. Церковь св. Фоки в Константинополе была расположена у восточной при-: морской стены. Точное местонахождение не выяснено (Жанен. 1953, 513-514). О калитке не сообщает ни один источник, кроме Льва (Там же. 277).

12. Сфоракий – район Константинополя (Жанен. 1950, 393) находился к северо-западу от храма св. Софии, правее улицы Месы, простираясь до площади Константина (Шульце. 1913, 177, и сл.).

13. *** – вообще ремесленная корпорация, здесь – одна из государственных мастерских, работники которых составляли особые объединения, изготовлявшие свою продукцию для дворца.

14. Впоследствии друнгарий Лев был назначен протовестиарием. Возглавлял армию Василия II против мятежника Склира; в 977 г. разбит и пленен им у

при Рагеа (Гийян. 1973, 65). Скилица добавляет (303), что захватом заговорщиков руководил ректор Василий.

15. Калоним – остров в группе Принцевых островов. Скилица (303) утверждает, что мятежники были сосланы на остров Прота.

16. Яхъя (133) пишет, что Фока был ослеплен по приказу императрицы Феодоры.

17. Подробности, с какими Лев рассказал о заговоре Фок, заставляют предполагать, что будущий историк сам находился в то время в Константинополе и тем самым не мог быть очевидцем войны с русскими.

18. Свидетельство о грабежах византийцев в Болгарии позволяет заключить, что занятые ими болгарские города рассматривались как завоеванные. Впрочем, действия Куркуаса, согласно закону, приравнивались к святотатству, за что он, по Льву Диакону, и понес кару.

19. Анемас (по-арабски, видимо, Аль-Ну'Ман) – сын и соправитель эмира критян Абд-эль-Азиза, взятый в плен Никифором Фокой в 961 г. (Скилица. 249–250; Прод. Феоф. 477). Не исключено, что от него пошел род Анемадов, известный до XII в. Арабская знать, таким образом, довольно быстро вращалась в византийскую.

В Скандинавии найдена критская монета чеканки 961 г. – одна из последних монет, выпущенных Абд-эль-Азисом. Это дало пищу романтической гипотезе, будто Анемас хранил ее как знак своего царского происхождения, а после его гибели она досталась какому-то варяжскому воину (Майлз. 1970, 82–83). Возражения см.: Христидис. 1984, 119.

20. Оборот *** – «когда он погиб» в немецком переводе выпущен (Лоретте, 136).

21. Это сражение, по Льву Диакону, должно было произойти 23 июля, так как ниже он указывает, что следующий день приходился на пятницу 24 июля. Однако дата, приведенная Львом, ошибочна, ибо 24 июля 971 г. было воскресенье. На пятницу же этот день приходился в 974 г. (ср. Анастасиевич. 1929, 1–20; 1931, 337, и ел.). Анастасиевич старался доказать, что война при Цимисхий продолжалась три года, т. е. до 974 г.; возражения см.: Дельгер. 1932, 375 ел.; Грегуар. 1937, 267, и ел.; Карышковский. 1952, 136, и ел.). Согласно Скилице (304), предпоследняя битва (с участием Икмора) происходила 20 июля, тогда последняя битва должна быть отнесена к 21 июля, поскольку именно 21 июля 971 г. была пятница. Переписчики рукописей часто путают буквенные обозначения цифр: замена а (1) на б (4) в рукописи XIV в. вполне возможна, так что скорее всего день недели Лев Диакон назвал правильно, а число июля (24 вместо 21) – ошибочно. Таким образом, считаем наиболее вероятным отнести решающую битву к 21 июля 971 г. (Сюзюмов. 1974).

22. Это место требует особого внимания. Дело в том, что в 971 г. в ночь с 20 на 21 июля было почти новолуние и видеть что-либо издали не представлялось возможным. Отнести же битву к 970 г., когда действительно было полнолуние в ночь с 20 на 21 июля, тоже нельзя. Наиболее вероятно, что Лев Диакон допустил в этом месте ошибку, сообщая то, что ему передали очевидцы о каком-нибудь другом сражении в 970 г. Скилица (305) говорит об этой ночи только, что русские после неудачного сражения громко оплакивали погибших, но не упоминает при этом ни о полнолунии, ни о ритуалах. Видимо, Лев интересовался языческими обрядами, расспрашивал о них очевидцев и для вящего драматизма объединил все имевшиеся у него сведения в рассказе о ночи перед решающей битвой. Сообщение о полной луне добавляло рассказу достоверности.

23. Сожжение русскими своих покойников засвидетельствовано Ибн-Фадланом (143), Ал-Бекри, Истахари, Ибн-Хадисом, Масуди и другими арабскими авторами (Куник, Розен, 1878, 62; Заходер. 1967, 103-104).

24. Обряд жертвоприношения пленных у славян отмечен и западными хронистами: Длугошем, Титмаром, Гельмольдом. Свидетельства о жертвоприношении на могиле умершего принадлежавших ему женщин носят массовый характер. В византийской литературе об этом применительно к славянам рассказывают Маврикий и Лев VI, в западной – Титмар и Бонифаций, в арабской – Ибн-Фадлан, Ал-Бекри и многие др.

25. Именно такой способ ритуального убийства у славян засвидетельствован Ибн-Русте, Исхаканом Ибн-ал-Хусаином, Ибн-Фадланом и др. (Заходер. 1967, 113).

26. Убийство славянами младенцев засвидетельствовано византийским автором VI в. Псевдо-Кесарием. О том же обряде у прибалтийских и западных славян сообщают Герборд (II, 18, 33), Эккерхард (а. 1125).

27. Обычай славян топить петуха в качестве жертвоприношения широко засвидетельствован в источниках (см.: Толстой, Толстая. 1981). Ср. сообщение Константина Багрянородного (Адм. 60, 73-78). В мифологии петух связан со смертью (Гаек. 1934, 56; 94-105; 151). Это подтверждается как археологами (Левицкий. 1963, 58), так и этнографами-у многих славянских народов и по сей день существует обряд принесения в жертву петуха, как правило черного (Дуйчев. 1976, 33-34).

28. Слово «эллин» означало для византийцев одно – язычник. Именно это подразумевает Лев, рассуждая об эллинской учености (IV, 9). Однако в данном контексте он употребляет слово дважды, и это не кажется тавтологией; во втором случае «эллинскими обрядами», несомненно, названы обряды языческие, но в первом случае Лев, явно намекает на их древнегреческое происхождение. Тем самым слову «эллин» историк придает его исконное значение. Подобное новаторство Льва – объяснимое с точки зрения его архаизирующего стиля – не так уж и смело, если учесть сходные тенденции в языке Константина Багрянородного. См.: Лехнер. 1954, 43- 52. В древнерусских обличительных сочинениях тоже содержатся выпады против поклоняющихся «Матери бесовьстеи Афродите богине... и Артемиде проклятеи», Дью (Зевсу), Дионису и даже «триподе Дельфичьстеи», т. е. оракулу (Аничков. 1914, 109). Возведение русского язычества к греческому носит, несомненно, схоластический характер.

29. Анахарсис – скиф-философ, сведения о котором относят к 590 г. до н. э. Легенды о нем приводит Геродот (IV, 76-77). Анахарсис – яркая и очень почитаемая в греческой литературе фигура. Он воспринимался как образец древней добродетели, уже утраченной греческим миром. Некоторая идеализация «варварского» первобытного общества, для которого были якобы характерны прямота и честность, долго оставалась основой представлений о морали «варваров». Непосредственность росов, чуждых коварства, признается, таким образом, отвечающей идеалам Анахарсиса: поскольку росов называли «тавроскифами», было естественным считать, что он их духовный наставник.

30. Замолксис – скиф-гет, жил в рабстве у Пифагора, позднее распространил у скифов его учение; стал впоследствии почитаться богом, был врагом вина и роскоши, проповедником вегетарианства (Страбон. VII, 3, 5; Геродот. IV, 94-96). Почитание двух этих мудрецов христиане переняли у киников, для системы представлений которых «варварское» происхождение Анахарсиса и Замолксиса имело важное значение (Куклина. 1971, 124).

31. Флавий Арриан, плодовитый и разносторонний писатель, жил между 95 и 175 гг. н. э. «Плавание вокруг Понта Евксинского» написано им в 13-132

гг. Лев Диакон, несомненно, имеет в виду это произведение, но приводимых историком данных там нет; Арриан писал лишь о культе Ахилла на Белом острове. Вероятно, Лев почерпнул свою информацию у Псевдо-Арриана (V в. н. э.). Об этих сведениях имеются рассуждения в комментариях Евстафия Фессалоникийского (XII в.), который пишет и о мирмидонянах, и о тавроскифах, и о Замолксисе (Греческие географы. 270-271, 313).

Версия о том, что Ахилл был скифского происхождения, восходит к эллинскому времени. На северо-западном побережье Черного моря культ Ахилла установился в результате микенской колонизации. О нем имеются данные у Диона Хрисостома и Арриана. Наличие такого культа в Северном Причерноморье подтверждается и археологией (Латышев. 152). См.: Хоммель. 1981, 53-62. К тому же имя Ахилла связывалось с легендами об Ифигении, которая стала жрицей тавров. Таким образом, связь Ахилла с «тавроскифами» с мифологической точки зрения выглядела вполне обоснованно.

32. Мирмикий – поселение к северу от современной Керчи; Страбон писал: «Дальше от Мирмикия на азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Ахиллием» (VII, 4, 5; ср. XI, 2, 6). В. Г. Васильевский (1909, 287) считал, что одного этого соседства уже достаточно для проведенного Львом сближения. Но последнему способствовало также и то, что название Мирмикий происходило от слова *** – «муравей», а согласно греческому мифу, племя мирмидонцев, которым правил Ахилл, произошло от муравьев. В свою очередь, византийские авторы сближали это племя то с болгарами (Малала. 91), то с русскими (Атталиат. 87). В древнерусской литературе не было попыток возвести происхождение русских к Ахиллу, между тем как Иоанн экзарх Болгарский предлагал такую генеалогию для болгар (Калайдович. 1924, 180).

Можно предположить, что само название Мирмикий было на слуху у Льва Диакона благодаря апокрифическим «Деяниям апостола Андрея», в которых фигурирует этот город (Аипсиус. 1883, 603-606), причем его название в некоторых версиях передается как «Мирмидон». Те же сказания могли способствовать и географической путанице с Ахиллом, поскольку в них апостол Андрей странствовал, согласно одним изводам, вдоль Понта, согласно другим – по Греции (Там же. 608-610).

33. Таким образом. Лев Диакон пытается примирить «неканонический» миф о происхождении Ахилла с классическим, выводящим его из Фессалии. Упоминание о «соратниках Ахилла» позволяет дополнить недосказанную часть мифа, сочиненного Львом: он дает понять, что после гибели Ахилла под Троей его соратники вернулись на родину и привезли туда греческие мистерии.

34. Если русские князья действительно носили длинный плащ (корзно), застегивавшийся на правом плече (Древняя одежда. 1986, 45), то у Гомера Ахилл нигде не появляется в плаще. .

35. В действительности же все гомеровские герои сражаются пешими, а скифы, напротив, в античной литературе всегда – всадники. На этом примере особенно хорошо видно, как поменяло оттенок слово «скифы»: если античный литературный топос причислял их к народам Востока, которые якобы всегда сражаются верхом, то у Льва Диакона скифы – один из северных народов, а для них у греков существовали свои клише.

36. Еще Ксенофан высказал гипотезу о связи между географической средой и внешностью обитающих в той или иной среде народов; ему первому принадлежит образ голубоглазых и белокурых северных «варваров» (Диль. 14) Вслед за тем Гекатей Милетский высказал мысль о зависимости от среды даже национального характера; на этом тезисе построена вся античная этнография. С особой последовательностью он проводился у стоиков и в

распространившейся в поздней античности «астрологической этнографии». У Льва Диакона здесь также нашел отражение античный стереотип «северных варваров».

37. Илиада. I, 177.

38. Разрешение споров путем поединка было распространено среди «варварских» народов, но у нас нет данных, чтобы говорить об особой склонности к этому славян. Характерно, что, когда Цимисхий предлагал Святославу закончить войну единоборством, тот с презрением отклонил его предложение (Скилица. 307-308). (Характерно, что это есть только в сообщении позднего автора – Скилицы. Лев Диакон – современник событий – никакого вызова не знает. Когда же наконец историки отучатся поправлять хронистов не на основании других данных, а опираясь исключительно на своё личное мнение. Святитч)

39. В действительности цитата из пророчества Иезекииля звучит так: «Вот Я на тебя, Гог, князь Роша, Мешеа и Фувала!» (Иез. XXXIX, 1. Ср.: Бытие. XLVI, 21). В Библии слово «Рош» является ошибкой греческого перевода (Кениг. 1916, 92-96; Флоровский. 1925, 505-525), однако византийцы неизменно понимали его как название народа и начиная с V в., прилагали к различным «варварским» племенам, реально угрожавшим империи. Когда в IX в. на исторической арене появились росы, эсхатологическое сознание византийцев немедленно связало их с библейским «Рош». Первым такое сближение произвел патриарх Фотий, но текст Иезекииля непосредственно применен к русским в первый раз в житии Василия Нового: «Варварский народ придет сюда на нас свирепо, называемый Рос и От и Мог» (Житие Василия Нового. 88-89). Здесь, так же как и у Льва Диакона, библейский текст искажен. Именно это схоластическое отождествление и побудило византийцев называть Русь «Рос», тогда как латинские источники сохраняют правильное наименование Киза;. Так и родилось слово «Россия» (см.: Брим. 1923; Сюзюмов. 1940; Васильев. 1946; Соловьев. 1947; и др.).

Что же касается Гога и Магога, то они уже в Апокалипсисе названы народами (XX, 7-8). Начиная с Евсевия, их на протяжении всего средневековья отождествляли с враждебными племенами (Ленорман. 1882). Наиболее распространено было представление о том, что это скифы (Карышковский. 1961, 49), отчего схоластическое сближение с Русью получило еще одно подтверждение.

40. По Льву Диакону, это было 23 июля, но согласно Скилице (304) – 20.

41. По поводу обозначения совета Святослава словом «коментон» существует обширная литература. Все попытки найти корень этого слова в германских и славянских языках оказались тщетными. Не удалось объяснить его происхождение и с помощью тюркских языков (Моравчик. 1951, 225-231).

Термин восходит к латинскому сопущез, однако после VIII в. он перестал употребляться в значении сходка: в начале X в. слово меняет значение (см. Ставриду – Зафрака. 1977/1978). Н. Икономидис (1987) считает, что параллельно с греческим термин в его исконном значении существовал в языке романизованного населения Подунавья. По мнению ученого, именно от местных лазутчиков ромеи узнали о совете у Святослава. Ср. Скилица, 460.

42. В «Повести временных лет» (51) тоже говорится о совещании у Святослава и также приведено мнение сторонников заключения мира: «аще не сотворим мира со царем, а увести царь яко мало нас есть пришедшие оступять ны во граде. А русска земля далече».

43. Воинственные слова, влагаемые Диаконом в уста Святослава, очень близки к его речи в изложении «Повести временных лет» (50): «Уже нам нъкамо ся дъвти, волею и неволею стати противу; да не посраимъ земль Рускиъ, но ляжемъ костьми, мертвые бо срама не имамъ. Аще ли побъвгнемъ,

срамъ имамъ. Не имамъ убъжати, но станемъ крепко, аз же предъ вами пойду: еще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». Эту речь, безусловно, следует связывать не с переяславецкой, как в летописи, а с доростольской битвой (Карышковский. 1954, 175, и ел.).

Сходство речи Святослава у Льва Диакона и в «Повести» – важный аргумент теории А. А. Шахматова (121–130; 465–468) о болгарском источнике русской летописи.

44. Как это ни странно, у Льва Диакона нигде не сказано о крещении Руси. Видимо, вся его информация о русских относилась к предшествующему времени, а позднее он не возвращался к своему сочинению. (Некоторым историкам весьма сложно смириться с тем фактом, что крещение Руси при Владимире было совершенно не замечено в Византии. Ни один (!) византийский автор о нём не сообщает. Повидимому мы предаём слишком много значения крещению Владимира и его окружения. Современники так явно не считали. Святитч)

45. Представление о рабстве в потустороннем мире можно усмотреть и в формуле договора Игоря с греками: «И да будутъ раби въ весь и въкъ в будущий» (ПВЛ. 35). Однако смерть от собственного оружия упомянута в текстах договоров как страшная кара за вероломство (там же. 52), так что утверждение Льва о самоубийстве у росов сомнительно.

Сходные представления были распространены среди тюрков и венгров в средние века (Моравчик. 1955) – Лев мог перенести на русских те сведения, которые получил о верованиях других современных ему народов. (Мне нравится, когда историки считают что им де известно лучше, нежели очевидцам. Смерть от собственного оружия – кара. Но рабство – куда большая кара. Выбирая между позорной смертью и рабством, наши предки предпочитали первое. Так что противоречие тут совершенно надуманное. Святитч)

46. Как указано выше (примеч. 21), сообщение Льва Диакона явно повреждено переписчиками-нужно читать не 24, а 21 июля.

47. Лев Диакон использует архаические выражения Агафия; нарисованная им картина боя малоправдоподобна. Согласно Скилице (308), Цимисхий предпринял обходный маневр, послав магистра Варду Склира, патрикия Романа и стратопедарха Петра в тыл русским с целью отрезать их от Дористола. Этот маневр удался. Именно зайдя с тыла, Анемас бросился на Святослава, но был изрублен.

48. Скилица (308) утверждает, что это был день памяти великомученика. о действительности церковь праздновала день Феодора Стратилата 17 февраля. Что же касается 21 июля, то это был день мучеников Феодора и Георгия (Синаксарь. 1902, 834). Видимо, только после победы над Святославом этих мучеников превратили в святых воинов, которым впоследствии посвящались на этот день особые молебствия (Грегуар, Оргельс. 1954, 141–142). Грегуар отмечает, что Феодор Стратилат считался в Византии заступником именно против русских (1936, 605; 1938, 279–282).

49. Все это придаточное предложение оставлено без внимания как русским (Попов. 95), так и немецким переводчиком (Лоретто. 141).

50. В переводе Д. Попова ошибочно дана цифра 15 тыс. (96). Эта ошибка перекочевала в труды исследователей, изучавших «Историю» не в подлиннике (Чертков. 1843, 90; Багалеи. 1878, 21 и т. д.).

51. Качество русских мечей высоко ценилось. В восточной литературе упоминания о них не исчезают до XV в. Византийские же мечи, по мнению арабов, были недостаточно крепки (Кирпичников. 1966, 46–47).

52. Лев Диакон приводит те условия мира, которые предложил Святослав. Эти сведения дают представление о подлинной обстановке при окончании

войны. У Скилицы (309) таких подробностей нет, есть только указание на восстановление союзных отношений между Русью и Византией. Приведенное «Повестью временных лет» (52) соглашение Святослава с Цимисхием (датированное: месяц июль, индикт 14, год 6479, т. е. 971), наоборот, не включает условий прекращения военных действий, но является уже союзным договором. Главное в нем – обязательство Руси оказывать военную помощь Византии. (Анализ порядка заключения соглашения о мире и его формулировок см.: Каштанов. 1972, 213–215.) Нет никаких оснований рассматривать договор как полную капитуляцию Святослава (см.: Карышковский. 1955, 29). Он лишь продолжил прерванные в 970 г. переговоры, отказавшись только от требования данн.

53. В том виде, как соглашение изложено в русской летописи, там не указано условие, касающееся торговли, но заключенный договор фактически восстанавливал те льготы, которыми обладали русские до войны.

54. «Се же слышав, царь рад бысть» (ПВЛ. 51). Можно полагать, что Цимисхий и в самом деле хотел сделать русских союзниками, чтобы развязать себе руки для ведения войн в Азии. Уже в начале своего правления он мечтал о союзе с Русью (см.: VI, 8). Русские могли послужить Византии «противовесом» печенегам, отношения с которыми в тот период ухудшились.

55. Такого запаса хватило бы примерно на 1,5 месяца; медимн – видимо, сыпучий модий – для этого времени мера содержания воина, включавшая около 26 литр зерна (т. е. до 8–10 кг). 2 медимна – примерно около 20 кг зерна. Впрочем, объем модия (медимна) в империи сильно колебался (см.: Шильбах. 1970, 96–100).

56. В данном месте вряд ли нужно подвергать особому сомнению данные Льва. Принимая во внимание, что обсуждался вопрос о количестве продовольствия для возвращения русских на родину, цифру 22 тыс. можно принять за истинную. Что же касается потерь русских, то они, по всей вероятности, были значительными (см.: Скилица. 309).

57. Словом «приближенные» мы передаем греческое «***», так как Святослав и верхушка его дружины сидели в лодке, хотя в тексте читаем «етероч – другим». Оба эти слова произносились византийцами одинаково, т. е. мы предлагаем конъектуру, которую предусматривал уже Газе.

58. Греческое «***» ученые переводят по-разному: некоторые – как «с обеих» (Рансимен. 1930, 213; Газе. 157; Лоретто. 143; Силистра. 1927. 152; и др.), другие – как «с одной» (Оленин. 1814, 58; Левченко. 1956, 207; Златарский. 1972, 533; Попов, 97; Гедеонов. 1876, I, 361; Террас, 1965, 402 и т. д.). Иногда полагают, что прическа Святослава – далекий образец малороссийского чуба, однако более близкой представляется связь с обычаями степняков (о внешности князя см.: Шевченко. 1965).

Облик киевского властителя должен был производить ошеломляющее впечатление на византийцев, ибо противоречил их собственным нормам самым вопиющим образом: ромеи стригли волосы только по случаю траура или судебного осуждения. Ходить стриженным представлялось уделом шута или фокусника. Усы мужчины, видимо, брили, зато бороды отпускали. Наконец, серьги среди мужчин носили только дети и моряки (Кикилис. 1951, 356–360; 386).

59. Лев Диакон так описывает мирные переговоры, как будто сам был их очевидцем. Но вряд ли это так. Он, возможно, правильно – по рассказам очевидцев – рисует наружность Святослава, но повествование его не вызывает доверия из-за особого пристрастия подражать древним авторам. В данном случае, как показал Газе (489), описание наружности Святослава напоминает описание Приском Аттилы.

60. Такая обстановка переговоров обуславливалась соображениями безопасности и была обычным делом: согласно Феофилакту Симокатте, с лодки разговаривал с аварским хаганом византийский полководец Приск в конце VI в. (262–263); по Константину Багрянородному, так же вели переговоры с печенегами имперские послы (Адм.). Однако тот факт, что Святослав сидел перед императором, имел, может быть, особый смысл.

61. О так называемых фтирофагах рассказывают Геродот (IV, 109), Страбон (XI, 2, 14; 19), о них упоминают Плиний Старший, Помпоний Мела, Арриан, Птолемей и др. Слово «***» имеет два основных значения: «вшь» и «шишка». Что здесь хотели сказать античные авторы, не совсем ясно (не снимает вопроса и специально посвященная этому статья Беляева (1964), в которой, кстати, Лев Диакон не упомянут). Однако можно быть уверенным, что наш историк пишет именно о «вшеядности» печенегов: хотя само слово заимствовано из геродотовой традиции, на что указывает и употребленное далее *** – «живущие в повозках», также встречающееся у Геродота (IV, 121). Возможно, что Лев Диакон привязал к стереотипу известные ему факты: арабский путешественник X в. Ибн-Фадлан, вряд ли испытывавший на себе влияние Геродота, во время пребывания на Волге видел, как аборигены поедали вшей, и описал это во всех ужасающих подробностях (Ибн-Фадлан, 130).

62. Печенеги – союз тюркских племен, появившийся в Северном Причерноморье в конце IX в. Набеги печенегов на Русь продолжались до 1036 г. Об этом народе см.: Васильевский. 1872; Моравчик. 1958, I, 78–90; II, 247; Плетнева, 1958. Лев Диакон презрительно отзывается о печенегах (что, было в обычае у византийцев, когда они писали о кочевниках), а в его рассказе о гибели Святослава чувствуется симпатия к русским.

Во время похода Святослава 970 г. печенеги были его союзниками. Их отношения ухудшились к моменту соглашения с Цимисхием. Ски-лица (310) отмечает, что печенеги были очень недовольны тем, что Святослав заключил союз с Византией. По Скилице, Святослав попросил императора об отправке посольства к печенегам, чтобы договориться с ними о пропуске росов через их пределы. Согласно «Повести Временных лет» (50), печенеги были враждебными Святославу («кратными») еще до заключения мира под Доростолом.

В качестве посла к печенегам был отправлен епископ Евхаитский Фео-фил, оформивший договор 971 г. с русскими, но они будто бы отказались пропустить росов. Считается, что византийская дипломатия натравила печенегов на Святослава. Однако мы сомневаемся в этом. Цимисхий хотел сохранить добрые отношения со Святославом. Союз с Русью был выгоден для Византии. Интересно, что русская летопись вовсе не обвиняет византийцев в предательстве. По «Повести временных лет», русские отправились домой с богатейшей добычей и пленными («везет именье много от грек и полон бесчислен...»). Святослав, конечно, отпустил пленных византийцев, но по условиям мира вовсе не требовалось возвращения всей добычи, которая досталась в войне с болгарами. По летописцу, не византийцы, а жители Переяславы (т. е. болгары) оповестили печенегов о том, что войско Святослава незначительно, а добыча колоссальна (ПВЛ. 52). Можно полагать, что именно наличие большой добычи было причиной того, что Святослав отказался возвращаться на конях, как ему советовали, а отправился на ладьях, морским и речным путем, и, избрав этот опасный путь, погиб весной 972 г. Печенежский хан Куря велел сделать из черепа убитого князя чашу.

63. Скилица (309) утверждает, что Феодороподем был назван город Евхания (см. примеч. 28, кн. III; Делеайэ. 1923, 129–134; Шульце. 1930, 121–123). Но недавно найденные в Болгарии византийские печати доказывают, что

там был город, переименованный в Феодорополь, хотя это и не был Преслав (Икономидис. 1986, 330).

64. О том же пишет и Скилица (310). С прекращением византийско-русской войны вся северо-восточная Болгария стала византийской провинцией, и Цимисхий стал укреплять власть Византии как на границах, так и внутри захваченных земель. Раскопки показали наличие укреплений на крутом правом берегу Дуная в слоях конца X в. (Диакону. 1969, 43-49; Божилов. 1970, 75-96).

65. То же самое несколькими столетиями позднее сделал император Иоанн Комнин (Киннам. I, 5; Сафа. 195). Религиозная окрашенность триумфа должна была подчеркнуть провиденциальный характер побед Византии – едущая в триумфаторской колеснице богородица была зримым воплощением этой идеи (Александр. 1962, 346).

Культ девы Марии начал распространяться в Византии позже, чем на Западе: ее изображение на монетах зафиксированы лишь с начала X в., а изображение богородицы, увенчивающей императора, начинает появляться только при Никифоре Фоке (Грирсон. 1982, 37). Однако уже с начала VII в. Приснодева считалась защитницей Константинополя (Кэмерон. 1978.)

66. Регалии болгарского царя, как мы видим, ничем не отличались от византийских, и это понятно, если учесть притязания Симеона на константинопольский престол и глубину проникновения византийской культуры в Болгарию в X в.

67. После пышного триумфа, который с восторгом описан и Скилицей (310) и Зонарой (XVII, 4), Цимисхий ликвидировал независимость Болгарии, лишив Бориса эмблем царской власти и сделав его византийским вельможей. По Скилице, это случилось не во дворце, а «на глазах горожан», по Зонаре – на Плакотийской площади.

68. Болгария, однако, еще не исчезла как государство и сохраняла некоторый международный вес, но помыслы Цимисхия все больше связывались с Малой Азией, Он стремился к захвату новых территорий для малоазийской знати. Западная же Болгария не была покорена, это явствует из того, что 23 марта 973 г. послы болгар были на приеме у императора Оттона I в Кведлинбурге (Титмар Мерзебургский. II, 31, 68; Ламперт Гарцфельд-ский. 973 г., 32; Анналы Альтаненские, 973 г., 787). Можно предположить, что эти послы представляли Западную Болгарию, где еще сохранялась местная власть, и что боровшиеся за независимость болгары вступили в контакт с венграми. Лев Диакон не интересовался судьбой Болгарии при Цимисхии.

1. Имеется в виду лето 972 г. (по Газе, 488-973 г.). Яхья Антиохийский дает самую точную хронологию событий второй половины 972 г.: «И когда вернулся Цимисхий из Болгарии, он пошел войной на страны Ислама и перешел Евфрат около Малатии в зулхидже 361 г. (с 13 сентября по 11 октября 972 г.), пошел в Диар-Рабию с большим войском и вступил в Нисибин в субботу 1 мухарамы 362 г. (12 октября 972 г.)» (Розен. 184.). Сообщаемое Яхьей может настораживать тем, что он пишет о немедленном отправлении Цимисхия после победы над Святославом против арабов: Если война в Болгарии окончилась в июле, а поход в Сирию состоялся в сентябре, то можно подумать, что Яхья и поход против Святослава относит к 972 г., но ведь он точно датирует этот поход 971 годом; Яхья пишет, что в 360 г. хиджры (4 ноября 970-23 октября 971 г.) египетские войска пять месяцев стояли под Антиохией – и в то время «Цимисхий находился в Болгарии» (Яхья, 182). И все же некоторая неясность сохраняется: по мнению Анастасиевича, Яхья ошибочно отнес к 972 г. поход Цимисхия 974 г.; что же касается 972 г., в этот год поход в Месопотамию возглавлял domestik Востока (Анастасиевич. 1929/1930; 1930). С Анастасиевичем согласились многие ученые (Хонигман.

1935, 97-98; Брейе. 1947, I, 205). Однако эта версия напрочь опровергается письмами арабских владетелей, опубликованными М. Канаром (1950, 99-108). Из них с непреложностью следует, что Цимисхий лично участвовал в военных действиях осенью 972 г.

2. Лев снова проявляет свое увлечение схоластикой (см. примеч. 7, кн. VIII). По Библии (Бытие. II, 10-14), из Эдема вытекала река, разделявшаяся?; на четыре рукава, один из которых - Евфрат.

3. Немецкий переводчик понимает это место иначе: «Снарядился для похода» (Лоретте. 146).

4. Видимо, рассказ о Никите - еще один эпизод из жизни знакомых Льва. Не исключено, что именно через эту семью Лев имел протекцию при дворе - недаром он с такой почтительностью пишет об отце Никиты.

5. Эмет, Амида (совр. Дيابеркир) - город в верхнем течении реки Тигр.

6. Миефарким (Мартирополь) - армянский город в Месопотамии, ныне Хильван (Турция) у Евфрата (Хонигман. 1935, 154). Характерно, что Лев, расхвалив город, не знает старого его названия.

7. Нисибис, Низибия, город южнее Мартирополя, в течение ряда веков был яблоком раздора между Персидской державой, Арменией и Римом, между Византией и арабами. Согласно Яхье, Нисибис был взят 12 октября 972 г.

8. Это сказание приведено у Феодорита Киррского (II, 26). Имеются в виду события 337-338 гг. (Ср. Петере. 1920, 317-318).

9. Экбатаны - древнее название города Хамадан (Персия). Известия о богатствах Экбатан могли быть заимствованы из древней литературы о походах Александра Македонского. Однако в данном месте Лев Диакон допустил ошибку: желая показать свои познания в старинной литературе, он, по-видимому, принял название Экбатаны за старинное название современного ему Багдада, который, действительно, слыл тогда самым богатым городом в мире.

10. Слова историка «где установлена власть агарян» Лоретте (147) понимает как «где находится дворец князя агарян».

11. Кармания - область у Персидского залива, простирающаяся в сторону Каспийских ворот (Страбон. XI, II, 9, 14). В действительности имеется в виду пустыня Джебель-Хамрин на пути к Багдаду (Хонигман. 1935, 99, примеч. 1).

12. Серскими назывались ценные шелковые ткани, вывозившиеся из Индии (Книга епарха. 149).

13. Низложение патриарха произошло весной 974 г. Насколько была острой внутрицерковная борьба во второй половине X в., можно судить по сохранившимся трактатам (Даррузес. 1966), в которых говорится о попытках митрополитов захватить власть в церкви и лишить патриарха всякого влияния. С одной стороны, сторонник патриарха Никита Амасийский жалуется, что два-три митрополита захватили всю власть, а патриарха, словно раба, тащат куда хотят. С другой - некий аноним протестует против права Константинопольского патриарха вмешиваться в выборы епископов и митрополитов. Лев Диакон, как кажется, сочувственно относится к смещенному патриарху. Очевидно, Василий Скамандрин был неугоден епископам, и против него началась кампания клеветы.

14. Скамандр - река в Малой Азии во Фракисийской феме. О каком монастыре идет речь, неизвестно.

15. Антоний III Студит был патриархом с 974 по 979 г. (Грюмель. 1958, 436).

16. Студийский монастырь основан в 463 г. Играл большую роль в византийской истории VIII-IX вв. Позже русские монахи имели связи со

Студийским монастырем. Находился недалеко от Золотых ворот (Жанен. 1953, 444-445), у совр. мечети Мирахорсами (Жанен. 1950, 46; 282; 395-396).

17. Синкел – советник при епископе или патриархе. Это почетное звание появилось в X в. В X-XI вв. синкел был первым после патриарха духовным лицом и являлся как бы его наследником. В табели о рангах «Книги церемоний» (530-532) синкел стоял выше митрополита. Впоследствии син-келы появились и у епископов, с середины XI в. титул синкела теряет (особенно при Комнинах) свое значение.

18. Этот мотив популярен и в библейских (Иов. VIII, 9; Псалмы. CXLIИИ, 4 и др.), и в античных текстах (Пиндар. Пифийские. VIII, 95; Софокл. Аякс, 125 и т. д.), так что источник его появления у Льва Диакона установить трудно.

19. Не совсем точное извлечение из послания апостола Павла к Эфесянам (III, 13).

20. Странно, что Лев, с таким восторгом отзываясь об Антонии, ни словом не обмолвился о преемнике Антония – Николае II Хрисоверге. Очевидно, патриархи, правившие после Антония, его не интересовали. Можно думать, что именно в 979 г., после патриаршества Антония, Лев перешел на должность придворного диакона. В отношении преемника Антония в источниках очень много неясного. Опираясь на данные Скилицы (328), можно допустить, что четыре года после смерти Антония патриарший престол был свободен; согласно же обычно точному Яхъе (Розен. 14), Николай Хри-соверг вступил на престол именно в 979 г., а четырехлетний период вакансии престола приходится на 991-995 гг. В настоящее время принято считать, что интронизация Николая состоялась в 979 г., а период вакансии относят к 992-996 г. (Грюмель. 1958, 436; Бекк, 1959, 803).

21. Эта мемуарная вставка показывает, что Лев Диакон был в 70-х годах в Малой Азии, может быть, выполняя поручения патриарха Василия, на стремление которого все разузнавать он сетует (см. выше: X, 2).

22. Новая экспедиция на Восток началась в апреле 975 г. (Уолкер. 1977, 314). Несмотря на блестящие успехи Цимисхия, его поход мало конкретизирован не только у Льва Диакона, но и у Скилицы. Более подробные сведения дают сирийские и армянские источники (см.: Там же. 301-305). Матвей Эдесский (XIII в.) приводит письмо Цимисхия армянскому царю Ашоту III Багратиду, который был верным союзником Цимисхия (Кучук-Иоаннесов. 1903, 91, и ел.). Некоторые детали письма сходятся с фактами, передаваемыми византийскими хронистами. Цимисхий преувеличивает успехи византийских войск, сообщает, что вся Сирия и Палестина освобождены от арабов; однако о взятии Иерусалима при этом не говорится.

23. См. примеч. 63, IV. Видимо, Лев никогда сам не бывал в Палестине.

24. См. примеч. 69, IV. Выше (IV, 10) Лев ошибочно сообщал, что город взят Никифором. В действительности он был захвачен византийцами в 974 г. (Уолкер. 1977, 315, примеч. 43).

25. Согласно письму Цимисхия к Ашоту, эти реликвии были захвачены в городе Габаоне (Габала-Зебель). Однако, если верить Яхъе (89), этот город был уже занят Никифором.

26. Имеется в виду храм Богородицы во Влахернах.

27. Апамея (совр. Калат-Алмудик) – мощная крепость в Сирии, вряд ли была взята Цимисхием, ибо в том же году она находилась в руках арабов (Хонигман. 1935, 101).

28. Арабский писатель Ибн-ал-Каланиси рассказывает о взятии Дамаска: правитель города Аль-Птекин во главе трехсот человек вышел навстречу Цимисхию, «упал на землю перед императором... и поцеловал землю, что тому очень понравилось». Цимисхий «обратился к дамаскцам с ласковыми словами и

обошелся с ними милостиво» (так же он вел себя и при встрече с Борисом Болгарским!). Затем он наложил на Дамаск подать в 100 тыс. дир хмов и осмотрел город. Увидев, сколь искусен Аль-Птекин в верховой езде, Цимисхий восхитился: «император был всадником и любил всадников» (Канар. 1973, 294-295) – вспомним, что Лев Диакон в своей характеристике Цимисхия (VI, 3) также упоминает о его искусном наездничестве. Дамаск был занят 29 мая 975 г.

29. Ворзо (Барзюя) – сильная крепость, сдавшаяся, согласно Яхъе (161), Ци-мисхию без боя. Совр. Калат-Берзе.

30. Валанея – совр. Банийас.

31. Согласно письму Цимисхия, он из Дамаска отправился в Палестину, занял множество городов и чуть не освободил Иерусалим (Кучук-Иоаннесов. 1903, 96-101), однако другие источники этого не подтверждают: они едины в том, что из Дамаска Цимисхий двинулся к Бейруту, а от него – на север (Уолкер. 1977, 319-322). В любом случае маршрут, приводимый Львом, выдает незнание с географией этого района.

32. Образ Спасителя, пронзенного копьем, согласно письму Цимисхия к Ашоту, захватили не в Бейруте, а в Габаоне; в письме приведена та же легенда, что и у Льва Диакона. Перед нами антииконоборческий памфлет, появившийся в VIII в. Имеется множество версий этой легенды (Афанасий. 795-824), отличающихся от рассказа Льва Диакона некоторыми деталями.

33. В анонимном рассказе о перенесении в Константинополь черепицы с изображением лика Христа (ср. примеч. 4, кн. II) сказано и об этой реликвии: кровь с водой, лившиеся якобы из иконы Спасителя, были обретены Никифором Фокой в Мемпетце в 966 г. одновременно с черепицей (Алькеи. 1963, 254). Однако сама икона в этом документе не упомянута.

34. Триполис – совр. Триполи. Осада была снята с города до середины июня 975 г. (Уолкер. 1977, 322). У Скилицы (311-312) и Зонары (XVII, 4, 103) о походах Цимисхия 974-975 гг. почти ничего не говорится. Очевидно, поздние хронисты не считали нужным подробно сообщать о них, поскольку эти завоевания Цимисхия были эфемерными.

Походы Иоанна против арабов имели, помимо политического, и социальный смысл. Он хорошо понимал потребности укрепляющейся феодальной знати, которая тяготела на данном этапе, в 70-х годах X в., к организации в военно-землевладельческое сословие; стратиоты-всадники в это время превращались в мелких феодалов. Цимисхий писал Ашоту: «Все арабы, жившие там в огромном количестве, попались нам в плен и были розданы нашим всадникам...» (Кучук-Иоаннесов. 1903, 100). Всадники-катафракты, безусловно, превращали пленных в зависимых земледельцев. Происходили значительные изменения в среде стратиотов, из которых стала выделяться феодальная знать, группировавшаяся вокруг виднейших военных фамилий и совершенно не связанная с крестьянской общиной. Крупные военные кланы в условиях фемного строя все более делались не агентами императорского правительства в фемах, а сеньорами своих вассалов – фемный строй стал изживать себя, не отвечая интересам феодализирующегося военного сословия. Фемное войско делалось ненадежным в глазах центрального правительства; на сцену выходили наемники и отряды из людей, зависимых от феодальной знати. Начинаясь эра апостасий, мятежей, завершившаяся в 1081 г. переходом полной власти в руки феодализирующихся магнатов во главе с Комнинами.

35. Появление кометы, упоминаемой Львом Диаконом и Скилицей (311), можно отнести к 3 августа 975 г. (Грюмель, 1958, 472).

36. Магистр Симеон – очевидно, Симеон Метафраст – знаменитый составитель сборника житий (Васильевский. 1879, 379, 436; Моравчик. 1958, I, 321-

323). Стефан – проедр, т. е. митрополит Никомидии, возведен в сан в 976 г. Был противником Симеона Нового Богослова по литургическим вопросам. Известен как автор многих богословских трудов и, по всей вероятности, автор сборника житий «Менологий Василия II» (Бекк. 1959, 501–502).

37. О смерти Иоанна Цимисхия сказано в конце книги. Начиная с седьмой главы, Лев Диакон забегает вперед, чтобы показать, как отразилось появление кометы на судьбах Византии.

38. Варда Склир принадлежал к той знати, которая была недовольна антиземлевладельческой политикой Василия II. Дорогостоящие войны Никифора Фоки и Цимисхия требовали от населения, задавленного налогами и повинностями, чрезвычайного напряжения. Поэтому легко было привлечь к мятежу народную массу. Источники о мятеже Варды Склира многочисленны. Кроме Скилицы (314–323) и Зонары (XVII, V и VII), относительно подробно описывает восстание Михаил Пселл (I, 4–7). Из восточных источников о восстании Склира особенно ценна по точности хронологии «История» Яхьи Антиохийского (Розен. 2–4, 12–14). Поскольку в гражданские войны в Византии вовлекались и кавказские народы, очень важны армянские источники: Аристакес Ластивертци (XI в.) (56–65) и Асохик (XI в.) (135, и ел.).

39. Скилица (315) сообщает, что, вступив на престол, Василий II очень боялся интриг честолюбивого Склира, поэтому лишил его власти domestika схол Востока, сослал в Месопотамию на должность стратига этой фемы, а его сообщника Михаила Вурцу – в Антиохию. Но именно это и ускорило начало мятежа. Положение дел в среде византийской провинциальной знати, правда, в несколько более поздний период, но в такой же ситуации мятежа описывает Аристакес Ластивертци: «Собралось множество ромейской знати, которых император по разным причинам лишил сана, и они рычали, подобно львам, попавшим в клетку!» (63). Согласно Яхье (Розен. 1), как только Склир приехал в отведенную ему местность Халиб, он напал на город Мелитину, захватил там василика (царского налогового чиновника) с деньгами и объявил себя императором. К нему немедленно присоединилось «много народу из греков, армян и мусульман». Возможно (см.: Скилица, 321), именно знать армянских мелких фем и проявила инициативу в мятеже Склира. Восстание быстро распространилось на всю Малую Азию. Василий II послал против Склира Михаила Вурцу, но тот тоже перешел на сторону восставших (Розен. 2).

40. Стратопедарх магистр Петр, согласно Яхье (Розен. 2, 90–91), участвовал во взятии Антиохии византийскими войсками при Никифоре (ср. примеч. 36, V). Петр был стольником императора, потом Василий II назначил его стратопедархом. По данным Скилицы (315), Петр – начальник войска восточных фем, т. е. domestik Востока. Лев ошибочно относит его гибель к битве у Ликанда – в действительности он пал при Рагее в 977 г. (Розен. 2; Скилица. 322).

41. Скилица (319) называет эту местность Ликанд (совр. Кеуй-Иере) в Каппадокии. Битва произошла осенью 976 г.

42. Император Василий решил простить Варду Фоку за его мятеж в 970 г. и послать для подавления восстания Склира. В марте 978 г. он назначил его domestikom схол Востока. У семейства Фок имелись большие владения в Халдии, где было много грузинского населения; опираясь на свои связи с грузинским правителем Тао, куропалатом Давидом, Фоки могли выступить против Склира и его армянских сторонников. Они пообещали Давиду уступить ряд пограничных местностей, если он поможет подавить мятеж Склира. Давид действительно оказал помощь, отправив против Склира «князя князей» Гогика

и Торника, «и стали они опустошать греческую страну, подвластную тирану Склиру» (Асохик. 135) (см.: Месхия. 1979, 100).

43. Аморий – город во Фригии, центр фемы Анатолики. Панкалия – долина неподалеку от Амория, у реки Галис (Скилица. 326). Совр. Хамза-Хаджи (Рэмси. 1891, 231).

44. Согласно Льву и Яхье, сражение при Панкалии окончилось поражением Варды Фоки, тогда как у Скилицы (326) – неточность: он связывает с этой битвой решающую победу над Склиром войск Василия II под, , начальством Фоки.

45. Никея (совр. Изник) – старинный город, место проведения первого вселенского собора 325 г.; митрополия (Бекк. 1959, 165). По Константину Багрянородному (Фем. 25), это митрополия и центр четвертой фемы– Опсикий.

46. Атталия (совр. Анталья) – старинный город в провинции Памфилия, центр морской фемы Кивирреоты (Арвейлер. 1966, 108).

47. В немецком переводе опущены слова *** – «азиатский» (Лоретте. 154).

48. Скилица (291) не упоминает Варду, говоря только о Феодоре и Никифоре. Может быть, Варда – второе имя Феодора. (О Парскутинах см. примеч. 2, кн. VII.) Яхья (Розен, 3) рассказывает, что первое поражение Склира произошло в Антиохии, где местное население, разочаровавшись в нем, провозгласило вновь царем Василия. Сторонники Склира из армян, пытавшиеся восстановить его власть, были разбиты местными жителями.

49. Решающую помощь в наборе войск из фемы с грузинским населением оказал Фоке Давид, куропалат Тао (Скилица. 326; Ластивертци. 64; см.: Адонц. 1938, 143-156; Авалихвили. 1933, 177-202).

50. Лев Диакон не называет места окончательного поражения Склира. Скилица (326) называет, но путает первую битву с последней. Склир, согласно Яхье, потерпел поражение 21 шабана 368 г. хиджры (24 марта 979 г.). Он бежал в Диарбекир и просил помощи у эмира Адуд-ал-Даулы (Розен. 12), который затребовал Склира в Багдад (Экбатаны по Льву).

51. Лев не дал описания императора. Высокого роста, энергичный, Василий II производил сильное впечатление – он не был похож на отца, деда или прадеда ни обликом, ни, главное, настойчивостью в делах. Р. Дженкинз (1966, 500, и ел.) предположил даже, что императрица Феофано родила его от какого-то варяжского наемника. Есть также версия, что некоторые черты характера Василий унаследовал от прабабушки Евдокии Ингерини – скандинавки. О характере Василия см.: Антониади. 1953-1955.

52. Речь идет о восстании болгар против византийского господства. Из-за противоречивых сведений источников до сих пор не решен вопрос, когда вспыхнуло восстание в Западной Болгарии, и была ли она вообще под властью Византии. Во всяком случае, после смерти Цимисхия ромеи были изгнаны из всей Болгарии.

53. Обвиняя императора, находящегося у власти, в неблагоразумии, Лев не мог рассчитывать на то, что его труд увидит свет. Возможно, положение Василия казалось ему плачевным, и он решил писать «Историю» в надежде опубликовать ее уже при другом императоре. Если бы Василий узнал, как его характеризует придворный дьякон, даже духовный сан не спас бы Льва от расправы: Василий побил иерусалимского патриарха Сергия, приказал бросить в море с камнем на шею архиепископа Иллариона, у епископа Захария велел вырвать язык (Антониади. 1953-1955, 250; 257).

54. Сардика, римская колония Ульпия Сардика, Триадица-совр. София. В начале IX в. покорена болгарами. Являлась крупным военно-политическим-и экономическим центром Болгарии. Лев называет город Тралица.

55. Имеются в виду события, описанные в Илиаде (IV, 75-76; 116-140).

56. Дом Василия, так называемый Дом Варвара, находился в квартале Аркадианы (Броккаар. 1972, 233). Из арабских источников можно заключить, что разногласия между всеильным евнухом и молодым императором начались уже в 982 г. (Там же. 230-232). Проедр Василий попал в опалу в 985 г. (Розен. 20; 170-175). Он был сослан в Стенон, где умер в 989 г. Все хрисовулы, изданные при нем, были аннулированы (Гийян. 1967, 183).

57. Лев находился при войске в качестве императорского дьякона в 986 г., а не в 981, как утверждает Газе (XVIII) (см.: Фишер. 1886, 354). Льву Диакону тогда было около 35 лет. Некоторое время в историографии обсуждался вопрос, был ли он вообще придворным дьяконом? Газе (XVIII) первым усомнился в этом. Фишер (1886, 376), однако, показал, что положение Газе лишено аргументации. Опубликование энкомия Льва Диакона Василию II не оставляет сомнений, что именно этот император приблизил его ко двору в качестве дьякона (Энкомий. 19).

58. Лев Диакон по памяти цитирует Библию (Псалтырь. XXII, 2), допуская поэтому неточности.

59. Поражение византийцев точно датировано у Яхъи – 17 августа 986 г. (Розен. 21).

60. В датировке начала мятежа источники расходятся; согласно Скилице (332), это случилось 15 августа 15 индикта, по Яхъе (Розен. 23), который дает полную дату, – в среду, 14 сентября 987 г., в праздник Воздвижения креста. Дата приведена и по селевкидскому календарю, и по хиджре.

За год до этого Склира выпустили из багдадской тюрьмы, где он сидел с 979 г., и Яхъя сообщает, что давние противники – Варда Фока и Варда Склир – заключили после этого соглашение, по которому первому доставались – европейские фемы с Константинополем; второму – азиатские. Но Варда Фока, желая устранить соперника, вскоре заключил его в крепость, а сам провозгласил себя императором. Он опирался на фемное войско и флот и имел мощную отборную гвардию из грузин. Этот мятеж оказался настолько грозным для Василия, что он решил просить помощи у киевского князя Владимира, обещав скрепить союз браком Владимира с сестрой императора Анной и ставя условием крещение Владимира (Розен. 23; 200, 203; Скилица. 336; Пселл. 1926, 11; см. интересный текст Абу-Шоджи (391-395) об участии русских в этой войне.)

61. Мелиссины – один из древнейших византийских родов, известный с VIII до рубежа XII-XIII вв. (Каждой. 1974, 125, 146). Лев Мелиссин находился под подозрением у Василия II уже в 986 г. (Скилица. 331).

62. Хрисополь (совр. Скутари) – город на азиатском берегу против Константинополя (Жанен. 1950, 450-451).

63. Никифор Фока, вест и патрикий, сын куропалата Льва Фоки, уже принимал участие в мятеже при Цимисхии (VII, 1-2). Поскольку он был ослеплен, то командование его являлось, видимо, лишь номинальным. Патрикий Дельфин, реальный командующий – первый известный нам представитель этой фамилии. Возможно, именно он был в 982 г. катепаном византийской Италии (Гийу. 1970; Кекавмен. 528). Нет никаких данных, чтобы отождествить этого человека с Калокиром, участником эпопеи Святослава.

64. О битве при Хрисополе Скилица (336) сообщает, что император «снарядил ночью корабли и посадил на них русских (ведь он тогда призвал их на помощь как союзников, архонта их Владимира сделал свойственником, женив его на своей сестре Анне); переправившись с ними на другой берег, он неожиданно напал на врагов и легко победил их». Помощь со стороны Владимира была оказана в духе договора 971 г., но тем не менее Василий вынужден был скрепить союз предложением династического брака.

65. Битва при Авидосе происходила, согласно Яхъе (Розен. 25), в субботу, 3 мухарамы 379 г., т. е. 13 апреля 989 г.; подробно о ней см. у Скилицы (336–337) и у Пселла. У Варды Фоки особенно отличились в битве грузинские воины, у императора–русская дружина. По Скилице (338), взятый в плен Лев Мелиссин был пощажён императором.

66. Нельзя не отметить крайне невнимательное отношение Льва Диакона к личности Василия II. Михаил Пселл в своей «Хронографии» так рисует картину гибели Варды Фоки: во время битвы он, размахивая мечом, помчался на Василия впереди своего войска, а тот также выехал вперед, держа образ богоматери. Неожиданно Фока рухнул с коня и умер. Пселл считает, что причиной этого явилась икона богоматери. Этот эпизод у Льва опущен, хотя он как придворный дьякон, конечно, знал эту версию. Скорее всего, Фока был отравлен своим слугой, которого подкупил Василий, как об этом пишет Скилица (337).

67. По неизвестной причине Лев не упоминает о втором восстании Склира, о котором кратко сообщает Скилица, и о продолжении восстания Льва, сына Варды Фоки (Розен. 26). Варда Склир находился в заключении в крепости под присмотром жены Варды Фоки, но был ею отпущен: он снова немедленно провозгласил себя императором и начал военные действия. Этот мятеж был очень опасен для Василия II, так как его отношения с Русью испортились, и недавний союз с Владимиром сменился войной, в ходе которой Владимир сумел захватить Херсон. В такой обстановке Василий решил договориться с Вардой Склиром, которому было дано прощение и пожалованы земли и титул куропалата. Варда Склир (Розен. 25) сдался 1 реджеба 379 г. хиджры, т. е. 11 октября 989 г. Последний очаг мятежа был погашен через месяц после этого Михаилом Вурцей. Склир умер в марте 991 г.

68. Из текста не вполне ясно, возвращается ли Лев к комете 975 г. или переходит к рассказу о другой комете, подробное описание которой дано несколькими строчками ниже и появление которой отнесено Асохиком к середине августа 989 г. (Асохик. 179), а Яхъей – к 27 июля (Розен. 29). Комета была видна 20 дней.

69. «Огненные столбы» – вероятно, аллюзия на Апокалипсис (X, 1). Описанный феномен напоминает северное сияние. Розен (28; 214–215) и другие исследователи отождествляли его с тем «огненным столбом», который был виден в апреле 989 г. в Каире. Однако О. М. Рапов справедливо указал, что у Яхъи описаны скорее результаты вулканического извержения (Рапов. 1984, 37), следовательно, мы не можем точно датировать «столбы» Льва Диакона.

70. Византийские источники, как ни странно, не упоминают о крещении Руси. Коль скоро оно последовало за взятием Херсона князем Владимиром, крайне важно узнать, когда пал этот город. Русская летопись даёт 988 г. (ПВЛ. 59–83). Яхъя указывает (Розен. 23), что к тому моменту, как Василий II обратился к русским за помощь против мятежников, Владимир был врагом Византии. Поскольку уже весной 989 г. в империю прибыла союзная русская дружина, то переговоры о крещении князя и его браке с принцессой Анной следует отнести к 988 г. В таком случае Херсон вполне мог быть взят до этого времени, но в том же 988 г. Но такой датировке на первый взгляд противоречит рассказ Льва Диакона: даже если отказаться от старой привязки «огненных столбов» к апрелю 989 г. (см. выше), все равно наш историк явно сближает это явление с кометой, точно датируемой летом 989 г. Значит, русские взяли Херсон в 989 г.? А ведь в 988 г. они были союзниками Василия II. Высказывалось предположение, что ромеи не выполнили условий договора, и Владимир захватил Херсон, чтобы принудить их к этому. Напротив, А. Поппе (1978) считает, что город отложился от

империи и князь действовал против него как союзник Василия. Н. М. Богданова, однако, справедливо замечает, что употребленный Львом оборот «***» не означает предзнаменования: появление столбов «указывало на уже свершившийся захват» и, стало быть, сообщение Льва не противоречит другим источникам (Богданова. 1986, 44-46).

71. Веррия, совр. Верия, мощная крепость; суффрагант-епископия (Бвкк. 1959, 137). Ее взятие датировалось второй половиной 989 г. (Златарский. 1918, 681), но по указанным выше соображениям должно быть отнесено к более раннему времени. Византийцы вновь овладели ею лишь в 1001 г. (Скилица. 344).

72 День св. Димитрия – наиболее популярного военного святого в Византии и в Болгарии – отмечается церковью 26 октября (Синаксарь. 163-165). Скилица (331) относит землетрясение к октябрю 15 индикта 6495 г., т. е. к 986 г. Нужно думать, Лев Диакон, современник события, особенно приверженный тому, чтобы устанавливать тесную связь между бедствиями и астрономическими явлениями, заслуживает большего доверия. К тому же Яхъя (Розен. 26) относит землетрясение к четырнадцатому году правления Василия (это 989 г.) и к 379 г. хиджры (также 989 г.). Это землетрясение упоминается и у поэта Иоанна Геометра, и у армянского историка Асохика, и у латинских хронистов. О характере разрушений в куполе св. Софии см.: Эмерсон, Найс. 1943.

73. Данное место особенно важно для определения даты написания труда Льва Диакона. Шестой год после землетрясения – 995-й. Однако Яхъя (Розен. 26-27), хронология которого заслуживает доверия, относит это событие к восемнадцатому году правления Василия, т. е. к 993 г. (ср. Пападопуло-Керамевс. 1908, 115). Конечно, Лев Диакон, и как константинополец, и как лицо, близкое к великой церкви, должен был знать эту дату лучше. Поэтому ряд историков считали 995 г. годом завершения работы над «Историей» (Розен. 225-226; Васильевский. 1875, 118). Но обнаруживается новое недоразумение: русских Лев изображает язычниками, тогда как к 995 г. Русь уже была христианской. Да и общий настрой десятой книги «Истории» напоминает скорее о 989 г., а не о 90-х годах. Как же решить дело с обновлением собора св. Софии через шесть лет? Можно предположить, что данная фраза является вставкой переписчика (читателя) либо самого Льва Диакона, просматривавшего свою рукопись впоследствии. Это небольшое вставное предложение как бы прерывает рассуждение о бедствиях; дальнейший рассказ представляется естественным продолжением предыдущей фразы, причем слово *** – «и» после слов о восстановлении купола является совершенно неуместным (Сюзюмов. 1916, 139).

74 Лев Диакон имеет в виду район Евтропия (***), который находился между Халкидоном (в состав которого он, вероятно, входил) и Иерией, на азиатском берегу, между совр. Фенербахчи и Кадыккеем (Жанен. 1950, 452-454). Но в районе существовал и особый монастырь Евтропия, где подвизался упомянутый Львом «монашек».

75. Монах стилит-столпник проявлял свое религиозное рвение тем, что непрерывно стоял на высоком столбе. Знаменитый Лука Столпник простоял на столбе, как описывает его житие, 45 лет, и тоже на берегу моря, в монастыре Евтропия. Полагать, что данный монах и есть Лука Столпник, невозможно, так как Лука умер 11 декабря 979 г., и в его житии ничего не сказано о подобной его кончине (Синаксарь, 301-304).

76. Эти слова можно понять по-разному. Возможно, речь идет в том, что история (как наука) вообще когда-нибудь расскажет об этих бедствиях (Газе. XVIII). Но в то же время слова «хата ^еро;» (по порядку) дают основания думать, что в дальнейшем автор сам хочет изложить все эти

явления (Фишер. 1886, 355-357; Крумбахер. 1897, 267). Слова «в свое время» следовало бы понимать в таком случае как намек на невозможность 'описать подобные горестные события в данный момент, т. е. в царствование Василия II.

77. Лонгиада - правильное Лонгиниада - населенный пункт в Киликии недалеко от города Аназарба (см.: Рэмси. 1890, 348), вблизи среднего течения реки Пирам.

78. Дриза-недалеко от Тианы (центра провинции Каппадокнии II) на реке Феба (Рэмси. 1890, 347). Скилица (311) называет еще Поданд на реке того же названия.

79. Согласно Скилице (311-312), Цимисхий, проходя мимо владений Василия, поразился нищете населения. Вслыможа-евнух почувствовал, что близок к опале; чтобы предупредить беду, он решил устранить Цимисхия физически (см.: Шлюмберже. 1896, 308). Осуждение Василия содержится уже в общем источнике Льва Диакона и Скилицы; из этого следует, что он мог быть написан лишь после его опалы в 985 г. (Сю-зюджв. 1916, 126).

80. Атроада лежала у озера Аскания к Внфинии (Рэмси. 1890, 189), Атроадский монастырь был расположен у подножия горы Олимпа (Бекк. 1959, : 209, 259).

81. См. примеч. 32, VI.

82. Роман был сыном Константина, младшего сына Романа Лакапина. Прием- мал участие в войне с Русью (Скилица. 308).

83. Должность севастофора - личного посланника и глашатая императора, носившего его знамя, - появилась между 963 и 975 гг. Замещалась евнухами. Уже XI в. превратилась в почетный титул (Икономидис. 1972, 303).

84. Лоретто (160) оставляет без внимания слова «***».

85. Эти слова немецкий переводчик понимает, как «за свое здоровье» (Лоретто. 160).

86. Версия об отравлении Цимисхия возникла в кругах, враждебно относившихся к всесильному евнуху Василию. Симптомы заболевания, однако, говорят о том, что Цимисхий заболел тифом (Острогорский. 1963, 247).

87. В античности «священной болезнью» считалась эпилепсия, но христианские авторы часто называют так проказу (Обино. 1975, 87-88). Ср. примеч. 23. VI.

88. Николай, митрополит Адрианопольский, известен своими письмами. С апреля 979 г. по 16 декабря 991 г. он была патриархом Константинопольским (Николай II Хрисоверг) (Скилица. 328).

89. Ср. примеч. 58, V; 65, IX.

90. Дата смерти Цимисхия приведена Львом Диаконом неточно; индикт правилен, дата 10 января спорна, год 6485 неверен; 10 индикт соответствует 6484 г. (976 г.). Скилица (314) приводит дату начала правления Василия II, относя ее к декабрю 4 индикта (975 г.) - видимо, Цимисхий был в это время уже недееспособен. Точно и полно дата смерти Цимисхия приведена у Яхъи (Розен. 1) - вторник 11 января 1287 г. по селевкидскому календарю, т. е. 976 г. Рядом этот писатель привел дату и по хиджре - 7 джумада 1, 365, что соответствует 12 января, среде. Поскольку хронисты редко ошибаются в днях недели, то дату по календарю селевки-дов - 11 января 976 г. - нужно признать правильной.

91. «Хронография» Михаила Пселла начинается следующими словами: «Вот так расстался с жизнью император Иоанн Цимисхий». Крупнейший византийский писатель, таким образом, как бы подхватывает рассказ Льва Диакона, и в этом самая высокая похвала автору, труд которого мы анализировали выше.